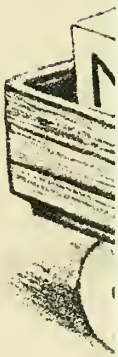
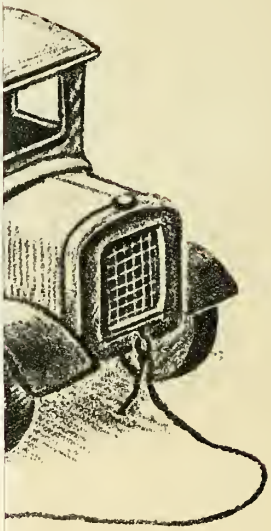
БОРИС ЖИТКОВ

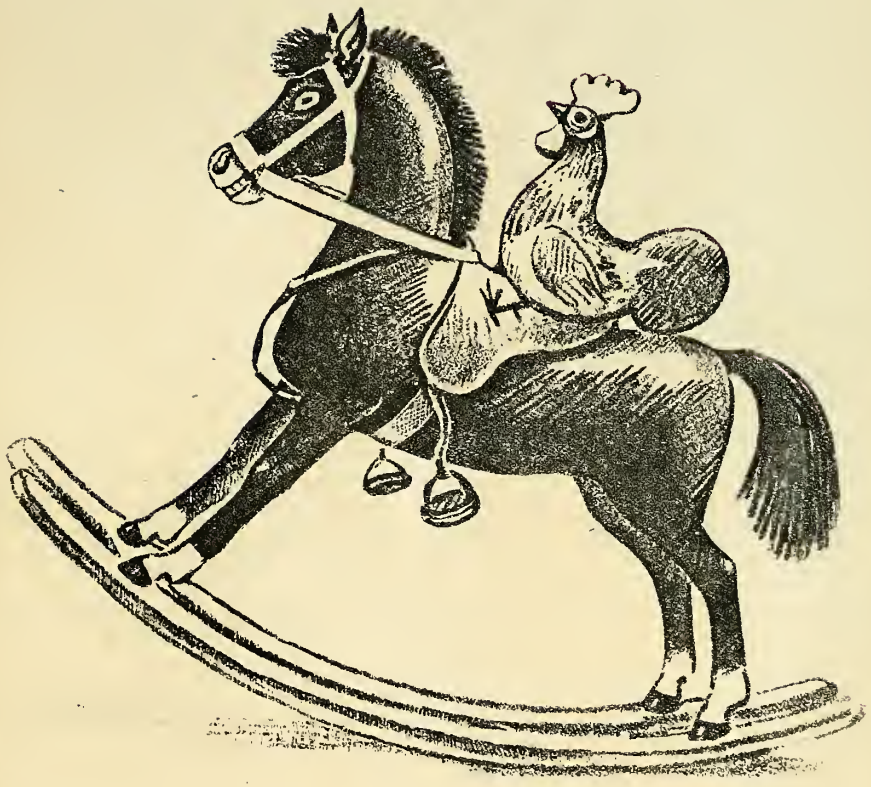
ЧТО Я ВИДЕЛ

ДЕТГИЗ 1946



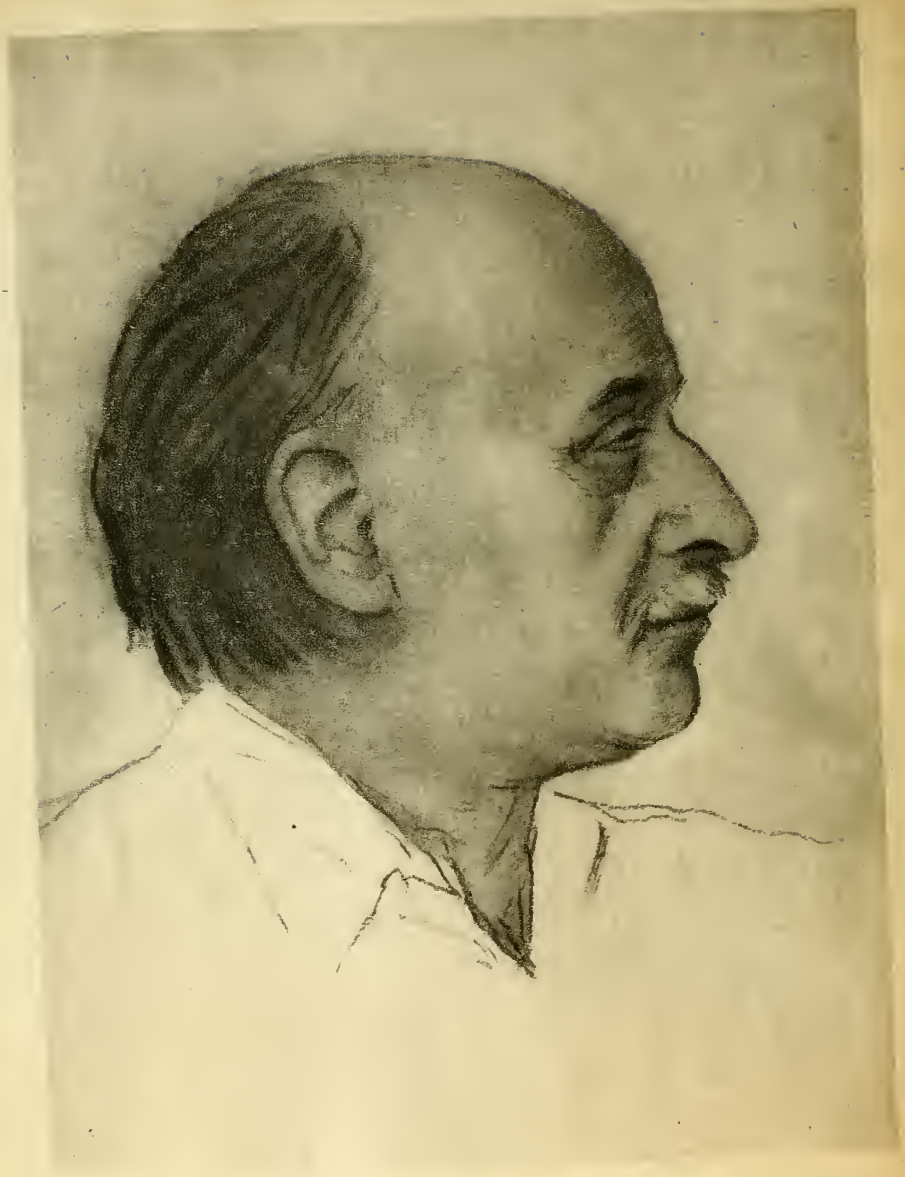


THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES



Digitized by the Internet Archive
in 2013

http://archive.org/details/chtoiavidel00zhit



Борис Житков

Борис Житков

ЧТО Я ВИДЕЛ

Рисунки Е. Сафоновой

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА 1946 ЛЕНИНГРАД

К ВЗРОСЛЫМ

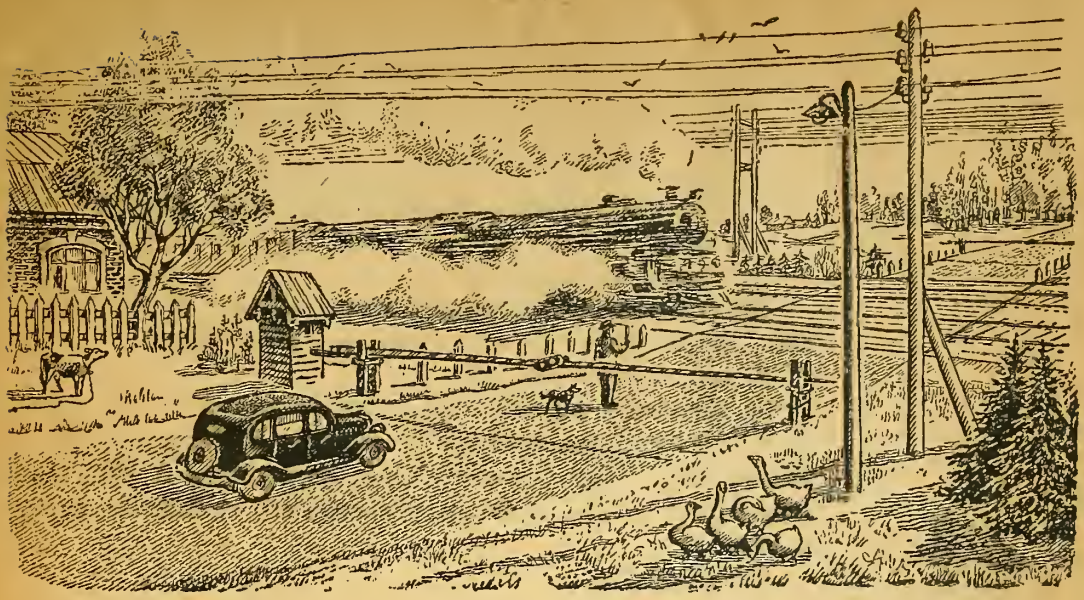
Эта книга — о вещах. Писал я ее, имея в виду возраст от трех до шести лет.

Читать ее ребенку надо по одной-две главы на раз. Пусть ребенок листает книгу, пусть рассматривает, изучает рисунки.

Книжки этой должно хватить на год. Пусть читатель живет в ней и вырастает.

Еще раз предупреждаю: не читайте помногу! Лучше снова прочесть сначала.

Автор



ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

КАК МЕНЯ НАЗЫВАЛИ

Я был маленький и всех спрашивал: «Почему?»

Мама скажет:

— Смотри, уже девять часов.

А я говорю:

— Почему?

Мне скажут:

— Иди спать.

А я опять говорю:

— Почему?

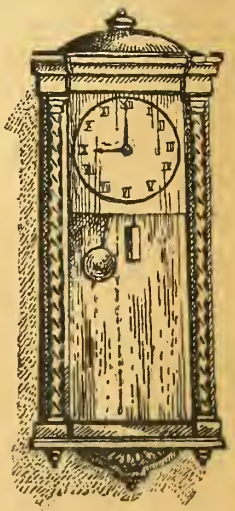
Мне говорят:

— Потому что поздно.

— А почему поздно?

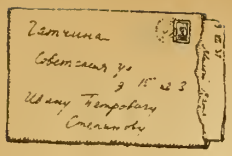
— Потому что девять часов.

— А почему девять часов?



И меня за это называли Почемучкой. Меня все так называли, а по-настоящему меня зовут Алешей.

525275
LIBRARY



ПРО ЧТО МАМА С ПАПОЙ ГОВОРИЛИ

Вот один раз приходит папа с работы и говорит маме:

— Пускай Почемучка уйдет из комнаты. Мне нужно тебе что-то сказать.

Мама мне говорит:

— Почемучка, уйди в кухню, поиграй там с кошкой.

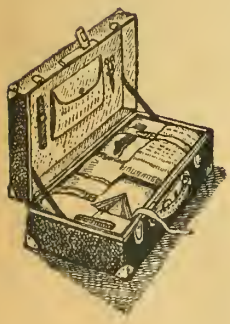
Я сказал:

— Почему с кошкой?

Но папа взял меня за руку и вывел за дверь. Я не стал плакать, потому что тогда не услышу, что папа говорит.

А папа говорил вот что:

— Сегодня я получил от бабушки письмо. Она просит, чтобы ты с Алешей приехала к ней в Москву. А оттуда он с бабушкой поедет в Киев. И там он пока будет жить. А когда мы устроимся на новом месте, ты возьмешь его от бабушки и привезешь.



Мама говорит:

— Я боюсь Почемучку везти — он кашляет. Вдруг по дороге совсем заболеет.

Папа говорит:

— Если он ни сегодня, ни завтра кашлять не будет, то, я думаю, можно взять.

— А если он хоть раз кашлянет, — говорит мама, — с ним нельзя ехать.

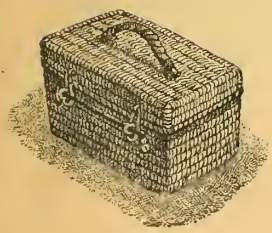
Я все слышал и боялся, что как-нибудь кашляну. Мне очень хотелось поехать далеко-далеко.

КАК МАМА НА МЕНЯ РАССЕРДИЛАСЬ

До самого вечера я не кашлял. И когда спать ложился, не кашлял. А утром, когда вставал, я вдруг закашлял. Мама слышала.

Я подбежал к маме и стал кричать:

— Я больше не буду! Я больше не буду!



Мама говорит:

— Чего ты орешь? Чего ты не будешь?

Тогда я стал плакать и сказал, что я кашлять не буду. Мама говорит:

— Почему это ты боишься кашлять? Даже плачешь?

Я сказал, что хочу ехать далеко-далеко. Мама сказала:

— Ага! Ты, значит, все слышал, что́ мы с папой говорили? Фу, как нехорошо подслушивать! Такого гадкого мальчишку я все равно не возьму.

— Почему? — сказал я.

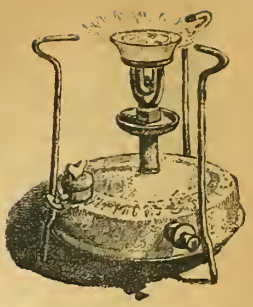
— А потому, что гадкий. Вот и все.

Мама ушла в кухню и стала разводить примус. И примус так шумел, что мама ничего не слыхала.

А я ее все просил:

— Возьми меня! Возьми меня!

А мама не отвечала. Теперь она рассердилась, и все пропало!



БИЛЕТ

Когда утром папа уходил, он сказал маме:

— Так, значит, я сегодня еду в город брать билеты.

А мама говорит:

— Какие билеты? Один только билет нужен.

— Ах да, — сказал папа, — совершенно верно: один билет. Для Почемучки не надо.

Когда я это услыхал, что для меня билета не берут, я заплакал и хотел побежать за папой, но папа быстро ушел и захлопнул дверь. Я стал стучать кулаками в дверь. А из кухни вышла наша соседка — она толстая и сердитая — и говорит:

— Это еще что за безобразие?

Я побежал к маме. Бежал и очень плакал.

А мама сказала:

— Уходи прочь, гадкий мальчишка! Не люблю, кто подслушивает.

А вечером папа приехал из города и сразу меня спросил:

— Ну, как ты? Кашлял сегодня?

Я сказал, что «нет, ни разу».

А мама сказала:

— Все равно — он гадкий мальчишка. Я таких не люблю.

Потом папа вынул из кармана спичечную коробку, а из коробки достал не спичку, а твердую бумажечку. Она была коричневая, с зеленой полоской, и на ней буквы всякие.

— Вот, — сказал папа, — билет! Я на стол кладу. Спрячь, чтобы потом не искать.

Билет был всего один. Я понял, что меня не возьмут.

И я сказал:

— Ну, так я буду кашлять. И всегда буду кашлять и никогда не перестану.

А мама сказала:

— Ну что же, отдадим тебя в больницу. Там на тебя наденут халатик и никуда пускать не будут. Там и будешь жить, пока не перестанешь кашлять.

КАК СОБИРАЛИСЬ В ДОРОГУ

А на другой день папа сказал мне:

— Ты больше никогда не будешь подслушивать?

Я сказал:

— А почему?

— А потому, что коли не хотят, чтобы слышал, значит тебе знать этого не надо. И нечего обманывать, подглядывать и подслушивать. Гадость какая!

Встал и ногой топнул. Со всей силы, наверное.

Мама прибежала, спрашивает:

— Что у вас тут?

А я к маме головой в юбку и закричал:

— Я не буду подслушивать!

Тут мама меня поцеловала и говорит:

— Ну, тогда мы сегодня едем. Можешь взять с собой игрушку. Выбери, какую.

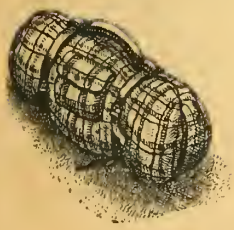
Я сказал:

— А почему один билет?

— А потому, — сказал папа, — что маленьким билета не надо. Их так возят.

Я очень обрадовался и побежал в кухню всем сказать, что я еду в Москву.

А с собой я взял мишку. Из него немножко сыпались опилки, но мама быстро его зашила и положила в чемодан. А потом накупили яиц, колбасы, яблок и еще две булки. Папа вещи перевязал ремнями, потом посмотрел на часы и сказал:



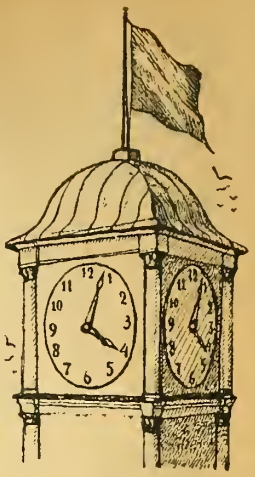
— Ну что же, пора ехать. А то пока из нашего поселка до города доедем, а там еще до вокзала...

С нами все соседи прощались и приговаривали:

— Ну вот, поедешь по железной дороге в вагончике... Смотри не вывались.

И мы поехали на лошади в город. Мы очень долго ехали, потому что с вещами. И я заснул.

ВОКЗАЛ



Я думал, что железная дорога такая: она как улица, только внизу не земля и не камень, а такое железо, как на плите, гладкое-гладкое. И если упасть из вагона, то о железо очень больно убьешься. Оттого и говорят, чтобы не вылетел. И вокзала я никогда не видал.

Вокзал — это просто большой дом. Наверху часы. Папа говорит, что это самые верные часы в городе. А стрелки такие большие, что — папа сказал — даже птицы на них иногда садятся. Часы стеклянные, а сзади зажигают свет. Мы приехали к вокзалу вечером, а на часах все было видно.

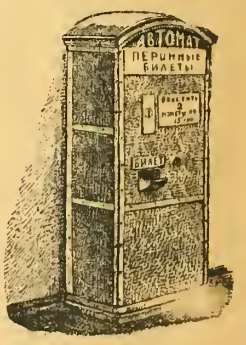
У вокзала три двери, большие, как ворота. И много-много людей. Все входят и выходят. И несут туда сундуки, чемоданы, и тетеньки с узлами очень торопятся.

А как только мы подъехали, какой-то дяденька в белом фартуке подбежал да вдруг как схватит наши вещи! Я хотел закричать «ой», а папа просто говорит:

— Носильщик, нам на Москву, восьмой вагон.

Носильщик взял чемоданы и очень скоро пошел прямо в двери. Мама с корзиночкой за ним даже побежала. Там, в корзиночке, у нас колбаса, яблоки, и еще, я видел, мама конфеты положила.

Папа схватил меня на руки и стал догонять маму. А народу так много, что я потерял, где мама, где носильщик. Из дверей наверх пошли по лесенке, и вдруг большая-большая комната. Пол каменный и очень гладкий, а до потолка так ни один мальчик камнем не добросит. И всюду круглые фонари. Очень светло и очень весело. Все очень блестит, и в зеленых бочках стоят деревья, почти до самого потолка. Они без веток, только наверху листья большие-большие и с зубчиками. А еще там стояли красные блестящие шкапчики. Папа прямо со мной к ним пошел, вынул из кармана деньги и в шкапчик в щелочку запихнул деньгу, а внизу в окошечко выскочил беленький билетик.



Я только сказал:

— Почему?

А папа говорит:

— Это касса-автомат. Без такого билета меня к поезду не пустят вас провожать.

КАКАЯ ПЛАТФОРМА

Папа быстро пошел со мной, куда все шли с чемоданами и узлами. Я смотрел, где мама и где носильщик, но их нигде не было. А мы прошли в дверь, и там у папы взяли билет и сказали:

— Проходите, гражданин.

Я думал, что мы вышли на улицу, а здесь сверху стеклянная крыша. Это самый-то вокзал и есть. Тут стоят вагоны гуськом, один за другим. Они друг с другом сцеплены — это и есть поезд. А впереди — паровоз. А рядом с вагонами шел длинный пол.

Папа говорит:

— Вон на платформе стоит мама с носильщиком.

Этот длинный пол и есть платформа. Мы пошли. Вдруг мы слышим — сзади кричат:

— Поберегись! Поберегись!

Мы оглянулись, и я увидел — едет тележка, низенькая, на маленьких колесиках, на ней стоит человек, а тележка идет сама, как заводная. Тележка подъехала к маме с носильщиком и остановилась. На ней уже лежали какие-то чемоданы. Носильщик быстро положил сверху наши вещи, а тут мы с папой подошли, и папа говорит:

— Вы не забыли? Восьмой вагон.

А сам все меня на руках держит. Носильщик посмотрел на папу, засмеялся и говорит:

— А молодого человека тоже можно погрузить.

Взял меня подмышки и посадил на тележку, на какой-то узел. Папа крикнул:

— Ну, держись покрепче!

Тележка поехала, а мама закричала:

— Ах, что за глупости! Он может свалиться! — и побежала за нами.

Я боялся, что она догонит и меня снимет, а дяденька, что стоял на тележке, только покрикивал:

— Поберегись! Поберегись!

И тележка побежала так быстро, что куда там маме догнать!

Мы ехали мимо вагонов. Потом тележка стала. Тут подбежал наш носильщик, а за ним папа, и меня сняли.

У вагона в конце — маленькая дверка, и к ней ступеньки, будто крылечко. А около дверки стоял дядя с фонариком и в очках. На нем курточка с блестящими пуговками, вроде как у военных. Мама ему говорит:

— Кондуктор, вот мой билет.

Кондуктор стал светить фонариком и разглядывать мамин билет.

КАК Я ПОТЕРЯЛСЯ

Вдруг, смотрю, по платформе идет тетя, и на цепочке у ней собака, вся черная, в завитушках, а на голове у собаки большой желтый бант, как у девочки. И собака только до половины кудрявая, а сзади гладкая, и на хвостике — кисточка из волосиков. Я сказал:

— Почему бантик?

И пошел за собакой. Только немножечко, самую капельку прошел. Вдруг слышу сзади:

— А ну, поберегись!

Не наш носильщик, а другой, прямо на меня везет тачку с чемоданами. Я скорей побежал, чтобы он меня не раздавил.

Тут много всяких людей пошло, меня совсем затолкали. Я побежал искать маму. А вагоны все такие же, как наш. Я стал плакать, а тут вдруг на весь вокзал — страшный голос:

— Поезд отправляется... — и еще что-то. Так громко, так страшно, будто великан говорит.

Я еще больше заплакал: вот поезд сейчас уйдет, и мама уедет! Вдруг подходит дядя военный, в зеленой шапке, наклонился и говорит:

— Ты чего плачешь? Потерялся? Маму потерял?

А я сказал, что мама сейчас уедет. Он меня взял за руку и говорит:

— Пойдем, мы сейчас маму сыщем.

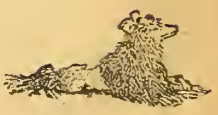
И повел меня по платформе очень скоро. А потом взял на руки.

Я закричал:

— Не надо меня забирать! Где мама? К маме хочу!

А он говорит:

— Ты не плачь. Сейчас мама придет.



И принес меня в комнату. А в комнате — тетеньки. У них мальчики, девочки и еще совсем маленькие на руках. Другие игрушками играют, лошадками. А мамы там нет. Военный посадил меня на диванчик, и тут одна тетя ко мне подбегает и говорит:

— Что, что? Мальчик потерялся? Ты не реви. Ты скажи: как тебя зовут? Ну, кто ты такой?

Я сказал:

— Я Почемучка. Меня Алешей зовут.

А военный сейчас же убежал бегом из комнаты.

Тетенька говорит:

— Ты не плачь. Сейчас мама придет. Вон смотри, лошадка какая хорошенькая.

КАК Я НАШЕЛСЯ

Вдруг я услышал, как на весь вокзал закричал опять этот великанский голос:

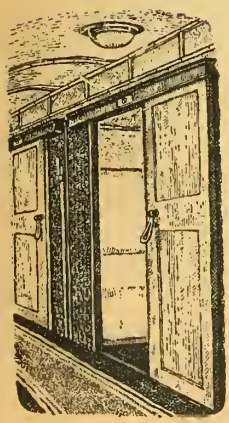
— Мальчик в белой матросской шапочке и синей курточке, Алеша Почемучка, находится в комнате матери и ребенка.

— Вот, слышишь? — говорит тетенька. — Мама узнает, где ты, и сейчас придет.

Все девочки и мальчики вокруг меня стоят и смотрят, как я плачу. А я уже не плачу. Вдруг двери открылись: прибегает мама.

Я как закричу:

— Мама!



А мама уже схватила меня в охапку. Тетенька ей скорей дверь открыла и говорит:

— Не спешите, еще время есть.

Смотрю — и папа уже прибежал.

А мама говорит:

— Хорошо, что по радио сказали. А то бы совсем голову потеряла.

А папа говорит:

— С ума сойти с этим мальчишкой!

Мама прямо понесла меня в вагон и говорит дяденьке кондуктору:

— Нашелся, нашелся...

ВАГОН

В вагоне — длинный коридор, только узенький. Потом мама отворила дверь, только не так, как в комнате, что надо тянуть к себе, а дверь как-то вбок уехала. И мы вошли в комнату. Мама посадила меня на диван. Напротив тоже диван, а под окошком столик, как полочка. Вдруг в окошко кто-то постучал. Я посмотрел, а там за окном папа. Смеется и мне пальцем грозит. Я встал ногами на диван, чтобы лучше видеть, а диван мягкий и поддает, как качели. Мама сказала, чтобы я не смел становиться ногами на диван, и посадила меня на столик.

СОБАЧКА ИНЗОЛ

Вдруг я услышал, что сзади кто-то входит. Оглянулся и вижу — это та самая собака с желтым бантом, и с ней тетя на цепочке. Я забоялся и поджал ноги, а тетя сказала:

— Не бойся, она не укусит.

А я спросил:

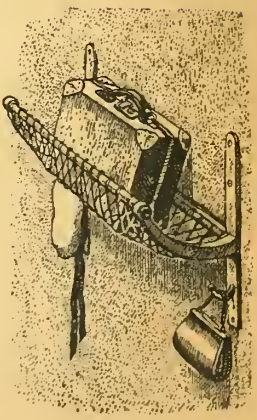
— Почему?

— Ах, — сказала тетя, — ты, наверное, и есть Почемучка, который потерялся. Ты — Алеша? Это про тебя радио говорило? Ну да, — говорит, — в белой шапочке и в синей курточке.

Тут вошел к нам дядя, немножко старенький, тоже с чемоданом. А собака на него зарычала. А собакина хозяйка сказала:

— Инзол, тубо!

И собака начала дядю нюхать. А дядя свой чемоданчик положил наверх, на полочку. Полочка не дощаная, а из сетки, как будто от кроватки для детей. Дядя сел и спрашивает:



— Вы едете или провожаете?

Тетя говорит:

— Еду.

Дядя спрашивает:

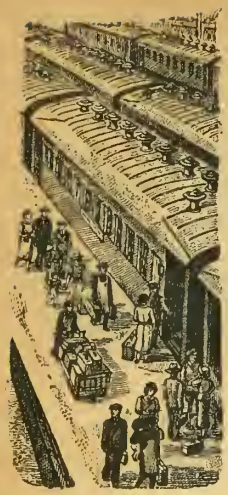
— Собачка тоже с нами поедет? А этот мальчик ваш?

Тетя сказала, что собачка поедет и что собачку зовут Инзол, а моя мама сейчас придет, а меня зовут Алеша Почемучка.

— Ах, — говорит дядя, — это ты от мамы убежал? А теперь, кажется, мама от тебя убежала. Ну что же, — говорит, — поедешь с этой тетей. И со мной. И с собачкой.

Я как крикну:

— Не хочу!



И прямо соскочил со столика и закричал со всей силы:

— Мама!

Собачка залаяла. Я побежал к двери, собачка тоже. Какие-то чужие там, в коридорчике, и, смотрю, мама всех толкает, бежит ко мне.

— Что такое? Ты что скандалишь? Я ведь здесь, дурашка ты этакий!

Взяла меня на руки и говорит:

— Вон гляди — папа. Сейчас поедем.

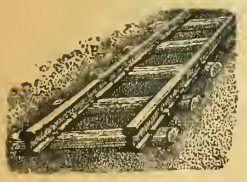
КАК МЫ ПОЕХАЛИ

И вдруг громко-громко загудел гудок.

Сзади дядя сказал:

— Ну вот, паровоз свистнул — значит, поехали.

А папа за окном что-то кричал, только ничего не слышно. Рот раскрывает, а ничего не слышно. Потом под полом заурчало, и на платформе все поехали назад, а это мы поехали вперед, и все замахали руками, шапками. А папа шел рядом с нашим окном, махал шапкой и что-то ртом говорил. Ничего не было слышно. Мама мне сказала:



— Помахай папе ручкой.

Я стал махать; папа засмеялся. А мама все говорила папе:

— Хорошо! Хорошо!..

А все равно она ничего не слыхала, что́ папа говорил. Мы уже совсем скоро поехали. Папа немножко пробежал, махнул кепкой и остался.

КАКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Мы с мамой сели на диванчик, и я сказал:

— Это потому так гудит внизу, что наша дорога железная.

А дядя говорит:

— Ты думаешь, она как доска железная? Как железный пол? Нет, брат.

Я говорю:

— Почему?

— А потому, что там лежат всего две железины — рельсы, гладкие и длинные-длинные. По ним наши колеса катятся и вагончики бегут шибко-шибко.

Я сказал:

— Почему?

Мама сказала:

— Не приставай к дяде.

А дядя говорит:

— А потому, что впереди паровоз тянет. У паровоза машина. Она крутит ему колеса.

Я сказал:

— Почему?

— А потому, что в паровозе пар. Там котел с водой и огонь жгут. От воды пар идет прямо в машину. Вот завтра, как станем на станции, пойдем с тобой паровоз смотреть.

А я сказал:

— А если колесики соскочат?

— Куда? — говорит дяденька.

— С этих...

А дяденька говорит:

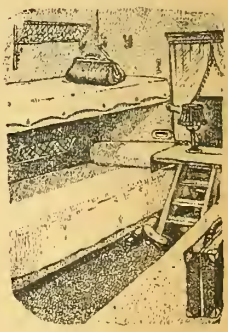
— С рельсов? Бывает, соскакивают. Ух, тогда что выходит!

И дяденька рассказал, что один раз он ехал и вдруг сам паровоз соскочил с рельсов и не по железу побежал, а прямо по земле. А машинист поезд остановил. Мама говорит:

— Не рассказывайте страшного: я спать не буду.

А дяденька говорит:

— А ничего страшного и не было. Машинист остановил, вот и всё.



КАК МЫ СПАТЬ ЛЕГЛИ

Потом дяденька взял наш диван за спинку, за самый низ, и потянул. Я думал, что он ломает. А спинка загнулась вверх и стала как полочка над нашим диваном. А у нас внизу стало как домик: сверху крыша. И зацепками дяденька прицепил ее, чтобы она вниз не падала. Потом сам залез наверх и говорит:

— Вот как славно! Хочешь ко мне? Давай руки.

Он меня схватил за руки и поднял. Там, наверху, вышел тоже диван. Пришел кондуктор и спросил билеты, и за собачку тоже спросил билет. Тетенька дала собачке билет в зубы и сказала:

— Инзол, подай кондуктору билет. Ну, скорее!

Инзол стал лапками на кондуктора и протянул мордочку с билетом. Кондуктор боялся, а все-таки взял, а Инзол не укусил и билет отдал. Кондуктор сказал:

— Он в цирке работает?

А Инзола хозяйка сказала:

— Нет, он в кино показывается.

А потом мама постелила, и мы легли спать.

КАК НОЧЬЮ ПРИЕХАЛИ НА СТАНЦИЮ

Вдруг я проснулся, оттого что внизу у нас, под полом, заскрипело. Поезд остановился. Наш вагон тряхнулся. У нас темно, только синенькая лампочка чуть светит. А вагон еще раз тряхнулся и совсем стал. Я испугался и закричал:

— Ой, колеса сошли! Мама, паровоз по земле пошел!

Я так закричал, что все проснулись. Собачка рычит. А дядя сверху говорит:

— Что ты, дурашка? Это станция. Сейчас посмотрим.

Слез сверху и — к окну, а на окне темная занавеска, и ничего не видно. Дядя ее снизу подергал, и она убежала наверх. А за окном свет, фонари. Люди бегают, и у нас в коридоре тоже затопали. Мама мне говорит:

— Фу, какой ты скандальный!

А дядя говорит:

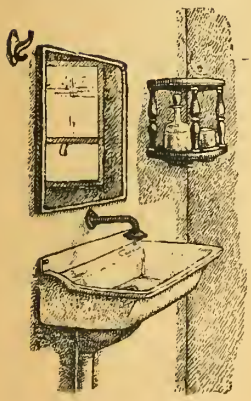
— Это станция. Хорошая станция. Это Бологое.

Мама меня к окну не пустила, а собачка влезла и смотрела. Я стал дядю спрашивать, что там видно, а мама сунула мне яблоко и говорит:

— Ешь и молчи.

Яблоко было страшно кислое, и я заснул.

КАК МЫ В ВАГОНЕ УМЫВАЛИСЬ



Я утром проснулся, а все уже встали. Мама меня одела, взяла мыло и полотенце и говорит:

— Пойдем мыться!

А поезд шел со всей силы, и нас шатало так, что даже смешно. Как будто это нарочно. А это потому, что скоро идет. Мы прошли в самый конец по коридорчику, а там дверка и маленькая комнатка — уборная. И умывальник там есть. Большой, фарфоровый, как корыто. А над ним кран, и никакой ручки нет. А как снизу поддашь в кнопочку, так из него вода сразу сильно-сильно. Только высоко. Мама меня держала, и я сам вымылся. А перед умывальником, на стенке, — зеркало, и видно, когда

моешься. А в это время поезд стал останавливаться, и кто-то постучал к нам в дверь и сказал:

— Кончайте, граждане. На остановках нельзя.

Мама открыла дверь и говорит:

— А мы уже и кончили.

КАК НАМ КОФЕ ПРИНЕСЛИ

Когда мы пришли в нашу комнату, я стал смотреть в окно и увидел, что мы стоим против дома. А перед домом — платформа. А сверху платформы — крыша. И люди ходят с чемоданчиками, с узелками. А дядя мне показывает:

— Вон, видишь, дяденька стоит? Это начальник станции. Он в красной шапке.

Я сказал:

— Почему?

— А чтобы его видней было. Как надо начальника, сейчас смотри: где красная шапка? А это все — станция.

И дядя показал мне на дом. А там двери открылись, и из них вышли всё тетеньки, тетеньки, и все с подносами. На подносах стаканы. И скорей — к поезду.

Я говорю:

— Почему?

А мама говорит:

— Вот сейчас увидишь. Слезай-ка со стола.

И постелила на столик салфетку. Я только слез, слышу — сзади говорят:

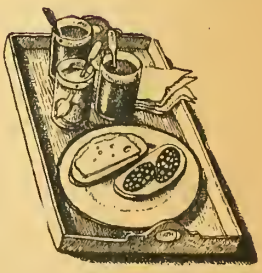
— Кофею, чаю кому угодно?

— Бутерброды, пирожки, яблоки! Кому угодно?

И мама взяла себе чаю, мне — кофе. Это тетенька нам в вагон принесла. И бутерброды мама купила: мне с колбасой, а себе — с сыром. Дяденька тоже взял чаю. И собаке тоже купили бутерброд.

А мама говорит:

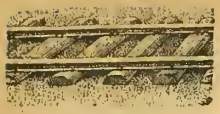
— Не копайся, пей скорей. Сейчас поедем.



А я не мог скорей, потому что собачка ходила на ножках, как человек, и лапками просила, чтобы тетенька ей бутерброд дала. А потом она съела бутерброд и стала у меня просить. Я скорей откусил кусок. А что осталось, хотел собачке дать.

А тетенька как крикнет:

— Инзол, тубо́! Как не стыдно!



И собачка совсем под стол залезла. Я всё успел допить и доесть. Потом стаканы у нас взяли назад.

Я спросил:

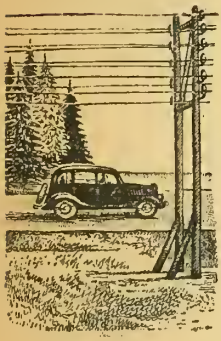
— А когда Москва?

Дяденька мне сказал, что скоро. И тут паровоз засвистел, и мы поехали.

Я стал смотреть в окно и ждать Москву.

А дяденька говорит:

— Вот ты вниз посмотри. Вон они, рельсы.



КАК АВТОМОБИЛЬ ХОТЕЛ ОБОГНАТЬ НАШ ПОЕЗД

А там, внизу, рядом с нами шли все время два рельса. И дядя сказал, что по ним тоже поезда ходят. Я смотрел на рельсы, и вдруг что-то страшно зафырчало, загремело, и у нас темно стало. Я со страху не успел заплакать, а в окне что-то замелькало, и мне сразу показалось, что на нас налетела страшная машина.

Дяденька меня схватил и говорит:

— Не бойся. Это встречный поезд.

А пока я хотел забояться, опять стало светло, и поезд мимо прошел. Это он по тем рельсам пробежал, что рядом с нами.

В окно видно было поле, а дальше — деревья. А совсем близко — дорога, а по дороге бежал автомобиль. Мы скорей, и он скорей. Поезд еще скорей, а автомобиль тоже скорей. А потом даже стал обгонять. И мне уже в окно не стало видно, так он скорей убежал.

Я сказал:

— Почему?

А дяденька говорит:

— Он хочет нас обогнать и впереди нас через нашу дорогу переехать.

А потом дяденька кричит:

— Смотри, смотри!

И я увидал домик, а потом дорога — прямо на наш путь. И дорога палкой перегорожена, очень большой, через всю дорогу. А за ней стоит автомобиль и ждет. А перед палкой стоит дяденька, руку вперед вытянул и держит желтую палочку.

Я закричал:

— Почему? Почему?

ЧТО ЗНАЧИТ ЖЕЛТЫЙ ФЛАГ

А дяденька автомобилю рукой замахал и кричит:

— Не поспели, не поспели! Вот видишь: автомобиль хотел свернуть и переехать через наш путь. А сторож ему перегородил дорогу, а то автомобиль поедет через рельсы, а поезд на него наскочит и раздавит.

Я сказал:

— А почему сторож желтую палочку держит?

А тут мама говорит:

— Чего ты пристаешь? Это не палочка, а флаг. Только он его смотал, чтобы не трепался.

А дяденька говорит:

— И вовсе не для того! А если флаг смотан — это значит, поезд может итти полным ходом. А если флаг распущен, болтается — значит, надо итти потихоньку.

А я все смотрел вперед и опять увидел будку, и там уже не сторож стоял, а тетенька, и тоже флаг держала, и опять замотанный. А потом я вдруг увидал — стоит какой-то человек, держит флаг, как дяденька сказал, что он болтается. И мы пошли очень тихо.

КАК ПЕРЕЕХАЛИ ЧЕРЕЗ РЕКУ

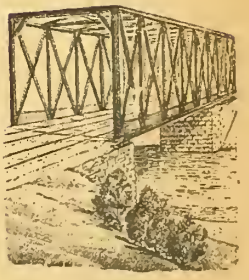
Потом я увидал — стоит красноармеец с ружьем.

Потом еще один, тоже с ружьем. И вдруг перед окном — решетка из очень толстых рельсов. А за решеткой внизу я увидал — вода и лодочки плавают. Мама вскочила и говорит:

— Что, мост? Мост? Это мы через реку едем? Ах, как интересно!

А я сказал маме:

— А ты флаг не видала!



Внизу на лодочке ехали мальчики и махали нам руками. Я помахал, и дяденька тоже.

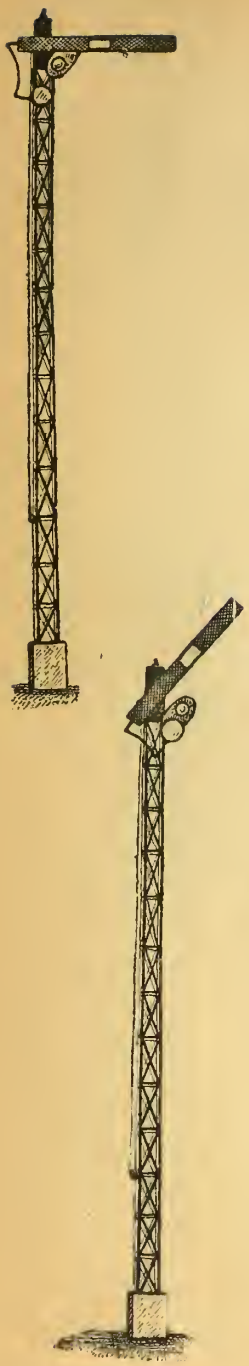
А я все-таки сказал маме:

— Ты не видала, а флаг болтался. Оттого мы и поехали тихо.

А потом немного проехали, и мама говорит:

— А вон, гляди, речку-то как видно! А вон и мост.

А мост вот какой: он как ящик. Только весь из решеток и



через речку лежит — с одного берега на другой. Только решетки железные, страшно толстые. И он с концов не закрыт.

Поезд с одного боку вбегает, а с другого выбегает — и уж на другом берегу.

НАШ ПАРОВОЗ

Я смотрел в окно и вдруг увидел весь наш поезд. Дорога загибалась вбок, и мне стало видно наш паровоз. Он шел впереди всех вагонов. Самый первый. Длинный, черный. Впереди — труба. Только очень маленькая. Из нее пар. А сзади — будочка. А сам паровоз на красных колесах. На очень больших, и паровоз их быстро вертит.

Инженер мне сказал, что в будочке машинист. Он захочет — может паровоз пустить самым быстрым ходом, так что только держись! А захочет — совсем остановит. Захочет — засвистит. И у него в будочке тоже ручка такая есть, чтобы весь поезд остановить, как у нас в вагоне. И еще там другой дядя есть. Он не машинист, а кочегар. Это значит, что он в паровозе огонь разжигает. Там печка, и кочегар туда уголь кидает.

А за паровозом — большой черный ящик на колесиках. Он большой, как вагон, и дядя сказал, что это тендер. Там уголь для паровозной печки и вода для котла.

КАК НАС СЕМАФОР НЕ ПУСТИЛ

Тут вдруг паровоз засвистел. Поезд начал останавливаться. Потом совсем остановился. А паровоз все свистит, свистит. А в вагоне все заходили, выскочили в коридор, и все говорят:

— Что случилось? Что такое?

И все пошли по коридору к дверям. Мама тоже вскочила и тоже говорит:

— Не знаете, что случилось?

Я посмотрел в окно: из вагона люди выскочили, все глядят вперед и пальцами показывают куда-то туда. Дядя инженер тоже вышел из вагона, стал у нас под самым окошком и папироску закурил. Мама стала стучать в окно и рукой махать, чтобы он к нам шел. Он и подошел.

Мама спрашивает:

— Что, что там?

— Не волнуйтесь. Просто семафор закрыт.

Мама говорит:

— Страшно все-таки. Наверно, что-нибудь случилось.

А дядя инженер вдруг как рассердится и стал кричать:

— Чего страшно? Семафор — это столб такой. А наверху — дощечка. Если дощечка стоит вбок, значит ехать нельзя.

А я закричал:

— Почему?

— А потому, что на станции места нет. Там другой поезд стоит. Вот нам и показывают, чтобы мы подождали.

— Почему же паровоз свистит? — говорит мама. — Может быть, опасно?

— А он хочет, чтобы скорей пустили, вот и кричит. Свистком кричит.

КАК ОДИН ДЯДЕНЬКА ОСТАЛСЯ

Потом поезд двинулся. Тихонько-тихонько. И все стали влезать в вагоны. А один дяденька не успел. Бежит, кричит. А поезд все шибче. Вдруг тоненьким свистком кто-то засвистел, как милиционер:

— Трю-у! Трю-трю!

Паровоз свистнул, и поезд остановился. Потом все глядели, как тот дяденька догоняет, и кричали:

— Скорей! Скорей!

А потом я видел — этот дяденька, красный весь, к нам пришел. Очень бежал. И говорит:

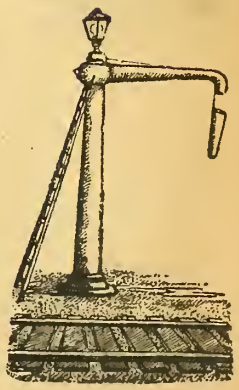
— Это главный кондуктор дал свисток, чтобы остановили, а то бы я остался.

Мама мне говорит:

— Ага! Вот видишь! Вот видишь!

А я вовсе никуда не выходил.

Потом я семафор видел. Рядом с нашей дорогой он стоял. Очень высокий, а наверху дощечка, как флаг, только она уже вверх смотрела. Это значит — можно проезжать, и мы приехали на станцию.



КАК В ТЕНДЕР ВОДУ НАЛИВАЛИ

Я в окошко видел, как наш паровоз, с тендером вместе, по другим рельсам прибежал и стал против нас. А тут был толстый столб, а из него вбок труба, тоже очень толстая. И вдруг какой-то человек влез на тендер, потом поймал эту трубу, а она пово-

рачивается, и он повернул ее к себе, на тендер. И из трубы вода пошла. Это он воду в тендер наливает, чтобы потом ее в котел напускать. Для пара. Паровоз паром возит, потому он и называется паровоз. А тетенька взяла собачку и говорит:

— Инзол, пойдем! Гулять, гулять, Инзол!

Прицепила цепочку, поправила бантик на собачке и пошла.

— Вы смотрите не останьтесь, — говорит мама, — а то уедем без вас.

А тетенька говорит:

— Вон паровоз еще воды набирает. Без паровоза не уедете.

А мама достала колбасы и булки, а потом дала мне конфет и позволила, чтобы я одну конфетку собачке дал.

Я все боялся, что собачка с тетенькой останутся, и все боялся, что паровоз свистнет. Потому что он ушел уже от воды. Но потом ударили в колокол: бум!

И тут тетенька с собачкой пришла, и мы поехали.

КАКИЕ ВАГОНЫ ВСЯКИЕ БЫВАЮТ

И мы проезжали мимо красных вагонов. Они без окон. Только два маленьких окошечка под крышей. А посредине вагона — большие двери, как ворота. Эти вагоны не для людей, а для ящиков и для всяких мешков. И это товарные вагоны. Так инженер сказал. А потом совсем смешные были. Колеса, как у вагона, а наверху лежит боком большущий бидон, как длинная бочка. Туда керосин наливают и возят.

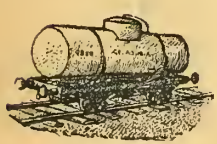
Я сказал, что это бочки, а дядя инженер сказал, что это цистерны. Я спросил: почему? А дядя говорит: потому что так называются, вот и все. А я все шопотом говорил:

— Нет — бочки, нет — бочки!..

И вдруг тетя, которая с собачкой, закричала:

— Ой, надо собираться! Сейчас Москва.

МЫ ПРИЕХАЛИ



Мама стала наши подушки завязывать. Инженер стал чемодан доставать. Начали толкаться. Меня совсем в коридор вытолкнули. А в коридоре уже все стоят в пальто, в шапках, и чемоданчики в руках. Наш паровоз свистел. И вдруг стало темно, как вечером. И поезд остановился.

Мама закричала:

— Алешка! Какой несносный! Где ты? Опять потеряешься! — и схватила меня за руку.

Из коридора все пошли. А потом прибежали носильщики. Такие, как у нас там, на вокзале, в белых фартуках. И мы вышли на платформу.

Дядя инженер говорит:

— Вот и Москва!

А я сказал:

— Это не Москва, а вокзал.

А дядя говорит:

— Ну да, вокзал. А сейчас Москву увидишь. Прощай, Алешка!

И ушел.

КАК Я ВИДЕЛ МАШИНИСТА

Мы с мамой очень тихо шли, потому что людей много. Это всё из нашего поезда вышли. Мне ничего не было видно. А потом дошли до паровоза. Он стоял и шипел. А из паровозной будочки, из окна, смотрел машинист. Когда мы совсем подошли, я стал махать ему рукой, чтобы он увидел. А он не видел, потому что я маленький. Тут все стали, и нас с мамой совсем затолкали. К самому паровозу. Туда, где машинист. Паровоз очень шипел, а я все равно со всей силы крикнул:

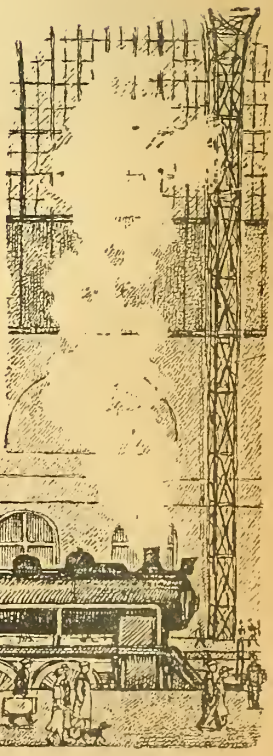
— Дядя машинист!

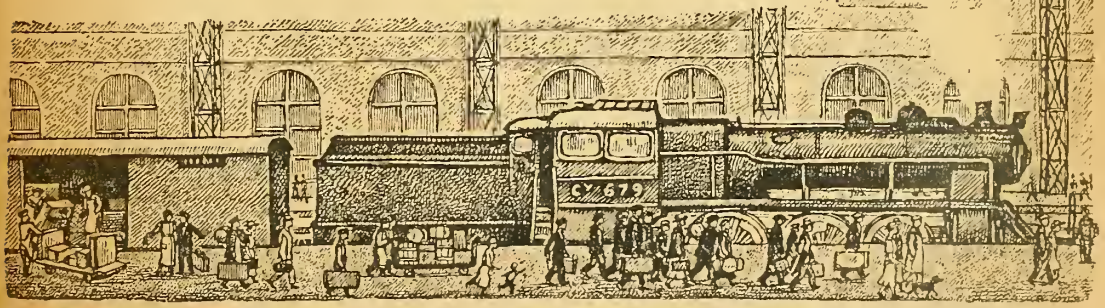
Он посмотрел вниз и увидел меня. Я стал махать рукой и закричал:

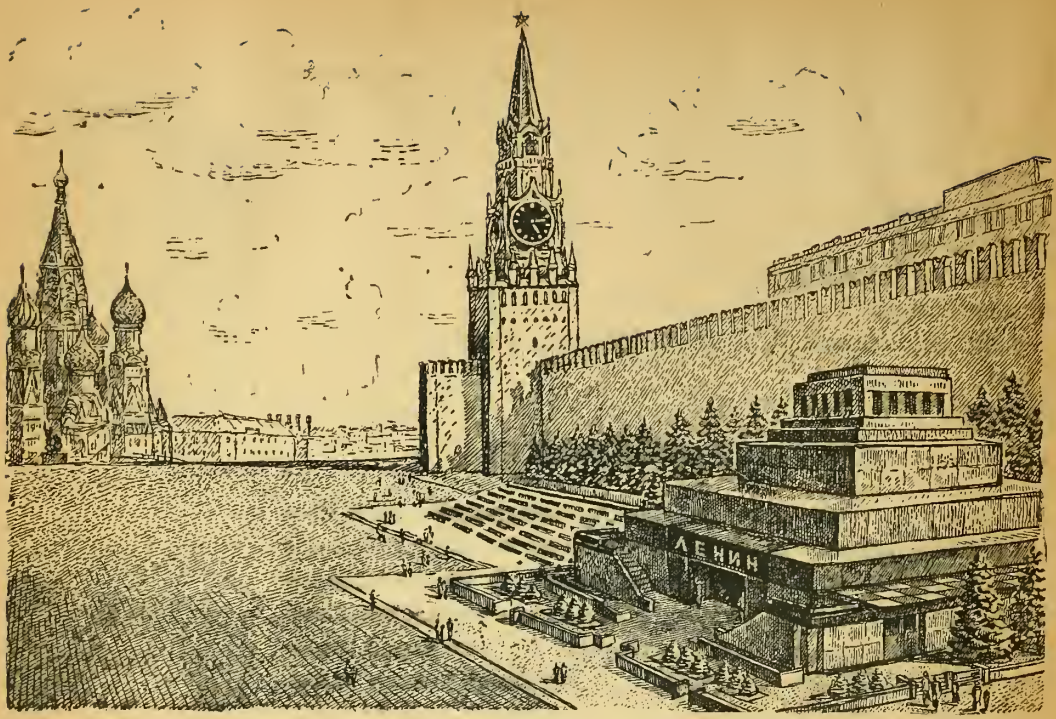
— Это я потерялся! Это про меня радио кричало!

А машинист засмеялся и тоже мне рукой помахал.

А паровоз — как бочка, черный, длинный. А труба совсем маленькая. Я все хотел, чтобы он свистнул, но он не свистнул.







МОСКВА

КАКОЕ ТАКСИ

Мы вышли из вокзала в Москву.

Люди всё ходят, ходят, вещи несут из поезда.

А потом автомобильчики стоят, а дальше еще большие автомобили, как вагоны. В них много людей насаживается. Автомобили гудят.

А потом рельсы идут прямо по улице, только совсем низенькие.

А по ним ходят вагоны, только без паровоза. Три штуки сразу, и они не гудят и не свистят, а звонят звонком. И тоже туда люди насаживаются с чемоданами и так просто, безо всего.

А там дальше дом стоит, очень большой, с башней. И от него еще дома.

А наш носильщик говорит:

— Вам такси?

Мама говорит:

— Да, да! Такси.

Мы пошли за носильщиком.

А такси — это автомобиль. Можно сесть, и он повезет, куда ты захочешь.

Мы с мамой сели. В автомобиле — маленькие диванчики. А впереди, тоже на диванчике, — дядя, который правит.

Мама ему говорит:

— Шофер! Свезите нас — вот тут адрес.

И дала шоферу записочку.

И вдруг в автомобиле что-то загудело, затряслось — это шофер пустил машину. Автомобиль поехал, а кругом всё люди, и я боялся, что мы наедем. А наш автомобиль все гудел, все кричал гудком на людей. И мы не наехали.

Вдруг на нас стал наезжать вагон, и он все время звонил.

Мама закричала:

— Шофер, смотрите — трамвай! Остановитесь!

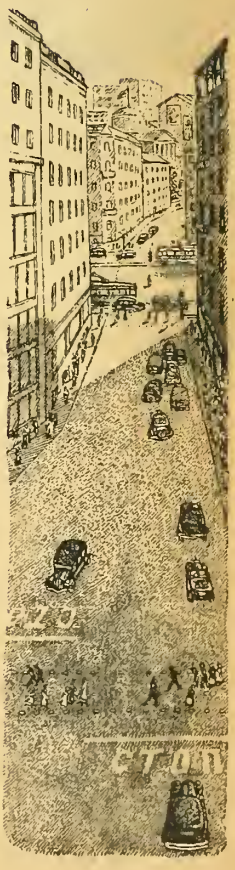
А шофер говорит:

— Не волнуйтесь, гражданка!

И не остановил.

А трамвай повернул и побежал по другим рельсам. Совсем вбок и вовсе не на нас.

А мама во все стороны оборачивалась и меня за руку держала так, что больно.



КАК В МОСКВЕ НА УЛИЦАХ

Потом мы поехали там, где совсем узко.

Дома с двух сторон высокие: всё окошки, окошки. Кругом трамваи звенят, автомобили кричат гудками всякими.

И вдруг сзади как завоет!

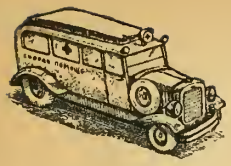
Я думал — это ничего, а наш шофер вдруг сразу вбок повернул, к самым домам, к тротуару, где люди ходят. И даже стал.

А это нас перегнал автомобиль, как маленький вагончик.

Он очень громко выл — на всю улицу.

Он белый, и на нем красный крестик.

Я закричал:



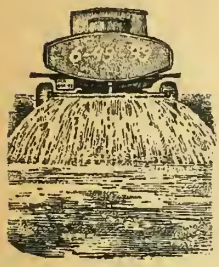
— Почему?

А шофер обернулся ко мне и говорит:

— Скорая помощь. За больным поехали. Там, в автомобиле, и кровать есть. Вот ты себе голову разобьешь, за тобой приедут и — в больницу.

И мы опять поехали.

Мы ехали, и нас нисколько не трясло. Потому что в Москве на улицах очень гладко. Будто пол, только черный. Мама сказала, что это асфальт.



Потом я вдруг увидал — впереди нас едет бочка. Очень большая, как цистерна. И из нее сзади выливается вода и прямо назад и вбок брызгает. И поливает весь асфальт.

Я закричал:

— Ай-ай-ай! Как смешно! Вот и выбежит вся вода!

И стал смеяться. Нарочно громко. Вырвал у мамы руку и стал в ладоши бить.

А мама засмеялась и говорит:

— Фу, глупый какой! Это нарочно поливают водой. Чтоб пыли не было. И чтоб не было жарко.

Мы догнали бочку, и я увидел, что это автомобиль, а не бочка. А впереди тоже шофер, как и у нас.

СВЕТОФОР

Потом мы остановились, и все другие автомобили остановились, и трамвай остановился. Я закричал:

— Почему?

Мама тоже сказала:

— Почему все стали? Что случилось?

И встала в автомобиле. И глядит.

А шофер говорит:

— Вон видите красный фонарик? Светофор?

Мама говорит:

— Где, где?

А шофер пальцем показывает.

И наверху на проволоке, над улицей, мы с мамой увидали фонарик: он горел красным светом.

Мама говорит:

— И долго мы стоять будем?

А шофер говорит:

— Нет. Сейчас вот проедут, кому через нашу улицу надо переезжать, и поедем.

И все смотрели на красный фонарик. И вдруг он загорелся желтым светом. А потом зеленым.

И шофер сказал:

— Теперь можно: зеленый огонь.

Мы поехали.

А сбоку через нашу улицу шла другая улица. И там все автомобили стояли, никто на нас не наезжал. Они ждали, чтобы мы проехали.

А потом еще раз на улице горел красный фонарик, а я уж знал и закричал:

— Дядя, стойте! Красный огонь!

Шофер остановил, оглянулся и говорит:

— А ты молодчина.

Потом мы опять остановились, а огонька вовсе никакого не было. А только я увидал — очень высокий милиционер поднял руку вверх и так держит.

Потом он рукой махнул, чтобы мы ехали.

Он как руку поднимет, так все станут: автомобили, трамваи и бочки всякие. И лошади тоже. Только люди могут ходить.

Милиционер — самый главный на улице.

А потом мы приехали к дому.

МЫ ПРИЕХАЛИ В ГОСТИНИЦУ «МОСКВА»

Дом очень большой. Высокий-высокий. Шофер сказал:

— Вот, приехали! Гостиница «Москва».

И мы с мамой туда пошли, а там сразу большая комната, как на вокзале. А потом пошли в самый угол, и там дверь. Вдруг дверь отворилась, и оттуда вышли люди. А потом мы с мамой туда вошли.

Там маленькая комнатка, совсем крохотная, как будочка. И там диванчик и электричество горит. И туда вошел с нами дядя. У него пуговки золотые. Он в коричневой куртке и штанах коричневых.

Он закрыл дверь, и мама сказала:

— Десятый этаж, пожалуйста.

А он говорит:

— Пожалуйста.

И ткнул пальцем в кнопку. Там, на стенке, их много, как пуговки.

Он только ткнул, комнатка тряхнулась. А в двери — окошечко, и видно, что мы поехали вверх.

Я испугался и схватился за маму.

А мама говорит:

— Не бойся — это лифт. Нас вверх поднимают.

А я все равно боялся. Потом мы стали. Дядя открыл дверь и говорит:

— Пожалуйста.

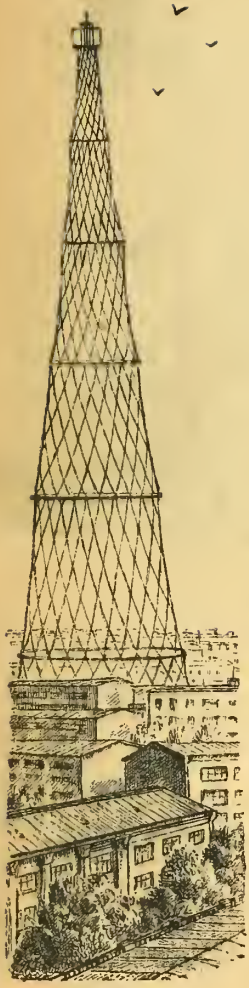
Мама говорит:

— Скажите, лифтер, а где наши чемоданы?

Он говорит:

— Не беспокойтесь. Принесут.

И лифтер опять ушел в лифт и запер дверь. А мы с мамой остались.



КАК В ГОСТИНИЦЕ

Комната большая-большая. Пол блестит, как лед. И очень скользкий. И коврики на полу, как дорожки в саду. И цветы стояг на полу в больших горшках. Диваны. Кресла. И столики очень блестящие.

Я сказал:

— Мама, мы здесь будем жить? А где же бабушка?

А мама говорит шопотом:

— Бабушка на даче. И чего ты орешь? Здесь нельзя кричать!

И вдруг к нам подошла тетя в белом фартуке и стала с мамой говорить.

БАШНИ

Мама сказала, чтоб я у окошка постоял, а она пойдет с тетей. И они пошли к столику.

Там, за столиком, еще тетя сидела, и она писала.

А я стал в окно смотреть.

И сверху видно, что очень много домов, потому что всё крыши, крыши.

А совсем далеко — башня. Только она как из тесемочек сделана. Всё насквозь видно.

Я стал на башню смотреть, а мама пришла, и тетя в белом фартуке тоже пришла, и мама сказала, чтоб итти.

А я сказал:

— Почему башня? И почему она пустая?

Тетя сказала, что это радиобашня. Она из железных полосок, и она не для того, чтоб жить, а от нее вниз идет проволока для радио. И это самое главное радио там. Это такое радио в Москве, что на весь свет может говорить. Потому и такая башня большая.

Мама сказала, что в Москве все — самое главное и самые главные люди в Москве живут.

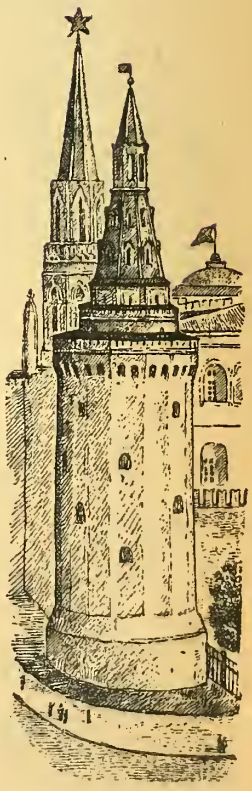
Я сказал:

— Где они живут?

Мама сказала:

— Я же тебе говорю: здесь, в Москве.

А тетя меня повела к другому окну и стала показывать еще башни.



Только они совсем близко и каменные. А наверху они острые, и на самом верху у них звезда.

И тетя сказала, что в этих звездах свет зажигают и я вечером увижу. Они красным светом светят.

И там стена. Она не прямо идет наверху, а с зубчиками.

Тетя сказала, что за стеной Кремль и там живут самые главные люди.

Я сказал:

— А Сталин тоже там живет?

Мама сказала:

— Ну да, конечно.

Тогда я сказал, чтоб мы к Сталину пошли.

А тетя говорит, что он работает и нельзя мешать.

Я сказал, что мы тогда потом пойдем.

А тетя сказала, что он и потом работает.

Я говорил, что мы совсем-совсем потом пойдем. А тетя сказала, что ему все равно некогда и что он даже ночью работает.

А я стал говорить, что все равно пойдем хоть смотреть, где Сталин живет.

Я сказал, что я хочу сейчас пойти. И сказал, что мы с тетей пойдем. Мы немного пойдем и сейчас придем.

Тетя сказала, что она сейчас не может, и чтоб я не каприз-

ничал, и что мы теперь пойдем к себе в номер. А потом мама поведет меня на Красную площадь, и там я все увижу.

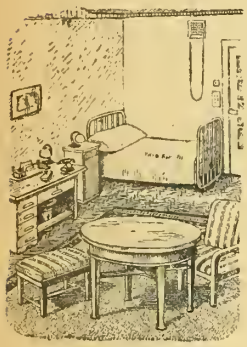
Мама обещала, что, правда, пойдем. И тоже сказала, что сейчас надо в номер. А я не знал, какой это номер.

КАКОЙ НОМЕР

И мы пошли в коридор. Там тоже коврик. По всему коридору. А по бокам всё двери, двери, и все они заперты. И я не знал, куда это тетя нас ведет. Потом тетя остановилась около одной двери и ключиком открыла ее.

— Вот ваш номер, — говорит.

Мы вошли, а там маленькая прихожая, а потом комната. И в комнате все блестит. Стол очень блестит. Пол тоже блестит, только немного меньше. Там диванчик есть. И кресла есть. И стоит ящичек, и там радио. Потом на столе лампа, и на потолке лампа. А около кровати тоже лампа, на мамином столике стоит. И еще стол с чернильницей. А на стене картинка. Нарисовано, как на парашюте летают. Мама заперла дверь и сказала:



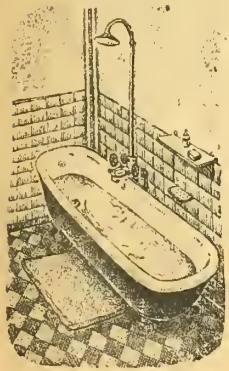
— Ну вот, тут мы будем жить.

КАК Я КУПАЛСЯ И ЧТО ПОТОМ СДЕЛАЛ

И я стал радоваться и залез на кресло. А мама не дала и сказала, что нужно мыться. Схватила меня за руку и повела в прихожую.

А там двери, а потом комнатка. Там умывальник лучше, чем в вагоне. И ванна.

Мама пустила в ванну воду, и сразу пошла теплая вода. И брызгаться можно сколько угодно. Потому что пол каменный. И там висело еще мохнатое полотенце. А наверху еще горело электричество.



Я долго купался в ванне и брызгался, как хотел. И начал петь.

А потом мама меня одела в чистенькое и сама ушла в ванну купаться, а я стал нашу комнату смотреть.

И вдруг вижу — на стене, у самой двери, беленькая дощечка, а на ней черненькие картиночки, одна под другой. На одной черный человечек несет чайник, а на другой человечек несет чемоданы. А еще на одной — тетя. Она со щеткой. А против человечков — черные кнопочки, как пуговочки.

Я попробовал кнопочку, совсем немножко. Я самую чуточку пихнул ее. А потом скорей на кресло сел. Вдруг что-нибудь будет? Потому что я кнопочку пихнул.

Я посидел немножко и уже думал, что ничего не будет. А вдруг в дверь постучал кто-то. А мама в ванне плескается. В дверь еще сильней постучали.

Мама голову из ванной комнаты высунула и кричит:

— Кто там?

А оттуда дядя какой-то говорит:

— От вас звонили?

Я совсем к окну побежал и стал в окно глядеть.

Мама говорит:

— Это, должно быть, ошибка.

А дядя из-за двери говорит:

— Не может быть ошибки. Над вашей дверью свет горит.

Мама сказала:

— Ах! Ах! Это Алеша, наверное.

И закричала:

— Тогда принесите, пожалуйста, чаю на двоих!

А когда вышла из ванны, прямо ко мне:

— Ты что это распоряжаешься? Куда ты звонил?

Тогда я показал на человечков и сказал, что я нечаянно.

Мама говорит:

— Не вздумай здесь всё хватать: ты не дома. Какой ты несносный!

КАК МЫ ЧАЙ ПИЛИ И ПРО ЗВОНОК

Потом опять постучали, и входит дядя с подносом, и с чайником, и со стаканами. Только не черный, как на картинке, а на нем все белое одето. Он постелил на стол скатерть и поставил чай. А потом говорит:

— У нас, гражданка, ошибки быть не может. Вот, пожалуйте.

И пошел с мамой в коридор. Я тоже побежал смотреть. У нас над дверью дядя показал фонарик. Он — как длинненькая коробочка.

Если кнопочку надавить, так фонарик зажигается.

Дядя и говорит:

— Вот вы кнопочку надáвите, а мне сразу видно: фонарик загорится, и я знаю, куда меня зовут.

А потом мы опять пошли в нашу комнату, и дядя говорит:

— Если среднюю кнопочку надáвите, где вот человек с чайниками нарисован, так я приду. Я — номерной. Могу вам чай принести, завтрак, кофе или чего вам захочется. А вот если эту, где с чемоданами, так швейцар придет вам вещи вынести. А где женщина со щеткой — если надавить кнопочку, так придет девушка комнату прибрать.

И опять говорит:

— Ошибки, гражданка, быть не может.

Мама говорит:

— Это ребенок позвонил. А я мылась. Такой шалун!

Потом номерной ушел, а мы с мамой стали пить чай с нашей колбасой и с нашими конфетами.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Мы пили чай, а я все говорил, что больше не хочу. А хочу, чтоб итти, где Красная площадь, и где башни и звезды наверху, и где Сталин живет.

Мама сказала:

— Успокойся, пожалуйста. Успеешь.

А я не стал больше чаю пить и тихонько говорил:

— Пойдем! А я с той тетей пойду!

Мама рассердилась и сказала:

— Фу, несносный какой! Чаю нельзя напиться.

А мама вовсе чай уже не пила, а только яблоко ела.

Мама встала и сказала:

— Ну, ищи свою шапку. Куда ты ее дел?

И мы стали одеваться и пошли опять по коридору, а потом через большую комнату, где тетя за столиком сидит, и потом на лестницу.

И мы всё вниз шли, и там такие же большие комнаты. Только мы в них не заходили, а всё вниз по лестнице. И потом на улицу.

Мама спросила у одного военного, где Красная площадь. Он показал, как итти. И мы очень скоро пришли.

А Красная площадь большая-большая. И там эта стена с зубчиками и башни.

На одной башне часы высоко приделаны.

У них стрелки золотые, и цифры написаны тоже золотыми буквами.

Мама сказала, что это самые главные часы. Они звонят.

И часы вдруг как зазвонили: бам! бам! — на всю площадь.

Мама сказала:

— Вот слышишь? Это часы звонят. Сейчас двенадцать часов. Вон обе стрелки вместе и вверх глядят.

Я смотрел на часы, а они звонили.

А потом я увидал домик. Он очень блестел, потому что очень гладкий, такой гладкий, что я думал — он мокрый. А он не мокрый, он так заглажен. Он каменный, и я думал, что это как из кубиков построили.

Он очень красивый.

Мама сказала, что этот дом называется мавзолей. И там никто не живет. А что Ленин умер, и его туда положили, и можно посмотреть, как он лежит.

Я сказал:

— Почему положили?

Мама сказала, что если кто умрет, так его похоронят, и больше не увидишь. А что Ленина любили и хотели, чтоб всегда его видеть. Его не стали хоронить, а положили в мавзолей.

Я сказал, что хочу посмотреть на Ленина. Мама тоже сказала, что хочет.

Мы пошли к мавзолею.

Там дверь. И около двери стоят два красноармейца. Они с ружьями.

Только они ни в кого не целятся.

Ружья у них на земле стоят, они только держат немного, чтоб не упали.

Мы с мамой не боялись и совсем близко подошли.

Там ходил дядя милиционер.

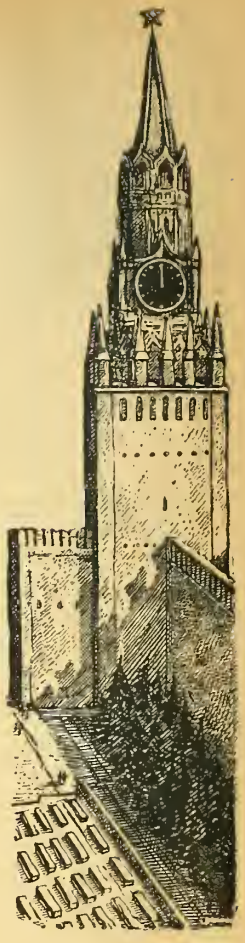
Мама его спросила, можно ли зайти в мавзолей. Милиционер сказал, что сегодня нельзя.

А я сказал:

— Почему нельзя?

Дядя милиционер сказал, что сегодня выходной день и что в выходной нельзя. А завтра будет можно, и всегда можно. Только когда выходной — нельзя.

Мы с мамой дальше пошли, мимо стены, которая с зубчиками.



И я стал смотреть, где звезды. Они высоко-высоко — на башнях, на самом верху. Я две видел. Они красные и блестят. Только они не горели, потому что там лампочки не зажгли. Там зажигают, когда темно.

А за стеной очень большой дом. И еще там дома всякие есть.

И это Кремль, и там Сталин живет.

Потом мы пошли домой.

КАК ТУШИЛИ ПОЖАР

Мы пришли к нам в номер.

Пожарная каска

Мама села письмо писать, а мне дала очень большое яблоко, чтоб я сидел и ел.

И мама сказала, чтоб я ничего не говорил. Потому что она тогда писать не может.

А окно у нас было открыто. И вдруг на улице как загудит! Как зазвонит! И что-то завыло страшным голосом:

Ву-у-у-у!..

И потом:

Дилинь-дилинь, дилинь-дилинь!

И я вскочил, и мама вскочила.

Топорики

Лом

И мы в окно увидали: на улице стоит милиционер, руку вверх держит. И на улице все остановилось: и трамваи, и автомобили, и велосипеды. И еще трамвайчики, которые без рельсов ходят, а прямо по асфальту. И еще большие автомобили, которые — как вагоны. И еще автомобили, на которых мешки возят и всякие ящики.

Все стоят, а милиционер не пропускает.

Все перед ним стоят, а сзади него на улице пусто.

Мама говорит:

— Это что-то случилось.

А это не случилось, а это пожарные едут.

Они на красных автомобилях. В золотых касках. И едут со всей силы. И звонят в колокольчик.

А потом поехала та самая карета, которая больных подбирает.

Мама говорит:

— Смотри, смотри: скорая помощь поехала! Наверное, там несчастье и пожар.

А пожарные остановились около одного дома, и у них из автомобиля стала лесенка вырастать. Она высовывалась все выше и выше. И по ней пожарный полез на дом.

И вдруг из этого дома, прямо из окошек, стал выходить дым. Очень черный. А потом — огонь.

Я стал бояться и стал кричать.

А мама говорит:

— Ничего, ничего. Сейчас потушат. Пожарные зальют водой. Вон смотри: уже заливают.

И вдруг снизу вода полетела из трубы вверх, прямо в окна.

Мама говорит:

— Вот видишь, пожарные из трубы заливают.

А пожарные стали еще из одной трубы воду лить. И еще из одной. И еще две лестницы поставили.

КАК ПОЖАР КОНЧИЛСЯ

Мы с мамой смотрели, как они тушат, и вдруг к нам кто-то в дверь стал стучать.

Мама говорит:

— Войдите!

И пошла отворять.

Пришел какой-то дядя незнакомый и стал просить, чтобы мы ему пожар показали. А то от него не видно.

Дядя сказал, что очень большой дом горит и очень сильный пожар.

А пожарных приехало много-много, и они уже двух мальчиков вытащили из дома. И одну тетю. И по лестницам снесли вниз. А то бы они все сгорели.

Один мальчик обжегся, только не очень. И скорая помощь увезла его в больницу.

Там его лечить будут. Он ручку обжег.

А потом огонь перестал, а только один белый дым шел из окон.

И милиционер пустил трамваи ехать. А их много стояло. Целый поезд. Длинный-длинный.

Дядя говорит:

— Ну, уже потушили.

И еще говорит:

— Извините.

И ушел.

А я все не хотел с окна сходить и смотрел в окно, как дым идет.

Мама говорит:

— Ты еще в окно вылетишь. Сейчас же сойди.

А потом вот что было: мы с мамой пошли, и я не знал куда.

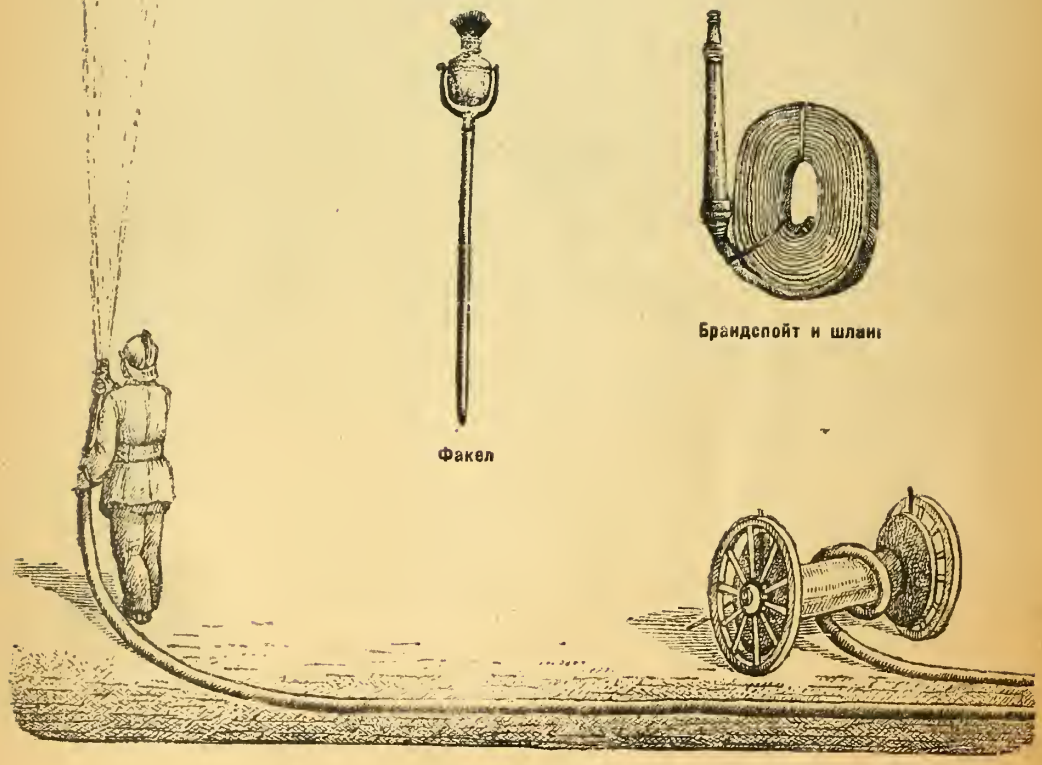
Мы опять на лифте ехали, и мама сказала лифтеру:

— В самый низ, пожалуйста.

И мне опять было страшно на лифте, потому что когда вниз едешь, то кажется, как будто немножко падаешь.

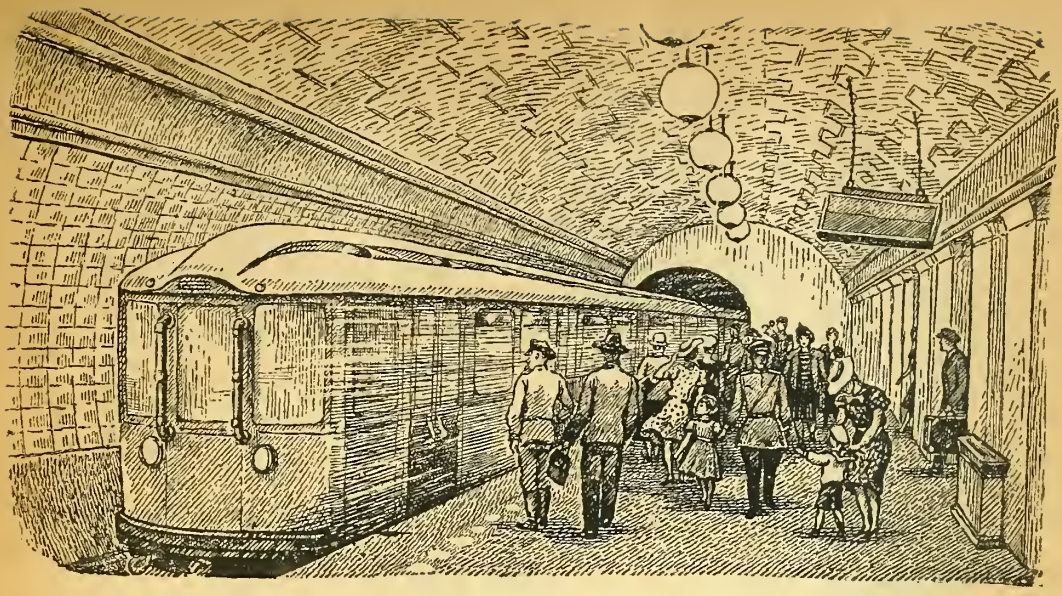
А потом лифтер открыл двери, и мы с мамой пошли на улицу.

Все пожарные уже домой ехали и не очень скоро. Это на пожар они со всей силы едут, а то все сгорит, пока доедут. А домой они понемножку едут.



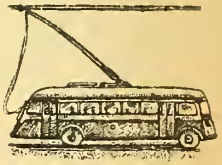
Факел

Брандспойт и шланг



МЕТРО

КАК ПОД ЗЕМЛЕЙ ЕЗДЯТ



Мы с мамой посмотрели на пожарных и на трамваи, которые без рельсов ходят, а прямо по асфальту.

Мама сказала, что они называются «троллейбусы». У них колеса, как у автомобилей, резиновые.

Я говорю:

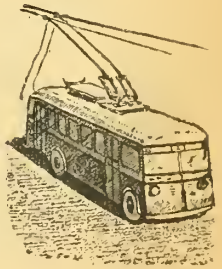
— Почему без рельсов?

А мама говорит:

— Это что — без рельсов! Тут и под землей трамваи ходят.

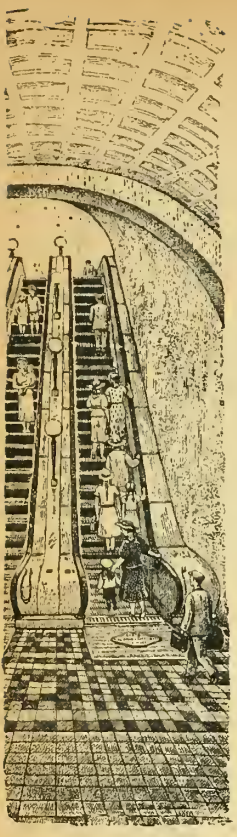
А я сказал:

— Под землей нет, там земля.



А мама говорит:

— А ты в погреб ходил? А погреб тоже под землей. А в Москве большой-большой погреб вырыли. Длинный-длинный. И с одной стороны вход, и с другой стороны вход. А в этом погребе положили рельсы и пустили трамвай. Он от одного входа до другого бегает. В один вход люди войдут, на трамвай



сядут. Он побежит под землей и добежит до другого входа. А там лестница. Люди из трамвая выйдут и пойдут по лестнице наверх и выйдут на улицу. Вот давай сейчас поедем.

А я говорю:

— Не хочу.

Мама говорит:

— Почему? Что за глупости!

А я говорю:

— Там темно и земля.

А мама не стала слушать и спрашивает у тети:

— Скажите, где метро?

Тетя показала пальцем на наш дом, где наша с мамой комната.

А мама говорит:

— Да, да, вижу. Спасибо.

КАК Я ЕЗДИЛ В МЕТРО

Мы с мамой пошли и вошли в дверь. Там большая комната и стоят будочки. А в будочках окошечки. И люди подходят и билеты покупают.

Мама тоже купила билет, и мы пошли вниз по лестнице. И все люди тоже пошли по лестнице вниз.

Я думал — сейчас земля начнется, и будет погреб. Тогда я не пойду и начну плакать, и мама все равно назад пойдет. А там земли не было, а был коридор. Только очень широкий и очень белый.

Электричество горит, лампы большие, и много-много, и стенки блестят. А пол каменный, желтенький и тоже очень гладкий. А земли никакой нет.

А потом все пошли к лестницам. И когда мы с мамой подошли, мама стала и забоялась. Там пол бежит вперед, прямо на лестницу. Один дядя шагнул на этот пол; только стал, так и поехал.

А одна тетя подошла к маме и говорит:

— Вы не бойтесь! Сразу шагайте! Раз!

И дернула маму за руку. Мама шагнула и меня потянула. И мы поехали.

А потом пол, где мы с мамой стояли, опустился, и вышло, что мы стоим на ступеньке, а тетя, что нас дернула, — на дру-

гой ступеньке. И ступеньки едут вниз. И впереди тоже ступеньки, и на них стоят дяди, и тети, и еще мальчики. И все едут вниз на ступеньках. А один дядя не захотел просто так ехать, а еще сам побежал по ступенькам.

А когда мы вниз приехали, ступеньки опять стали как пол. И мы на этом полу поехали вперед.

Тут мама меня схватила на руки и прыгнула на настоящий пол. Он не ходит, а стоит. Это мы приехали на подземный вокзал. И все равно земли там нету, а очень большой вокзал. Очень светло. Люди ходят. И мы вышли на платформу. Там тоже электричество горит. И очень много людей.

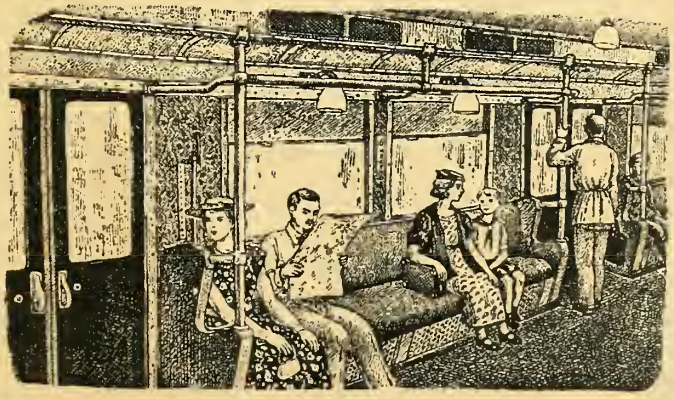
А трамвая не было: он еще не пришел.

На платформе к самому краю милиционер не пускает ходить, потому что можно упасть. Там, внизу, рельсы, и можно ушибиться.

Вдруг загудело. Я посмотрел, что это гудит, а там — круглые ворота, а в воротах темно. Я думал — там, наверное, погреб. А оттуда трамвай выскочил — это он и шумел — и подбежал к самой платформе, очень длинный. Он стал.

Мы с мамой подошли, и вдруг двери сами разошлись, и стало можно войти. Там диваны, электричество горит, и все блестит, как серебряное. Потом двери сами стянулись и закрылись. И мы поехали.

Я в окно смотрел, и все равно земли никакой нет, а белая стена, и всё лампочки горят. А потом мы остановились, двери опять открылись, и мы с мамой вышли. И там опять вокзал. А потом по лестнице пошли вверх и вышли на улицу.



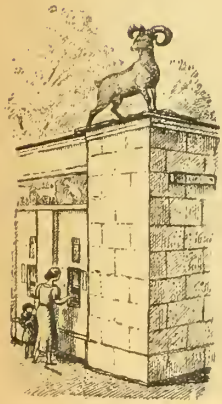
ЗООСАД

КАК МЫ ЕЗДИЛИ В ЗООЛОГИЧЕСКИЙ САД

Мама говорит:

— Вот я и не знаю, где мы.

И стала спрашивать у одного дяди, как нам дальше ехать. Дядя маме рассказал. И мы с мамой сели в трамвай. И мама сказала, что мы сейчас поедем смотреть диких зверей. А я спросил:



— А они нас не заедят?

Все кругом засмеялись, и одна тетя незнакомая сказала:

— Они в клетках сидят в железных. Они не могут выскочить. Там есть маленькие лошадки. Попроси маму, она тебя покатает.

КАК МЫ В ЗООСАД ПРИЕХАЛИ

Мы в трамвае не очень долго ехали. Нам сказали, что нам скоро выходить. Мы пошли вперед, чтоб выходить. И все нас спрашивали:

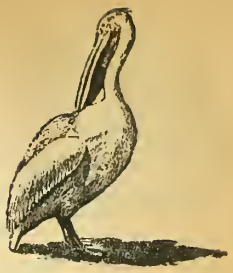
— Вы у зоосада выходите?

Это потому, что они тоже хотели выходить. А если мы не выходим, так чтоб их вперед пустить. Там, в трамвае, очень много народу было. И надо пропускать, кому выходить. Нам надо было выходить, и нас пропускали. Один дядя даже сказал:

— Давайте, гражданка, я вам мальчика вынесу.

И он меня вынес. Мама сказала «спасибо» и взяла меня за руку. И мы пошли в зоосад. Там стенка. И на стенке стоят звери. Только они не живые, а сделанные. И надо брать билет, как на поезд. Там в стенке окошечки, и в окошечки дают билеты.

А потом надо итти в ворота. А там дальше сад.



ПЕЛИКАН

Мама стала всех спрашивать:

— Где слоны? Где слоны?

А я сказал маме:

— Почему слоны?

Мама сказала:

— А вот потому. Иди скорей.

А там была вода. Прямо целый пруд. И там плавали птицы. И по берегу ходила одна птица. На маленьких ножках и очень толстая. У ней клюв очень большой. И под всем клювом кожа висит, как мешок.

Я закричал:

— Ой, кто это? Кто это?

Мама сказала:

— Не знаю, идем. Это птица.

А один мальчик проходил и сказал:

— Это пеликан. Он клювом рыбу ловит и в этот мешок под клювом складывает. А потом ест.

Я маму спросил:

— Правда, пеликан?

Мама сказала:

— Правда, правда! Идем.

ОРЕЛ

А потом я не захотел итти, потому что очень скоро и потому что я за решеткой увидел очень большую птицу.

И я стал кричать:

— Мама, вон какая птица!

И я стал показывать на эту птицу. У ней на клюве, на конце, — крючок. А на лапах — очень острые когти. Она коричневая и немного черная. И я тянул маму, чтоб к ней итти. Мы совсем близко подошли.

Эта птица сидела на большом камне и лапами держала сырое мясо. Она клювом отрывала кусочки и потом на всех глядела и ела мясо. Она очень сердито глядела.

И все говорили, что это орел. И что это самая главная птица. Потому что она всякую птицу может победить и заклевать. И что она маленького барашка может унести и даже маленького мальчика унесет. И две такие птицы могут даже большого человека забить.

Они только сырое мясо и едят. Они хлеба не станут есть.

Они очень высоко летают и сверху смотрят, кого им заклевать. И всяких птичек хватают, и зайчиков тоже.

А этот мальчик, который раньше нам встретился, там тоже стоял, и он про орла много рассказывал.

Он сказал, что про всех зверей знает, потому что он в зоосаде учится. Их много, таких мальчиков и девочек. Они за зверями тоже смотрят. И они про зверей всё знают.

А мама ему сказала:

— Ты в школе учишься, а не в зоосаде.

А он сказал, что он в школе учится всему, а про зверей в зоосаде учится.

ДИКОБРАЗ

Вдруг я услыхал, как один дядя закричал:

— Вон он, дикобраз! Вон, вон, гляди!

Я сказал немножко громко:

— Мама, вон кричат «дикобраз». Хочу дикобраза!

А мама сказала:

— Это вот про тебя кричат. Ты скандалишь, ты и есть дикобраз-безобраз.

А я сказал:

— Мама, все туда смотрят, в клетку. Пойдем!

А потом стал говорить:

— Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста!

И мы пошли к этой клетке.

И вовсе не про меня дядя говорил, что дикобраз, а там, в

клетке, сидел дикобраз. Из него растут, прямо как прутья, такие иголки. Они острые. Его ни за что нельзя погладить.

А впереди у него мордочка. И носик кругленький. И на мордочке иголок нет, а волосики.

Мама на дощечке про него прочитала. Мама сказала, что он живет в жарких странах.

У него там, в клетке, был домик, и там, в домике, другой дикобраз лежал.

А потом дядя, который кричал про дикобраза, говорил, что эти колючки очень могут колоть.

Он сказал, что сам видал дикобраза. Он хотел его поймать. А дикобраз побежал скорей к ямке и совсем голову в ямке спрятал. А колючки все на дядю выставил, и его никак взять дядя не мог, потому что колючки очень острые и они во все стороны торчат.

Иглы дикобраза

А когда мы с мамой дикобраза смотрели, он колючек не выставлял, а их всё назад держал.

Он совсем небольшой. Он как маленькая собачка. У него мордочка очень добрая.

Я маму спросил:

— Мама, дикобраз хороший?

Мама сказала:

— Ну, вот сам видишь какой.

А я сказал:

— Хороший, хороший!

Мама сказала, что надо скорей к слонам, и мы пошли.

КАК Я КАТАЛСЯ НА МАЛЕНЬКОЙ ЛОШАДКЕ

Мама опять стала всех спрашивать:

— Где слоны?

Нам сказали, чтобы мы дальше шли. А дальше был заборчик, а за заборчиком бегала маленькая лошадка. Она совсем маленькая. Это детская лошадка. Эта лошадка возила повозочку. Повозочка очень маленькая. И в повозке сидели две девочки маленькие и еще мальчик, немножко побольше. Мальчик вожжи держал и правил. Я стал радоваться и стал в ладоши хлопать и кричать:

— Ай, ай, какая лошадка!

И я кричал, что хочу на этой лошадке ехать. А потом еще пробежала лошадка, тоже с повозочкой. Только у этой лошадки уши были очень длинные.

Я стал кричать:

— Какая смешная!

Мама сказала, что это я смешной. Потому что это не лошадка, а ослик. У них всегда уши длинные. И хвост у них не из волос, а как веревка, только на конце кисточка из волос.

И эти ослик и лошадка бегали кругом за заборчиком. И возили мальчиков и девочек.

А у лошадки и ослика еще звоночки были прицеплены. Лошадка бежала и звонила.

Я стал маму просить, чтоб покататься непременно на этой лошадке.

Мама сказала:

— Я не знаю. Может быть, не пустят.

А тут один дядя стоял. Он сказал:

— Это для всех детей. И надо купить билет.

И сказал:

— Идемте, идемте. Я вас провожу.

И даже взял меня за руку.

Мама сказала:

— Ах, я не знаю. Я очень спешу!

А мы уже пришли, где можно к лошадкам пройти. И там стоял дядя, и он билеты давал. И там этот ослик стоял. И дядя, который билеты давал, говорит:

— Ну, давай я тебя посажу.

А я сказал:

— Не надо меня сажать. Я на ослике не хочу. Я хочу на маленькой лошадке.

А он сказал:

— Ну, тогда жди.

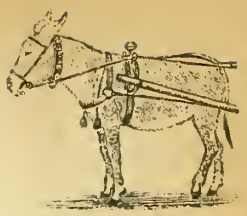
А лошадка мимо нас проехала и опять поехала вокруг. Потому что это еще те девочки катались.

Я смотрел, как лошадка ножками бежит.

Она прямо как игрушечная. И головка у ней тоже маленькая.

Пусть папа мне такую подарит, я ее очень любить буду. Я бы с ней вместе спал, и она бы по комнате у меня ходила. Я бы ее гладил. Я бы ей всё есть давал. Я бы ее целовал. Я бы

на нее верхом сел и поехал бы с саблей. Тогда бы все мальчики боялись меня.



Я все смотрел на лошадку, как она к нам подбегала. А когда она до нас добежала, мальчик, который правил, сказал лошадке «тпру», и она стала. Девочки стали вылезать, и мне мама сказала, чтоб я садился. А я сказал, что хочу сначала погладить лошадку.

Она была как раз с меня ростом. И я ее по спине погладил. А она головой стала трясти. И я ей немножко шею погладил.

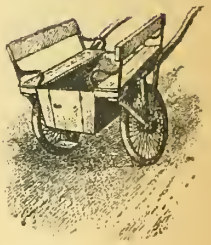
А мальчик, который правил, мне крикнул:

— Не бойся, она не кусает!

И я лошадке мордочку погладил.

Мама сказала, что у ней была собака больше, чем эта лошадка.

А дядя, который билеты давал, сказал, что это пони и что она, хоть такая маленькая, все равно очень сильная и ей уже много лет.



Потом этот дядя посадил меня в повозку на скамеечку. А напротив посадил одну девочку. И мама мне все говорила, чтоб я держался.

Мы поехали, лошадка затопала, и звоночки зазвонили. А эта девочка так обрадовалась, что закричала очень тоненько. И я тоже закричал, потому что это очень хорошо — как мы поехали. И все на нас из-за заборчика смотрели. И как девочка кричит, смотрели.

И мы проехали мимо мамы, и я ей рукой махал. Она мне кричала:

— Держись, Алешка! Держись!

А мальчик, который правил, сказал:

— Она и большого человека везти может. Она очень сильная.

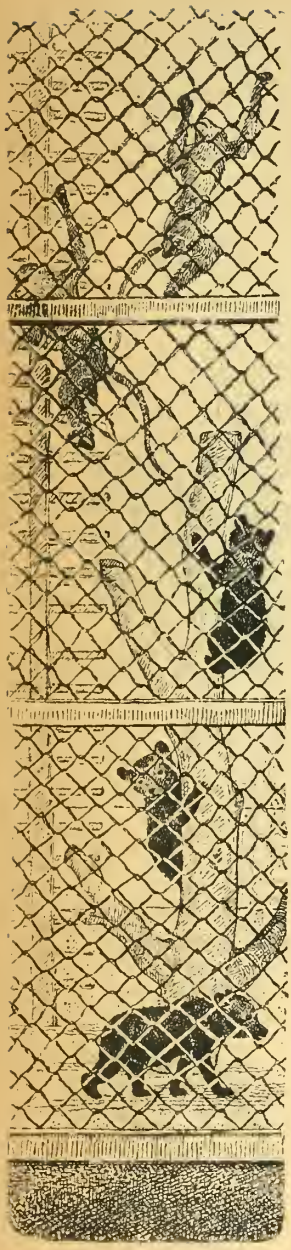
И что это ничего, что она как собака ростом.

И мы еще раз мимо мамы проехали.

А девочка не стала кричать, а взяла меня за руку, и мы стали руки качать и говорить:

— И! И! И!

И мы опять приехали к моей маме, и к девочкиной маме, и где этот человек с билетами. И нас с повозки сняли. Я еще хотел лошадку погладить, а мама сказала, что нужно скорей.



И мы пошли. А я вдруг увидел опять решетку. Очень большую и очень высокую. Там стояло дерево, только без листьев, и на нем живые мишки.

И я закричал:

— Мама, мишки!

Мама сказала:

— Потом.

А я сказал:

— Не потом! Не потом!

И стал маму тянуть, где мишки, и стал кричать:

— Мама, пойдем! Мама, пойдем!

И все стали на нас глядеть. Мама сказала:

— Фу, какой скандальный!

И сказала, что так мы никогда до слонов не дойдем. А она все-таки пошла со мной, где медведики. Они были маленькие, как собачки, потому что они еще дети.

Они лазили по этому дереву, которое у них стояло. Они на дереве играли и кусались. Только не в самом деле, а немножко. И один хотел другого вниз стянуть. Он его лапой хватал за ногу. А на лапах у них когти, черные и длинные. А сами мишки коричневые, совсем как мой мишка.

Они очень скоро лазят по дереву. Они когтями прямо как кошки цепляются.

А потом я увидал там еще двух мишек. Они тоже хотели на дерево лезть, а те мишки их не пускали и очень смешно кусались. И все смеялись.

И мама тоже смеялась.

А один мишка побежал, и я стал смотреть, куда он побежал. А там были две серенькие обезьянки. Они совсем как человечки. Только на них серая шерсть, как на кошках. А на лице шерсти нету. И на ушках тоже. Только лица у них, как у старушек. Это мишка к ним бежал, чтоб их лапой достать. А они вскочили на решетку и полезли наверх.

Они ручками и ножками хватались за решетку — у них на ножках пальчики, как на руках. Они в кулак их могут зажать. И все, что захотят, они ногой могут хватать. Потому им так ловко лазить: как на четырех руках.

Мишка потянулся по решетке и не мог достать.

А я испугался, что он за ними полезет и их закусает. Он по той решетке не мог полезть, потому что тоненькая. А он по толстой полез. Он очень хорошо полез. Он тоже и руками и ногами лез. И потом вбок лез. Только он так скоро не может, как обезьянки.

Я все думал, что обезьянки, может быть, человечки, и сказал маме:

— Они, может быть, немножечко человечки?

А мама сказала:

— Не говори глупостей! Это просто мартышки такие.

И потом вдруг туда пришел тот самый мальчик, который нам про орла рассказывал. И все мишки к нему побежали.

Я хотел еще на мишек смотреть, а мама сказала:

— Ну, идем к слонам. Так мы никогда не дойдем.

ЗЕБРА

Мама очень скоро пошла. И вдруг она сама сказала:

— Ах, какая!

И стала. А это была за решеткой лошадь. И я думал, что на ней одеяло нашито. Потому что на ней желтые и черные полоски. А мама сказала, что никакое не одеяло, а это у ней шерсть сама так растет. И сказала, что это зебра. Мама даже сказала:

— Ай, надо им дать поесть!

Их там две было. А они вовсе не хотели есть. Они даже на нас не смотрели. А я на них смотрел. И я потому смотрел, что они очень красивые. У них волосы стоят на шее, как щетка.

А мама вдруг сказала:

— Ах да! Слоны!

КАК МЫ ЗАВТРАКАЛИ

Только мама забыла, куда итти.

Тут была скамейка. И мама вдруг села и сказала:

— Ты не устал?

Потом сказала:

— Что ж ты бледный какой? Ты, может, есть хочешь?

Я сказал, что хочу. Мама стала всех спрашивать, где буфет. И все стали показывать, куда итти. Мы очень немного шли и увидели веранду. И пошли на эту веранду. А там стояли столики и стулья. И там сидели, и ели, и пили чай.

Мы с мамой тоже сели у столика. И потом пришла тетя в белом фартуке, и мама сказала:

— Дайте ребенку стакан молока и, если можно, яичницу.

А маме чтоб сосиски дали.

Я сказал, что я тоже лучше сосиски буду. А мама сказала, чтоб я не капризничал. И мне принесли молока и яичницу. И еще мама спросила булочек. Я всё ел и слышал, как звонят звоночки, потому что это лошадка бегала и возила детей кататься. А я уже катался и знаю.

А потом около нас сели две тети и сказали, чтоб им дали мороженого. А я стал маме говорить тихонько, что я тоже хочу мороженого. А мама сказала, что у меня живот будет болеть. А я сказал, что «не будет, не будет». И стал очень просить и хотел плакать.

Мама сказала:

— Фу, какой! Я с тобой больше никуда не пойду.

И сказала тете в фартуке, чтоб дала мне мороженого. И мне дали. Маме тоже дали мороженого. Я все свое съел. А мама все мяла ложечкой, и у ней растаяло.

Мама скорей заплатила деньги и сказала:

— Ну, пойдем домой. С тобой прямо невозможно.

Я ВИДЕЛ ПИОНЕРОВ

Мы опять на трамвае ехали.

И вдруг трамвай остановился, и все стали смотреть в окна. Я тоже стал смотреть. А мама меня держала и говорила, что я хочу упасть. Ну да, как раз упасть! Ничего не упасть, а там впереди, прямо по улице, шли мальчики и девочки. Они шли, как красноармейцы. Они в белых рубашках, и у них красные галстуки у всех на шее. И еще в трубы трубили очень громко.

Все стали говорить:

— Пионеры идут! Пионеры идут!

А потом они флаг несли. Это мальчик один нес, а около него шли девочка и мальчик. И у них были ружья. А потом немножко никто не шел, и вдруг пошла музыка.

Я закричал:

— Мальчики играют! Мальчики играют!

А они очень хорошо играли. Только они были не в белых рубашках, а в синих.

А потом опять пошли мальчики и девочки в синем.

Они тоже шли, как красноармейцы. И у них тоже были красные галстуки на шее.

А мама взяла и потянула меня от окна, потому что сказала, что я выпаду. А какой-то дядя стал вместо меня смотреть и загородил все окно.

А потом трамвай пошел. И мы приехали в нашу гостиницу.

КАК МЫ ОПЯТЬ В ЗООСАД ПОШЛИ

А у меня немножко живот болел. Только я маме ничего не сказал, потому что я боялся, что мама не возьмет меня в зоосад еще раз.

Мама говорила:

— Вот видишь, как с тобой! Вот слонов и не видали.

А я сказал:

— А мы еще пойдем.

Мама сказала:

— С таким скандальным мальчиком я не хочу ходить.

И пошла напускать в ванну воду.

А когда я ложился спать, я просил маму, чтоб она дала мне мишку спать со мной.

И я стал мишкой ходить по постели, как те мишки в зоосаде. И тоже делал, чтоб он лазил.

А мама сказала:

— Теперь спать не будешь? Тебе нельзя в зоосад ходить.

Я мишку спрятал под одеяло и потихоньку с ним кусался. А потом заснул.

А когда я встал и потом когда чай пил, вдруг мама говорит:

— Не копайся! Кончай скорей. Мы сейчас едем.

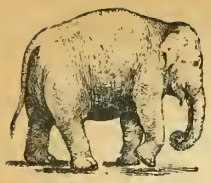
Мама стала надевать шляпу, и мы очень скоро пошли. Мама сказала, что мы прямо едем слонов смотреть. И мы поехали в зоосад.

А в зоосаде мама взяла меня за руку и сказала:

— Если ты будешь скандалить, я моментально вернусь назад. Так и знай.

И мы очень скоро пошли. Я даже бежал, потому что мама очень скоро шла.

И мы пришли, где слоны.



Я увидал, что там земля идет немножко вверх. И там стоит очень большой слон.

Он такой большой, что я подумал, что не может быть и что он не живой, а сделанный. Потому что на такого по лестнице надо лезть, чтоб ему на спину залезть. Он сначала ничего не делал, так что я думал, что, правда, неживой. А он живой. Он хоботом стал крутить.

Это у него из головы идет хобот. И хобот до самой земли доходит. И он хоботом как угодно может крутить. И крючком загибать. И как угодно.

Он набирал в хобот с земли пыль, а потом всю пыль выдувал себе на спину. И живот тоже обдувал пылью.

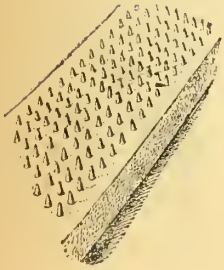
Я все говорил:

— Почему?

А мне сказали, что это он для того, чтоб его никакие блохи не кусали. У него волос нет, а прямо толстая кожа. И вся кожа в складках. А на голове у него большие уши. Уши такие большие, прямо во всю голову. И он ими трясет и хлопает. А глазки совсем маленькие.

И все говорили, что он очень сильный и может хоботом автомобиль перевернуть. А если очень рассердится, ему ничего не стоит человека убить. Он может хоботом человека за ногу схватить и о землю хлопнуть. Только он очень добрый.

А слон стоял, стоял да вдруг пошел к нам. Он вниз к нам пошел. А я немножко испугался. Вдруг он к нам придет и начнет нас всех хоботом убивать! А он тихонько шел. Ноги у него очень толстые, прямо как столбы. И на ногах пальцы, а не видно, а только одни ногти очень коротенькие. И я думал, что это у него копыта маленькие торчат из ноги. А это ногти. Он такой ногой может кого угодно стоптать. И я стал бояться. И сказал маме тихонько:



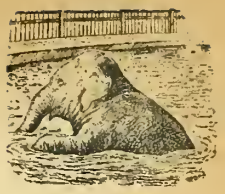
— Я боюсь. Чего он сюда идет?

А один дядя услыхал, как я говорю, и сказал громко:

— Он боится, что слон на нас идет! Ха-ха-ха!

И все стали показывать, что там кругом сделана дорожка. А она каменная. И она вся в гвоздях. Там гвозди острым кверху стоят. Слон через нее перейти не может, потому что он себе ногу поколет. И он до нас не дойдет.

КАК СЛОН КУПАЛСЯ



Меня поставили на заборчик, чтобы я увидал, как сделана эта дорожка. И я тогда увидал, что там внизу, за этой дорожкой, есть вода. И слон пошел прямо к этой воде. Я думал, что он пить хочет, а он не пить. Он купаться хотел. Он в эту воду совсем залез. Так что только голова одна наверху была. И спина немножко.

А потом он стал хоботом набирать воду и ее выливать себе на спину. Прямо как пожарные пожар заливают.

А потом я увидел, что еще один слон купаться идет. Только он меньше этого. И мне сказали, что он небольшой, что он еще мальчик. И у него рядом с хоботом два белых зуба вперед торчат.

Я сказал:

— Ай, зубы какие!

А все стали смеяться и мне кричать:

— Это клыки! Это клыки!

А я сказал:

— А почему у большого нет?

Никто ничего не говорил, только один дядя сказал, что тот слон — мама. И что «вот у твоей мамы усов нет, так и у той слонихи клыков нет». У слоних клыков не бывает. А эта слониха взяла набрала воды в хобот да как дунет на нас водой! Так все и побежали.

Все очень смеялись, и я тоже.

КАК СЛОН ПЬЕТ

Потом прибежал дядя, который за слонами смотрит. Слониха прямо в него водой пустила, а дядя на нее кричал:

— Не балуй!

А потом маленький слон вышел из воды и пошел наверх. А там было большое корыто. А в этом корыте была вода. Он стал набирать воду в хобот, а потом хобот в рот загибал и туда эту воду выдувал. Он так много раз сделал. И тогда напился.

Это его водой так поят. Ему в это корыто воду наливают. А я спросил, что ему есть дают. И все знали, что он ест. Все сказали, что он сено ест, что он ест картошку, и морковку ест, и сахар. А мяса он не ест. И он очень смирный.

А мама сказала:

— Смирный, смирный, а мне все платье забрызгал!

Мама взяла меня за руку и повела. Мама говорила:

— Надо, чтоб платье просохло. Я не хочу ходить чучелой. Сядем тут, на солнце.

Мама села на скамейку и сказала, чтоб я тоже сел и не пылил, потому что к мокрому платью пыль прилипает.

КАКОЙ МАЛЬЧИК ПЕТЯ

И вдруг подошел мальчик и сказал:

— Здравствуйте!

А это — тот мальчик, который про птицу орла рассказывал.

Я тоже сказал:

— Здравствуй!

А мама ничего не сказала.

Мальчик спросил:

— Что, устали?

А я сказал, что не устали, а что это мама платье сушит.

Мальчик спросил маму:

— Можно, я с ним пойду, ему обезьян покажу?

А мама говорит:

— Не могу я пускать ребенка с неизвестным мальчишкой.

А мальчик говорит:

— Я известный. Меня все здесь знают. Я — Петя.

Я сказал:

— Мама, он — Петя.

Мама сказала:

— Хоть Петя, хоть рас-Петя, а никуда ты не пойдешь. И сиди, пожалуйста, на месте.

КАКИЕ СЛОНЫ УМНЫЕ

А Петя взял и сел ко мне на скамейку.

Он сказал, что мама, наверное, оттого такая сердитая, что ее слоны вымочили. А это они не нарочно. Это они так играют: водой на всех брызгают.

А слоны умные. Их научают, и они всякую работу делают: и бревна таскают, и землю копают, и воду носят. Они даже гулять

с детьми вместо няньки ходят. И смотрят, чтобы детей никто не обидел.

На слонах даже на охоту ездят. Насядут охотники ему на спину с ружьями, слон их везет. А они сверху в самых диких зверей стреляют. Даже в тигров стреляют.

А тигр очень страшный. И его здесь, в зоосаде, можно будет посмотреть.

Леопард

ПРО ХИЩНИКОВ

Черная пантера

Я сказал маме:

— Идем! Я хочу тигра смотреть.

А мама сказала, что она мокрая никуда не пойдет.

Мама очень сердилась на слонов, что они ее забрызгали.

Петя меня спросил, как меня зовут. Я сказал, что Алешей и что еще зовут Почемучкой — за то, что я все спрашиваю: «Почему?» А я Пете не сказал «почему», а спросил про тигра — может ли он людей покусать.

Волк

Петя сказал, что не может, потому что тигр в клетке сидит железной. А то он не только людей, а лошадь может заесть. Даже быка может заесть. Медведь на что сильный, а и медведя тигр тоже заест.

А я сказал:

— Как же его в клетку загнали, если он всех может заесть?

А Петя засмеялся и говорит:

— Они не здесь, они далеко живут. Их звероловы ловят. Они их в сети ловят. И очень боятся, когда их ловят. Тигр только и ест что сырое мясо.

Лиса

А я сказал:

— Орел тоже сырое мясо ест.

А Петя говорит:

— Все такие, кто без сырого мяса не может, это всё хищники.

А я сказал:

— Хичники?

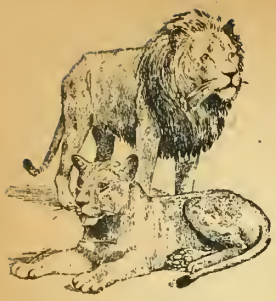
А Петя сказал:

— Не хичники, а хищники.

Я сказал:

— Ну да, которые сильные и кусачие. Они всех едят.

Собака



А Петя сказал:

— Это не то что сильный. Вот бык какой сильный, а он никого не ест. Он только траву ест.

А потом Петя закричал:

— Ну да! А слон? Он всех сильней. А он вот мяса ни крошки есть не станет.

Мама сказала:

— И что за глупости! Собака мясо ест, а совсем не хищник.

А Петя сказал:

— Нет, хищник. И собака хищник, и волк хищник, и лиса хищник, и кошка тоже хищник.

Мама сказала:

— Сам ты хищник!

А Петя сказал:

— Я не хищник, потому что у меня зубы не такие. У хищника все зубы острые, и он зубами траву не может тереть, а я могу. И корешки всякие могу тереть. И зерна могу перетереть. А у хищника зубы, как пила.

Мама сказала Пете, что он сам пила.

И потом сказала:

— Ну, пойдем. Где твои хищники?

ПРО ТИГРА И ПРО ЛЬВА

А я сказал, чтоб тигра итти смотреть.

И мы пошли с Петей. И я услыхал, как очень громко кричит какой-то зверь. И я Петю взял за руку, чтоб держаться. А Петя сказал:

— Не бойся, это лев. Он в клетке и не выскочит.

И вдруг я увидел большую клетку, а в ней ходил зверь, и у него волосы были до половины, как у Инзола. А сзади коротенькая шерсть. Только он очень большой и желтый, а не черный. И он очень сердито смотрел.

А все кругом стояли и не боялись, потому что он в клетке.

Я тихонько Петю спросил:

— Петя, это он?

А Петя сказал:

— Ты думаешь, тигр? Это лев. Он тоже хищник.

А у льва лапа на конце очень широкая, и там на пальцах когти.

Петя сказал, что лев как ударит быка лапой, так и убьет. Он прыгает очень хорошо. Он так и наскакивает прыжком. Напрыгнет и заест.

Его тоже сюда привезли. Он живет там, где всегда жарко. Он жару любит. Его на зиму в дом переводят, а то он зимой совсем замерзнет.

Мама сказала:

— Ну, посмотрел льва, и идем дальше.

И мы пошли к другой клетке.

А там, я думал, что ничего нет. А Петя меня поднял и посадил на забор. Там из толстого бревна загородка стоит. Это — чтоб не подходили к зверям, чтоб звери лапой не цапали. А когда меня Петя посадил наверх, я увидел, что в клетке есть зверь, только он лежал. И я думал, что это не зверь, а только кожа от него. Потому что прямо как ковер.

И этот зверь весь в полосках. Желтых и черных. И зверь очень длинный. А голова у него, как у кошки. Только очень большая.

И Петя мне сказал:

— Вот это — он.

А этот «он» и есть тигр.

А там около клетки ходил человек с метелкой.

Он в клетку сунул метелку и стал немножко мести. А тигр вдруг голову поднял и посмотрел. И на меня посмотрел. Он страшней, чем лев.

А потом тигр встал на лапы. Я боялся, что он будет что-нибудь делать. А он стал тянуться, как кошка, потому что он спал. И потом зевнул.

Петя мне крикнул:

— Гляди, гляди, зубы!

А у тигра очень большие зубы. Прямо громадные. Они — как у меня палец и еще больше. Они белые и на конце острые. А потом тигр стал ходить. Он лапами не стучал, и я думал, что он кого-то ищет. А он никого не искал. Петя сказал, что тигры всегда так ходят. Это — чтоб потихоньку подойти, чтоб не слыхали.

Он так вот подойдет, а потом сразу прыгнет.

А потом тигр подошел к самой решетке, открыл рот да как сделает «кха!», так даже дяди большие немного назад отошли.

Мама сказала:

— Фу, какой противный!

А он не противный, а очень страшный. Он, наверно, укусить хотел и сердился, что не может. Оттого и сделал «кха». Это он пугал.

А Петя говорит мне:

— Что, Алешка, испугался?

Я сказал, что испугался, только немножко.

МЕДВЕДЬ

Мама сказала, что она хочет медведя посмотреть.

Мы пошли к медведю. Около него очень много людей стояло, и все говорили:

— Что, мишка? Жарко, мишка?

И кричали, чтоб он в воду лез.

Петя стал меня вперед толкать, где видно. А мама боялась, что медведь может меня зацепить.

И мама говорила:

— Мальчик! Мальчик! Как тебя? Куда ты его пихаешь?

А один дядя, красноармеец, взял меня на руки, засмеялся и сказал:

— Гляди, вот он, мишка.

А там, в клетке, мишка ходил мимо решетки и на всех глядел.

Он на собаку похож. Только он толстый. А глазки совсем маленькие, черненькие. И когти большие, как у тех медвежат. Он совсем не страшный.

Я сказал дяде красноармейцу:

— Его, может быть, погладить можно?

А дядя красноармеец сказал:

— Что ты, что ты, дружок! А вдруг он лапой цапнет? Он шутя цапнет, а без руки останешься. Он корову лапой ударит — весь бок вырвет. Вот он какой! Он в лесу самый сильный зверь, дружок.

Этот дядя мне все говорил: «дружок, дружок».

А мама вдруг сказала:

— Ах, где это Алешка?

А Петя сказал:

— Вон он где сидит.

Мама подошла и сказала красноармейцу:

— Что вы, что вы! Вам, может быть, тяжело?

А дядя красноармеец сказал:

— Пустяки, гражданка. Пусть медведя посмотрит.

И крикнул:

— А ну, мишка, в воду!

И все стали кричать:

— В воду! В воду! Пошел в воду!

А МИШКА ВОВСЕ НЕ КОСОЛАПЫЙ

Сзади мишки была вода. У него в полу как ванна, только большая. Он взял и влез туда. Только одна голова наверху была. И он глаза закрывал, потому что ему очень жарко было.

Мама сказала:

— Косолапый мишка.

А дядя красноармеец сказал:

— Хороший косолапый! От него на лошади не ускачешь. И на всякое дерево залезет, как обезьяна.

И я сказал, что я видал, как маленькие мишки на решетку залезали, да еще по решетке вбок ходили.

И я тоже сказал:

— Вовсе не косолапый.

А мама вдруг говорит:

— Ну, знаешь, довольно! Пойдем-ка.

Меня дядя спустил, и мы пошли.

Мама всех спрашивала, где обезьяны. И нам рукой махали, куда итти.

БОЛЬШАЯ ОБЕЗЬЯНА ОРАНГУТАНГ

Мама меня спросила: может быть, я есть хочу.

Я сказал, что не хочу, а она все равно повела меня, где молоко пьют. Там домик стоит, можно молоко пить. И мама там мне пирожное купила. Я очень скоро съел, потому что хотел к обезьянам.

А когда мы пришли к обезьянам, то я думал, что там, в клетке, черный человек сидит. А это не человек, а такая большая обезьяна. Она называется орангутанг, и она не черная, а рыжая.

Она сидела на стуле, у ней был столик. И к ней пришла одна тетя и принесла ей чашку и еще молочник.

Тетя налила ей из молочника в чашку, чтоб она выпила. А сама стала смотреть, как она будет пить.

Обезьяна взяла чашку и стала пить из чашки. А потом тетя отошла немножко и отвернулась. И все стали смеяться, потому что обезьяна взяла молочник и прямо из молочника все выпила. Тетя увидала и бранила обезьяну за это.

А обезьяна полезла потом наверх по веревке. Там веревка очень толстая была. Висела с самого верха. Обезьяна на самый верх по веревке залезла и стала там веревку отвязывать. Она сначала рукой отвязывала. А потом стала ногой отвязывать, потому что у нее на ногах тоже руки. И она ими все может делать. И все равно не отвязала.

Она потом по веревке вниз полезла, так я видел, как она ногами хваталась. Ногами в кулак веревку зажимала. У ней лицо очень смешное, потому что у ней нос очень маленький, а рот шаром вперед идет. А кругом лица волосы, как будто всё борода.

МАКАКИ

Мама сказала:

— Идем отсюда, там интересней.

А там была клетка, и в этой клетке были маленькие обезьянки. Они по всей клетке прыгали. Они так прыгали, что прямо через всю клетку. Я думал, что они летают. А это они не летают, а прыгают.

Это они так играли, потому что одна обезьяна убегала, а другая ее ловила. И другие тоже так играли. Их очень много было. И они кричали.

А я знал, какие это обезьянки: это макаки.

И все смеялись, потому что они веселые и очень шалят. А потом я видел, как одна макака ручками всё волосики расправляла у другой макаки. А та ей давала голову, чтоб она скребла.

И все говорили: это она блох ищет.

А потом две макаки стали драться. Они ладошками дерутся. Только одна потом упрыгнула на решетку и ускакала.

Я хотел еще смотреть, а мама сказала, что поздно и что надо сейчас ехать обедать, потому что нам далеко.

ПАВЛИН — САМЫЙ КРАСИВЫЙ

Мы пошли домой. И шли мимо загородки. Мама очень скоро шла и вдруг стала. Она посмотрела за загородку и сказала:

— Ах, какой!

А там, за загородкой, был вот какой. Я думал даже, что он не настоящий. Потому что он совсем как на елке. А это птица такая — павлин. Он хвост поставил кру́гом, и на хвосте — синие кружочки с золотым и с зелененьким.

А сам павлин блестит. Он синий и блестит, как стеклянный. На голове у него торчком стоят тоненькие перышки, как иголочки с шишечками. И они все в ряд стоят. И он стоял, как очень важный.

Я стал кричать:

— Ой, какой! Смотрите, смотрите, какой!

И пришел один дядя с девочкой. И еще пришли. И все смеялись и говорили, что это павлин.

И дядя мне еще павлинов там показал. Они высоко на каких-то бревнах сидели. Только у них хвосты назад и как полотенце. А это они могут так сложить, а потом так поставить, как этот, кру́гом.

А потом один такой павлин совсем близко подошел. И девочка ему в решетку палец сунула. А потом крикнула, потому что павлин клюнул.

Он думал, она ему есть дает. Только он не очень клюнул. А девочкин папа сказал, что он ей павлинье перо достанет. Я маме сказал, что я тоже хочу такое перо, — я его на елку вешать буду.

Мама сказала, что довольно и что пойдем. А я все маму просил, чтоб достала мне перо.

ПАПА ТЕЛЕГРАММУ ПРИСЛАЛ

Мы опять на трамвае в гостиницу приехали. Мы хотели в свой номер итти, а тетя, которая убирает, сказала маме:

— Вам телеграмма есть.

И потом дала маме бумажку.

А я сказал:

— Почему телеграмма?

Мама ничего не сказала и стала телеграмму читать.

А я все равно спрашивал:

— Почему? Почему?

Мама сказала, что не «почему», а просто это папа прислал. Папа прислал телеграмму, что он в Харькове и что там у нас будет квартира. Это город такой — Харьков. И мы в Харькове будем жить.

И еще мама сказала, что они с папой устроят там квартиру и меня туда возьмут. А сейчас я к бабушке поеду и буду у бабушки жить. А бабушка — это папина мама. И мы скоро к ней поедем.

Мама стала веселая и все говорила:

— Как я рада! Как я рада!

А потом я мыл руки у нас в номере, и мама меня все спрашивала, что я хочу после обеда: пирожное или, может быть, компот, или мороженое. И еще воздушный пирог.

А я сказал:

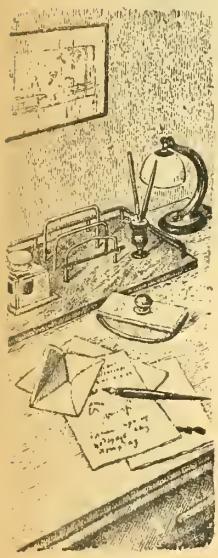
— Мороженое и пирожное.

И нам с мамой принесли обед. И потом принесли мне мороженое и пирожное.

А мама все говорила:

— Вот как хорошо!

А потом мы еще чай пили. А вечером меня мама в ванне мыла.



А когда я спать ложился, мама сказала мне:

— А что ты хочешь, чтобы папе написать?

Я сказал, чтоб мама написала, чтоб папа купил мне маленькую лошадку — пони — и что я ее очень любить буду и для нее домик сделаю.

А мама засмеялась и сказала:

— Ах ты, дурашка! Спи скорей.

ДЕВОЧКА ЛЮБА

А когда мы утром пили чай, вдруг к нам в дверь постучали. И пришла одна тетя с девочкой немножко побольше меня. Мама стала эту тетю целовать и все говорила:

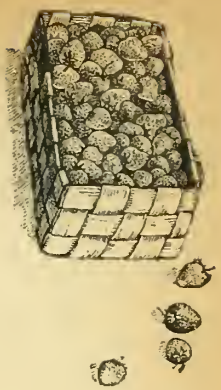
— Ах, Наташа! Ах, Наташа!

А потом сказала, чтоб я с ней познакомился. А девочку зовут Люба. И чтоб я с Любой тоже познакомился. Любина мама сказала:

— Это твой Алешка? Вот он какой!

А какой, не сказала.

Любина мама принесла деревянную корзиночку, и я думал, что там пирожные. А там были ягоды — клубника. Это она нам принесла.



А мама позвонила и сказала, чтоб нам дали молока, блюдечки и ложечки. А потом достала сахар, и мы посыпали ягоды и ели с молоком.

Потом мама сказала мне:

— Ну, играйте с Любой. А нам надо поговорить.

И стала с Любиной мамой говорить.

КАК Я ЛЮБЕ ЗВЕРЕЙ ПОКАЗЫВАЛ

А я не знал, как с Любой играть. А потом ей сказал, что я тигр. Я немножко ноги подогнул и стал ходить около Любы. И я на нее очень сердито глядел. А потом сделал на нее «кха». А она вдруг заплакала и побежала к своей маме и закричала:

— Он меня дерет!

А мама на меня крикнула:

— Что ты не можешь играть, как все дети?

А я сказал, что я тигр. А мама сказала:

— Тигров в клетку сажают.

А я сказал, что я и в клетке буду делать «кха».

И я сделал, как тигр. Любина мама засмеялась, а мама сказала, что мы вчера в зоосаде были и что мы слонов видали. А я сделал рукой хобот и пошел к Любе и хоботом мотал. А она говорила:

— Это не тигр? Это не тигр?

А я ей сказал толстым голосом:

— Это сло-он. Он не кусает. Он добрый.

Люба сказала:

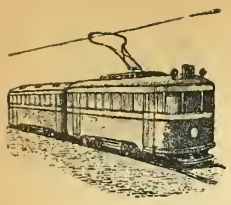
— А погладить можно?

Я ей сказал, что это хобот. И показывал, как слон хоботом крутит.

А МЫ ОПЯТЬ В ЗООСАД ПОЕХАЛИ

Потом я ей сказал, что я на маленькой лошадке катался. Люба пошла к своей маме и стала ей на ухо говорить.

А Любина мама ей говорила:



— Хорошо, хорошо. Потом.

А Люба стала капризничать, говорила:

— Пойдем. Сейчас. Я хочу.

Любина мама сказала вдруг моей маме, что надо пойти в зоосад и чтоб вместе пойти.

Люба стала прыгать и хлопать в ладоши. И стала петь:

— Вот пойдем! Вот пойдем!

А я сказал:

— На трамвае поедем, я знаю.

Мама стала шляпу надевать. И я кепку сам надел. И я всех повел на лифт. А потом мы поехали на трамвае.

А Люба все своей маме говорила, что она тоже хочет на маленькой лошадке кататься. У ней мама очень добрая, потому что говорила:

— Хорошо, хорошо.

А когда мы пришли в зоосад, мы прямо пошли к лошадке. И я с Любой опять катался. А Люба не кричала, а только ножками топала.

И говорила:

— Вот хорошо!

А потом не хотела уходить, и нам еще билет взяли, чтоб еще кататься.

КЕНГУРУ

Любина мама сказала, чтоб мы с Любой шли впереди. А Люба хотела, чтоб ее за руку тянули. И опять пошла к своей маме.

А ее мама ей сказала:

— Я не кенгуру. А то б я тебя в карман положила и понесла.

Я маму спросил:

— Почему кенгуру?

Любина мама сказала:

— А это зверь такой. У него на животе карман. Он туда своих детей кладет и скачет с ними, куда хочет.

Люба сказала:

— Ну да! Это ты нарочно. Таких зверей не бывает.

А Любина мама говорит:

— А он тут есть. Хочешь, покажу?

Я сказал:

— Я тоже хочу.

И мы пришли, где кенгуру. Они за загородкой прыгали. Они не стоят на всех лапках. Кенгуру сидит на корточках, и хвост ей не дает совсем на землю сесть. Она сзади на хвост опирается. А потом как прыгнет!

У ней очень длинные задние ноги. Прямо как у зайчика. Только она не как зайчик, а очень большая. Больше собаки.

А передние лапки, как ручки. Очень маленькие.

А потом у ней очень большой хвост. Он сначала толстый, а к концу тоненький. И совсем без волосиков.

А кармашка на животе не видно было. А все тоже говорили, что есть и что она в этот кармашек может положить маленького кенгуренка. Она вся серая, только на животе у ней шерсть немножко белая. Кенгуру не ходит. Она понемножку прыгает.

Она мне очень понравилась. Ее, наверное, погладить можно. Она не хищная.

А Люба стала говорить:

— А вот и не носит детей в кармане!

Любина мама сказала:

— Ну, сейчас у нее детей нет. Наверное, выросли.

САМАЯ БОЛЬШАЯ ПТИЦА

А потом Любина мама сказала мне:

— А ты самую большую птицу видел?

Я сказал:

— Ну да. Пеликан.

А Любина мама засмеялась:

— Хо-хо-хо! Пеликан! Вот сейчас увидим такую птицу, что она выше всякого дяди.

И потом маме сказала:

— Разве вы страуса не видели?

Мы пошли. А Люба увидала, что в домике пирожные едят, и стала говорить:

— Мама, хочу пирожного!

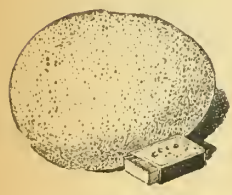
Любина мама сказала, что хорошо. И нам купили пирожные. Люба хотела трубочкой, а я — с ягодами сверху. А потом Люба сказала, чтоб молоком запить. А я не хотел молока. Я хотел, чтоб скорей к самой большой птице. Я говорил Любе, чтоб она скорей. А она все смеялась и молоком прыскалась.

Мы пошли и пришли к клетке. А там стоял на длинных ногах страус. У него снизу длинные ноги, а потом он сам, а потом наверх идет шея. Длинная-предлинная. И на шее голова. Он такой высокий, что Любина мама подняла руку, сколько могла, и вышло как раз до его головы. Мне очень высоко было туда смотреть. Я больше на ноги смотрел. У него там три пальца с когтями и очень толстые. Он ступает и стучит, прямо как лошадь. Я смотрел, смотрел, какие у него ноги, и вдруг страус в пол клюнул.

А я испугался, потому что он стукнул прямо как молотком. Он, наверное, есть хотел.

Любина мама сказала, что он такой сильный, что на нем даже ездить можно. И он скорей всех бегает. А летать он никак не может: у него крылья маленькие. И она сказала, что он злой. Он когда рассердится, так клювом по голове как начнет стукать, и совсем убить может. И что он больше всего ногой дерется. И ногой тоже убить может. У него нога прямо как железная.

Моя мама сказала, что она видала, какие яйца страусы несут. И сказала, что прямо как моя голова.



И еще моя мама сказала, что перья у страусов в хвосте очень дорогие. Их на шляпы сажают.

А я сказал, что у павлина лучше и что я лучше хочу от павлина перо, а от страуса не хочу.

А мама сказала, что я ничего не понимаю. И мы не хотели больше смотреть страуса, потому что он ничего не делал, а только топал.

Мы пошли с Любой вперед, потому что Любина мама не хотела ее за руку тянуть. Она хотела с моей мамой говорить. А я стал показывать, как страус топает. Я ногу прямо вперед ставил. И все очень смеялись. И моя мама тоже очень смеялась. Я вертел головой и не видел, как на меня один дядя нашел. И я его в живот головой. Потому что я его не видал.

А дядя сказал:

— Ты чего ж бодаешься, как козел?

Дядя не рассердился, потому что ему не было больно.

Я сказал:

— Я страус.

И я пошел, как страус. И этот дядя тоже смеялся. А мама сказала, что уже довольно страуса, а то я очень пыль поднимаю. А Люба не могла, как страус, ходить.

КАК ЛЮБА КРОКОДИЛА БОЯЛАСЬ

Любина мама сказала:

— А ты знаешь, как «крокодил наше солнце проглотил»?

Я сказал, что знаю, и знаю, как он потом выпустил.

А Любина мама говорит:

— Хочешь, я тебе крокодила покажу?

Я сказал:

— А он страшный?

А она говорит:

— Не бойся, он нас не достанет.

Я сказал, что если страшный, так я убегу: я крокодила боюсь. А Люба стала скакать и в ладоши хлопать.

И стала петь:

— А я вовсе не боюсь! Не боюсь! Крокодила не боюсь!

А Любина мама сказала:

— Ну, так я тебя к нему пущу. Ты пойдешь его погладишь. Хорошо?

Люба опять запрыгала и стала петь:

— И поглажу и пойду! Крокодила я поглажу, потому что не боюсь!

А моя мама сказала:

— Ну смотри! Смотри, потом не плачь!

Мы пошли в ворота, и я думал, что мы совсем из зоосада уходим, потому что там улица и трамвай. А мы улицу перешли, а там опять ворота. И мы туда вошли. А там опять зоосад.

И Любина мама повела нас прямо к крокодилу.

Там была маленькая загородка кругом. И там в воде лежал крокодил. Только воды там было немножко. Он как в ванне лежал. Его всего было видно, какой он. А нос он из воды высунул.

Любина мама сказала, что это он для того высунул, чтоб воздухом дышать. Он длинный, а на нем колючие шишки. И он лежал, как неживой.

А еще один крокодил был. Он около воды лежал и тоже не шевелился. Это он на солнышке грелся. А потом он стал вдруг рот открывать: тихонько-тихонько. А у него там зубы. Они прямо как гвозди, и их там много-много. И они очень колючие. И большие.

Он раскрыл рот немножко, а потом закрыл. И опять стал спать.

Любина мама взяла Любу подмышки и говорит:

— Ну, полезай. Пойди погладь крокодила.

И стала Любу поднимать. А Люба закричала. Она так закричала, что все стали на нее глядеть.

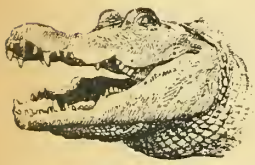
А Любина мама говорит:

— Ты же сказала — не боишься!

А Люба так стала плакать, что мама ее увела. А мы с моей мамой стояли и еще смотрели крокодила. И он еще рот раскрызал.

А потом Любина мама нам говорила, что крокодил в жарких странах живет. Он в реке живет. И из-под воды хватает, кто купается. Даже когда бык купается, он и быка может схватить. Утянет в воду; бык, бедный, потонет, а потом крокодил его съест.

А я сказал, что, значит, он хищник.



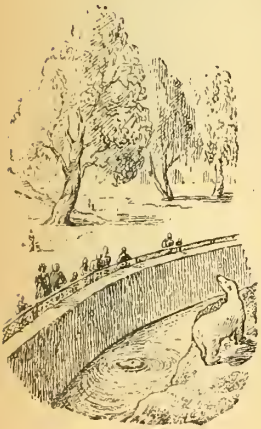
ПРО БЕЛЫХ МИШЕК

Люба не хотела плакать, а все равно плакала. И ей мама мороженое купила. Там будочки такие есть. Там трубочки с кремом и мороженое. И мне мама тоже купила трубочку с кремом и мороженое. И все ели мороженое и трубочки.

И мама говорила, что в Харькове тоже есть зоосад. И мы в Харькове будем туда ходить.

Люба стала просить еще мороженое. А ее мама ей сказала:

— Разве тебе уж так жарко?



А Люба сказала:

— Мне очень жарко.

А Любина мама говорит:

— Тебе не жарко. А знаешь, кому жарко?

Любина мама сказала, что жарко тому, кто в холоде всегда живет, а его потом вдруг в Москву привезут.

А я сказал:

— Почему в холоде?

Любина мама сказала:

— Потому, что есть холодные страны. Там лед даже летом не тает. И там все время холодно. Там летом в шубах ходят. И там тоже есть медведи. Только они белые. И они любят, чтоб было холодно. Здесь им летом очень жарко. Люба глупости

говорит. Ей просто мороженого хочется. А вот мы сейчас пойдем и посмотрим на белых мишек, как им жарко.

И мы пришли и стали смотреть через каменный заборчик. А там внизу была вода.

Около воды стоял один мишка. Он был белый. И он рот раскрыл, и у него язык висел. А потом он прыгнул в воду и стал в воде плавать.

А там еще было два мишки. Они тоже плавали. А один дядя кинул булку прямо в воду. Мишки скорей поплыли к булке. Один мишка скорей всех доплыл и схватил зубами булку.

Эти мишки мне больше того, черного, понравились. Потому что они не такие лохматые. И потом у них голова не такая большая. И еще потому, что белые.

КАК МЫ МИШЕК КОРМИЛИ

Потом они из воды выходили и на нас смотрели, чтоб мы им кинули булку.

Люба стала просить, чтоб кинуть булку. Любина мама пошла с Любой покупать булку. Я смотрел, как мишкам жарко. А булки я не бросал, потому что мама мне не покупала. Потом пришла Любина мама, и у ней была булка. Люба все булку хватала, чтоб скорей бросать.

А Любина мама взяла и разломала булку и мне дала кусок и Любе кусок. Люба схватила и бросила. И все медведи поплыли к булке. Я думал, что они не увидят, как я брошу, а я все равно бросил.

А один медведь — он сзади всех плыл — поплыл к моему куску. Он его зубами схватил и полез из воды. А с него вода прямо так и текла. А он все равно булку ел. Хам, хам! — и съел.

А Любина мама сказала, что белые медведи там, у себя, на льду живут. Там всегда лед.

Они морских зверей едят и рыбу тоже. Достают и едят. Их тут тоже рыбой кормят. Зимой им здесь хорошо, потому что они холод любят.

А МЫ ОПЯТЬ ПЕТЮ ВИДЕЛИ

Потом мы пошли уходить. Потому что Любина мама хотела, чтоб мы все к ней шли обедать.

А я вдруг увидал в клетке маленьких собачек и закричал:

— Мама, мама, смотри! Собачки!

А мама сказала:

— Фу, глупости! Какие там собачки?

А Люба тоже прибежала к клетке и тоже сказала, что это собачки.

Они были серые, и у них уши очень торчали.

И мы с Любой кричали:

— Смотрите, собачки!

А эти собачки совсем к нам подошли. Только они не могли в решетку мордочку сунуть. И они на нас глядели.

А Любина мама сказала:

— Какие же это собачки? Это волчата. Вот и написано: «Волчата».

А Люба немножко отошла и закричала:

— А вот эти какие рыженькие!

А там, в другой клетке, тоже были как собачки.

И моя мама сказала, что это маленькие лисы.

У них хвостики пушистенькие и мордочки остренькие.

И вдруг с той стороны клетку отворил кто-то и вошел. А это был какой-то мальчик.

И все лисы не стали на нас смотреть, а побежали к нему. И он взял одного лисенка на руки и хотел его уносить, а я увидал, что это Петя.

Я закричал:

— Петя! Петя!

Петя очень обрадовался, что это я, и сказал, чтоб я подождал, потому что он сейчас ко мне придет.

А мама ему крикнула:

— Только скорей!

И он куда-то этого лисенка понес.

А потом он скоро пришел и сказал, что он лисенка носил к доктору.

Эти лисята в зоосаде родились, и доктор их смотрит, чтоб не заболели.

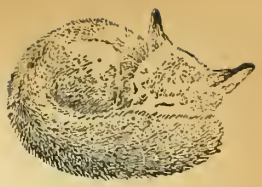
КАК ПЕТЯ МНЕ ПЕРО ПОДАРИЛ

Петя сказал:

— Правда, лисята красивые?

А я сказал, что все равно павлин самый красивый и что я очень хочу перо от павлина.

Петя сказал, что если я подожду, то он принесет мне перо от павлина.



Я стал просить маму, чтоб подождать. А Петя сказал, что он бегом, и побежал.

А потом он принес очень длинную бумагу, завернутую, и сказал, что там перо. И сказал, чтоб я не разворачивал, а чтоб только дома развернул, и чтоб я не поломал.

А мама очень смеялась и сказала:

— Ну, прощай, Петя! Спасибо тебе.

И сказала мне:

— Что надо сказать?

А я сказал Пете, что я его очень люблю. И мы все пошли.

А Петя крикнул:

— До свиданья, Алешка!

И шапкой махал. Я тоже шапкой махал.

Мама взяла перо и понесла.

А Люба все говорила, чтоб сейчас развернуть и показать. И плакала, чтоб показали.

А Любина мама дернула ее за руку и сказала:

— Не капризничай!

КАК У МЕНЯ ПЕРО ОТНЯЛИ

Потом мы поехали на трамвае, и мама держала руку с пером вверх, потому что толкают и поломают.

А потом Любина мама сказала, что уже приехали, надо выходить. А это мы к ней приехали.

У них дома тоже лифт был. И мы на лифте поехали наверх.

Потом мы пришли к ним в квартиру, и я увидел Любиного папу. Он меньше моего папы и в очках. Он очень обрадовался, что я пришел.

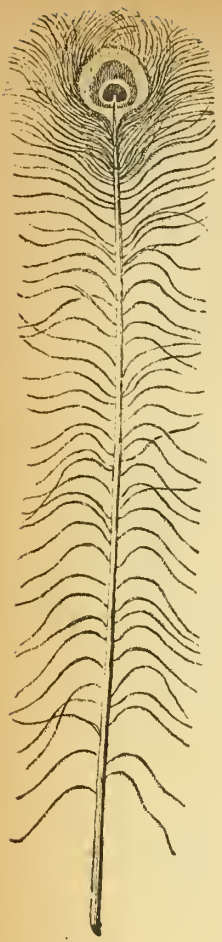
А я сказал, что у меня перо и сейчас смотреть будем. А он сказал:

— Жар-птицево перо.

А я сказал, что павлинье. И мама стала разворачивать бумагу. Там было перо.

Оно на очень длинной ножке, и еще зелененькие волосики идут, и потом сам кружочек.

И все смотрели, и все радовались, какое оно красивое.



Любин папа тоже сказал, что очень красивое.

А Люба сказала, чтоб оно было ее.

Мама говорила, чтоб я ей подарил. А Любин папа сказал Любе, чтоб она не смела брать. А Люба стала плакать.

Мама взяла у меня перо и положила на пианино и пошла сказать Любе потихоньку, что перо останется у нее.

А мне пера было очень жалко, а плакать я не стал.

ПРО УТКОНОСА

Потом мы стали обедать. И Любина мама говорила, как она хотела Любу пустить к крокодилу.

А Любин папа сказал:

— А вы знаете, откуда крокодилы выводятся?

А мы не знали. Они там, в зоосаде, не выводились.

Любин папа сказал:

— Они, как цыплята, выводятся. Они из яйца выводятся.

Крокодил тоже яйца несет, как курица. Только большие. И оттуда маленькие крокодильчики выходят.

А моя мама сказала:

— А я думала, что только птицы яйца несут.

А Любин папа сказал:

— А есть еще мохнатый зверь. Он тоже из яйца выводится.

Моя мама стала смеяться и сказала, что это Любин папа нарочно так говорит.

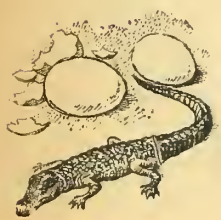
А я стал говорить:

— Какой зверь? Какой зверь?

Мама сказала:

— Не кричи! Доедай скорей суп.

А Любин папа сказал, что этот зверь мохнатый, а с клювом, как у утки. И на четырех лапках бегает. И он в воду ныряет и в воде рыбу ловит.



Любина мама сказала:

— Неужели вы не знаете, кто это такой?

И стала на всех смотреть. И Любу спросила. А Люба сказала:

— Я забыла.

Любина мама сказала:

— Это утконос. Я тебе на картинке показывала.

Любин папа рассказал, как утконос своих детей кормит.

Он их молоком кормит.

Он на спину ложится, и его дети носиками в живот тыкают. И тогда там, на животе, ямка делается и туда молоко натекает. И из ямки утконосик выпивает клювом молоко. Как будто из чашечки.

Я сказал:

— Ха-ха-ха! Из чашечки!

Мама сказала:

— А ты вот из тарелки доедай. Всегда тебя дожидаться надо.

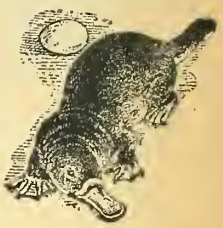
Я взял и доел.

А Любин папа все смеялся, что мама не знала утконоса. И сказал, что он после обеда покажет на картинке.

А я сказал, что опять хочу в зоосад — посмотреть утконоса.

Любин папа сказал, что сейчас утконоса в зоосаде нет и что он водится очень далеко. Его еще не привезли.

А потом мы ели горошек и ветчину, и Любин папа резал мне и Любе.



А мне Люба сказала, что ее папа всех бабочек знает и всех жуков, потому что ее папа ученый. И зверей тоже знает.

КАКИЕ У ЛЮБИНОГО ПАПЫ ЖУКИ И БАБОЧКИ

Потом Любина мама принесла компот и сказала, что можно есть сколько угодно, потому что целая кастрюля. А после все пили чай, а мы с Любой — молоко.

И мама рассказывала, что мы скоро будем жить в Харькове и что в Харькове у нас квартира. И что мама с папой будут устраивать квартиру, а я буду у бабушки, в Киеве. А потом папа за мной приедет и возьмет домой.

Когда мы молоко выпили, Любин папа показывал утконоса в книжке.

И еще показывал бабочек. Они — как цветочки. Они у него в ящиках, а сверху стекло, чтоб смотреть. Они все на булавочках и неживые.

А потом в другом ящике мы смотрели жуков.

Это Любин папа сам их ловит и собирает, чтоб всех знать.

Жук навозник

Потом Любина мама играла на пианино и сказала, чтоб мы с Любой танцовали. А я не хотел танцовать, я хотел перо посмотреть.

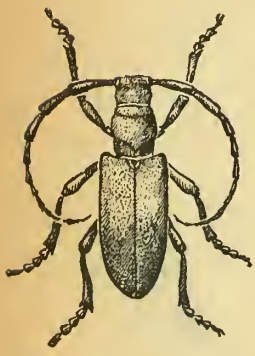
Я встал на кресло и хотел достать перо. Моя мама перо на пианино оставила.

А мама сказала:

— Разве можно ногами? Слезь сейчас же!

И погрозила мне пальцем. А Люба немножко танцовала и ногами по-всякому делала.

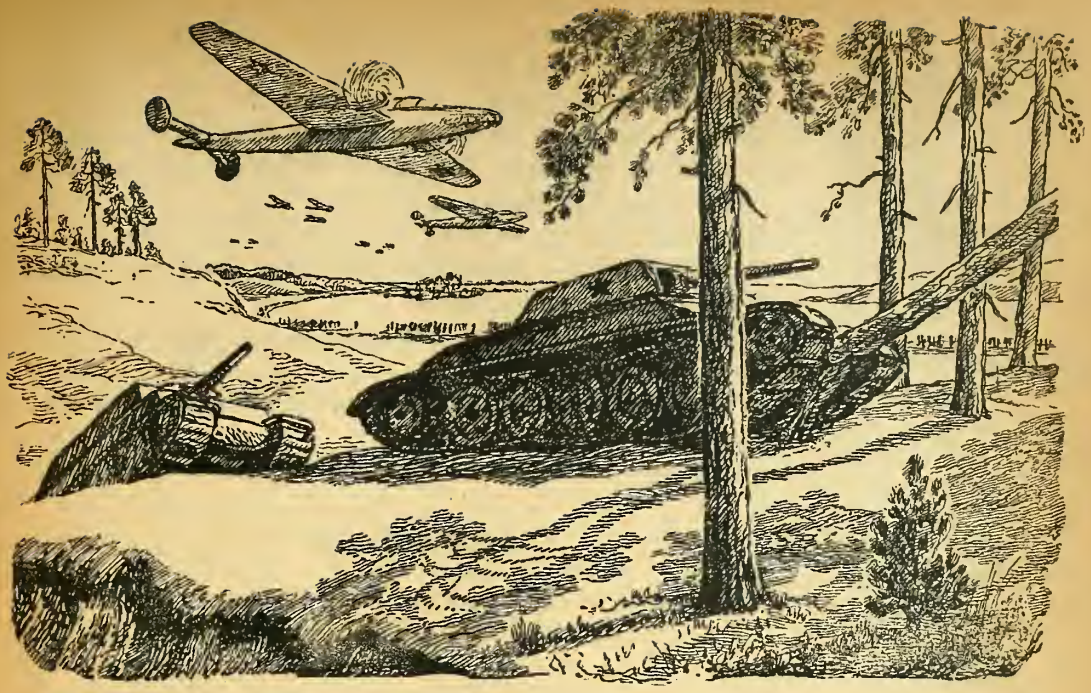
А потом мы с мамой поехали домой. И мама сказала, что завтра поедем к бабушке на дачу.



Дровосек

Махаон

Капустница



КРАСНАЯ АРМИЯ

КАК МЫ УЕХАЛИ ИЗ МОСКВЫ

Я просил маму, чтобы мне непременно позвонить в ту кнопочку, где нарисован человечек с чемоданами.

Мама сказала:

— Ну звони. Только не очень сильно.

Я позвонил. И очень скоро пришел дядя. Он совсем как лифтер. Тоже весь в коричневое одет, и пуговки золотые. Пришел и говорит:

— Вам вещи вынести?

Схватил чемоданы и понес. А мы с мамой поехали на лифте. Приехали вниз, а этот дядя с чемоданами уже внизу. Я ему сказал, что мы к бабушке поедем на автобусе.

А автобус — это такой автомобиль, как вагон.

Там скамеечки мягкие, как диванчики, а впереди — комнатка маленькая, как стеклянный шкапчик.

Там шофер сидит и правит, куда ехать. Мы с мамой сели на скамеечку в автобусе. И я сел к самому окну, чтобы смотреть.

А впереди нас сидел дядя военный. Очень большой. И мне не видно было, как шофер правил.

Сначала мы ехали по улицам, и я смотрел на дома.

А в домах много магазинов и кино. А где кино, там нарисованы всякие человечки смешные.

И один был нарисован большой, и вырезанный, и стоит. Я думал, что живой.

А потом мы поехали, где домов нет, а всё деревья сбоку.

И мама сказала:

— Ну вот, попрощайся с Москвой. Тут уже дачи пошли.

ДЯДЯ ВОЕННЫЙ

Дядя военный обернулся ко мне и говорит:

— Скоро мы в лес приедем. В настоящий лес. Там волки водятся.

Я немножко испугался, а потом подумал, что дядя шутит.

И сказал:

— Ха-ха-ха! Мы волков в зоопарке видели. Они в клетке сидят.

А дядя говорит:

— А там без клетки. В лесу они могут гам! — и укусить. Тогда не будешь смеяться.

А мама сказала:

— Дядя, наверное, охотник. Он знает, какие волки бывают.

А дядя говорит:

— И меня волки знают. Это правда, я охотник.

Я говорю:

— А где у вас ружье?

Дядя вдруг нагнулся и вытащил длинный мешок. Кулаком по мешку постукал — там твердое — и говорит:

— Вот оно. Вот тут мое ружье. А дома у меня две собаки.

Я спросил:

— Кудрявые?

А мама рассердилась и говорит:

— Не приставай к дяде.

А я все хотел, чтобы он из мешка ружье вынул и показал.

А кругом нас были деревья, и я все спрашивал:

— Это уже лес или еще нет?

А дядя все говорил:

— Какой это лес — это всё дачи.

МАНЕВРЫ

Мы ехали по дороге. Автобус качался, и я заснул.

А потом я вдруг проснулся.

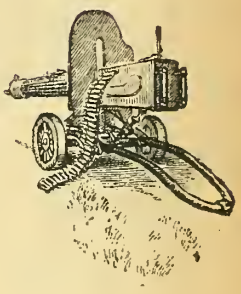
Наш автобус стоит, а кругом очень большие деревья.

Я сказал:

— Почему?

И все люди у нас в автобусе тоже говорили:

— Почему? Почему?



Дядя военный встал и вышел из автобуса. А потом подошел к нам, к окошку, и сказал:

— Красная армия идет.

А я закричал:

— Война!

Мама сказала:

— Не говори глупостей!

А дядя военный сказал:

— Ну да, война. Только не всамделишная. А по-нарочному: маневры.

Я скорей в окошко высунулся.

Дядя меня схватил подмышки и вытащил, а мама не видала.

Дядя военный посадил меня на плечи, и мне стало видно.

Там деревьев уже не было, а прямо поле, и стоял не милиционер, а красноармеец.

И в руке флаг поднял.

Это чтоб мы не ехали. И никто чтоб не ехал.

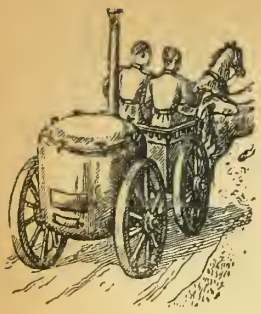
А потом шли красноармейцы — много-много, все в касках, и у всех ружья на плече. И они как запели песню, так все из автобуса выскочили смотреть.

А мама кричит:

— Где Алешка? Где Алешка?

И не видит. А я выше всех: у дяди на плечах.

ВОТ ЧТО МИМО ЕХАЛО



А потом лошади везли печку на колесах. У ней труба тоненькая. И дядя военный сказал, что это кухня едет. Там варится каша и всякий обед.

А потом поехали на лошадях.

И все стали говорить:

— Кавалерия идет.

А это просто верхом красноармейцы ехали с саблями и с ружьями.

Лошадки у всех коричневые, и они шли, как красноармейцы. Они рядками шли.

Дядя военный сказал, что лошадки ученые, потому что их учили так ехать.

А потом поехали еще с пиками, которыми колоть. Только они пики вверх держали, потому что еще не война.

Дядя мне сказал:

— Вот это казаки.

А дальше, за казаками, прямо по полю поехали домики. Они серые. А сверху башенка. А из башенки, я думал, палка торчит.

Дядя засмеялся и говорит:

— Это пушка, а не палка.

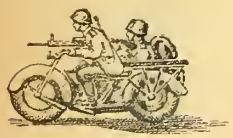
А домики из железа.

Пушка как бахнет — только держись! А домик крепкий: в него из ружья можно стрелять, ему ничего.

Это танк. Там люди сидят. Военные. Они могут наехать на кого хотят. И враги никуда от них не могут спрятаться. Потому что танк куда хочет едет.

Он на дерево наедет и дерево поломает. Он прямо на дом наедет и весь дом поломает. Он захочет — и в воду поедет и будет под водой ехать.

А из пушки кого хочет может застрелить. Только никто не стрелял, а они куда-то вбок поехали, прямо по полю. Это они учатся, как воевать.



А потом ничего не стало ехать.

И все начали говорить:

— Ну, теперь поедем.

И все пошли в автобус. И дядя меня на землю опустил.

Мама стала кричать из автобуса:

— Давайте мальчика: сейчас едем!

Вдруг подходит какой-то красноармеец, у него на рукаве белым перевязано, и говорит:

— Граждане, никуда ехать нельзя. Только назад можно.

Наш шофер говорит:

— А долго нам стоять?

Красноармеец сказал, что, наверное, до вечера.

И мы никуда не поехали.

КАК СВЕРХУ ВОЮЮТ

И вдруг как загудит, как затрещит! Я не знал откуда и стал вертеть головой.

А гудеть стало еще громче.

Дядя военный меня за руку держал и тоже смотрел. Только он вверх смотрел. И все стали вверх смотреть.

Я увидел, как будто три птицы, а это не птицы, а самолеты. А потом еще три, а потом еще три. И их много-много было в небе. Это они так гудели.

Я все глядел, как они летят, и вдруг из них стали падать маленькие грибочки. Из каждого так и посыпались и потихоньку вниз полетели, как пузырики.

Я закричал:

— Почему? Почему?

Дядя сказал, что это красноармейцы прыгают. У каждого красноармейца большой зонтик.

Дядя военный сказал, что это парашют. Он раскрывается, и красноармеец летит не сразу, а потихонечку. И не ушибается.

У него ружье с собой. Он на землю прилетит и пойдет воевать. И будет из ружья стрелять.

А с самолетов не только красноармейцев могут спустить, а еще могут бомбу бросить. Бомба упадет на землю и выстрелит, как из пушки.

СОБАКИ ТОЖЕ НА ВОЙНУ ИДУТ

Я уже думал, ничего больше не поедет, и глядел только на самолеты.

А мама закричала:

— Ах, еще собаки! Зачем это собаки?

А там дяди вели собак. Очень больших, и у каждой собаки навязаны по бокам чемоданчики.

А наш шофер сказал:

— Вот и собаки воевать пошли! — и стал смеяться: — Ха-ха-ха!

Военный дядя сказал, что ничего нет смешного.

У них в чемоданчиках лекарства. И чистенькие платочки, чтобы завязать, если кровь.

Вот попадут в кого-нибудь из ружья, он упадет, а собачка сейчас к нему подбежит. А у нее всё, что надо: и лекарство и всё.

Они ученые собаки. И нечего вовсе смеяться.

Наган

Ручная граната

ЛЕС

КАК ДЯДЯ ВОЕННЫЙ ПОВЕЛ МЕНЯ В ЛЕС

Шофер говорит:

— Это сколько же нам тут стоять? Может быть, до самого вечера? Давайте в деревню поедем. Будем в деревне сидеть и ждать. Там молоко есть.

А красноармеец, у которого белое навязано на рукаве, говорит:

— Вам нельзя в деревню ехать. Вы здесь до вечера останетесь.

Тогда дядя военный сказал:

— Ну, коли так, мы в лес пойдем: грибы собирать.

Взял меня за руку и говорит маме:

— Возьмите какой-нибудь платочек, и пойдем вместе с Алешей в лес.

Я тогда сказал:

— Где лес?

Ель

А дядя показывает рукой:

— А вон, и там и тут лес. Вон сосны, елки, кусты всякие. Это и есть лес.

И потянул меня за руку.

Я сказал:

— А волки?

И не стал итти.

Дядя говорит:

— Со мной волки тебя не тронут. Я охотник. Я елку отломаю, огонь зажгу, волки и убегут. У меня спички.

Дядя вынул из кармана спички и стал трясти коробочкой. Говорит, еще у него есть коробочка. Волки огня ух как боятся! И мы с дядей пошли. Мама взяла платок и за нами побежала. А мы — прямо в лес.

Сначала деревья не очень большие были. Елки — как на Новый год зажигают, только больше. И ветки у них около самой земли. Я шел, а ветки мне лицо кололи. Дядя меня взял на закорки, за спину. И мне стало хорошо ехать, потому что там, наверху, у елок ветки маленькие.

ЧТО ЗНАЧИТ «АУ!»

Сосна

А потом стало темно, как вечером. Дядя спустил меня на землю и говорит:

— Ну, вот настоящий сосновый лес. Ишь, — говорит, — сосны какие!

А это деревья такие. Они — как бревна. У них внизу веток нет. А только на самом верху ветки. И там, наверху, прямо ветка на ветку находит, и неба не видно, как в комнате.

Дядя говорит:

— Ну, теперь ты сам иди.

А на земле скользко. Там, на земле, всё иголки от этих сосен. Только старые. Они желтые и очень скользкие.

Вдруг кто-то закричал:

— Ау! Ау!

Дядя как крикнет:

— Ау! Мы здесь.

А потом говорит мне:

— Это мама кричит, чтобы мы не потерялись.

Потом мама еще кричала «ау», и я стал тоже кричать «ау».

А мамы нигде не было. Только всё деревья кругом.

Потом мама вдруг вышла совсем близко. И мы пошли дальше. Итти мягко, как по дивану. Мама говорит:

— Куда вы нас привели? Здесь никаких грибов нет.

А дядя говорит:

— Мы дальше пойдем. Там будут.

Я все спотыкался. А мама говорит:

— Смотри под ноги. Видишь, корни?

А эти корни, как деревянные ветки, на земле лежат. Мама говорит, что они из сосны растут. По ним вода из земли в сосну идет. Из каждой сосны корни растут.

Ветка сосны

КАКИЕ МЫ ЯГОДЫ НАШЛИ

Я чуть не упал — так сильно споткнулся об корень. Дядя меня за ручку держал, и потому я не свалился.

Дядя говорит:

— Ничего, ничего, шагай. Сейчас ягоды будут.

Я сказал:

— Мама! Сейчас ягоды будут. Ты мне купи.

А дядя стал смеяться:

— Вот увидишь, как их в лесу покупают.

И вдруг стало светло, потому что деревьев стало меньше. А на земле очень маленькие кустики пошли, как игрушечные. Много-много. Дядя присел на корточки. И я тоже присел. Дядя пальцем показывает и говорит:

— Видишь, ягодка.

Я сначала не видел, а потом увидел. Она синенькая, кругленькая, как горошек.

Дядя говорит:

— А ну сорви ягодку. Здесь можно рвать. Не бойся.

Я сорвал.

Дядя говорит:

— А теперь — в рот.

И дядя смотрел, как я ел.

— Ну как? — говорит дядя.

Я говорю:

— Очень!

И говорю:

— Еще!

Ветка ели

Черника

Ветка березы

А дядя говорит:

— Ищи теперь сам.

Мама пришла и закричала:

— Ох, черники-то сколько!

Это я чернику и ел. И никто ее в лесу не продает, а она в лесу прямо растет, и можно рвать сколько хочешь. Мама тоже на корточки присела и так начала скоро есть, как будто пальчиками клюет. Я тоже захотел так есть и очень много листиков нарвал. Потом выплевывал. А дядя говорит:

— А ты не спеши.

И стал говорить, что я — как корова: с листиками вместе. А мама вдруг говорит:

— Алешка, ты не очень, а то животик разболится.

А дядя рассмеялся:

— Что вы, гражданка! Это ж наоборот. Это же напротив. Это когда животик разболится, так дают чернику. Ее даже в аптеке покупают.

Мама тоже засмеялась и говорит:

— Я забыла. Я сама покупала.

КАК МАМА ИСПУГАЛАСЬ

А потом дядя встал и говорит:

— Ну, идемте, а то мы грибов никогда не найдем.

И говорит маме:

— Вставайте, гражданка.

Береза

А мама все не хотела вставать. Мы с дядей пошли. А потом мама за нами побежала.

И у мамы губы черные. Даже синие. Я засмеялся:

— Ха-ха-ха! А у мамы губы какие!

И стал показывать на маму.

А дядя говорит:

— Ты думаешь, у тебя красные? И у тебя черные. Потому она и черника.

И мы стали зубы показывать. И у всех черные.

А потом пошли березы. Из них дрова делают. Березы совсем белые, и на них немножко черненького. А листики зеленые-зеленые. И стало очень пахнуть.

Мама говорит:

— Как хорошо пахнет!

А дядя вдруг стал и говорит:
— Это где-то горит.
Мама закричала:
— А если пожар?
А дядя сказал:
— Наверное, костер жгут.
Мама говорит:
— Я боюсь. Идемте отсюда скорей.
И мама побежала. А дядя все кричал:
— Ау! Ау! Не бегите!
А мама кричала:
— Скорей! Скорей!
Дядя взял меня на руки и побежал маму догонять.
А мама все кричала:
— Алешка! Алешка! Скорее сюда, сюда!
Я хотел, может быть, заплакать и говорил:
— Почему? Почему?
А потом мы маму догнали.

Белые грибы

Подберезовики

КАК Я ГРИБЫ ИСКАЛ

Тут уже не пахло, а было как в саду. Совсем тихо и березы. Дядя меня спустил вниз. И кругом маленькие березки.
Я сказал:
— Это детские березки?
А дядя говорит:
— Ты, Алешка, под ноги смотри. Тут грибы должны быть.
А мама села на землю и говорит:
— Ох, устала!
Я думал, что грибы маленькие и кусочками.
А дядя вдруг кричит:
— Что же ты пропускаешь! Вот и гриб.
Совсем нагнулся и сорвал. А гриб сверху шапочкой, а снизу ножка. Как кругленький столик. Он коричневый. Я думал — кожаный. А дядя говорит: подберезовик.
Мама вскочила и кричит:
— Что, что, нашли уже?
И стала искать на самой земле. И тоже нашла. А я стал и ногами и руками землю кидать, чтобы скорее найти.
А дядя закричал:

Рыжики

Маслята

Колокольчики

— Ты не ногами — глазами ищи!

Дядя уже много нашел и все говорит: подберезовик, подберезовик. И мама все кричала:

— Ах, еще! Ах, еще!

А я никак не находил. Дядя на меня не смотрел, и мама тоже не глядела. Только говорила:

— Вот бабушке привезем.

Я взял и заплакал. А дядя не очень видал, как я плачу, и мама не слыхала. Они все кричали: вот еще, вот еще. Я взял и еще громче заплакал.

Дядя говорит:

— Ты что? Накололся?

А я сказал:

— Грибы противные.

Дядя говорит:

— Что? Не даются?

Подошел ко мне, нагнулся и потом пальцем показывает:

— Вот, — говорит, — маленький стоит.

Папоротник

А я все равно не вижу. И вдруг увидал. Он маленький, как игрушечный. Я подбежал, а там еще большой стоит. Я скорее сорвал.

А дядя говорит:

— Неси маме скорее.

Я закричал:

— Вот еще! Вот еще!

Я со всех ног побежал к маме и упал. Гриб поломался, а я все равно его принес. У мамы полный платок был. А дядя в шапку собирал.

КАКОЕ БОЛОТО

Я опять стал искать и нашел очень красивый, очень красный. Совсем красный, как флаг. И на нем — как белые пуговки. Только не пуговки, а пятнышки.

Мухоморы

Я сорвал и побежал к маме и стал кричать:

— Вот какой! Вот какой!

Мама сказала:

— Фу, брось! Гадость какая! — и рукой замахала. — Брось сейчас: это мухомор, от него даже человек умереть может. Он ядовитый.

Я не хотел бросать, потом бросил. И ногой пихнул.

А потом мы дальше пошли, и я тоже грибов нашел много-много. Прямо сто грибов. А может быть, не сто. Они желтенькие, как лепешечки, а книзу ножка.

Лисички

Мама сказала, что это лисички и что мы их тоже бабушке повезем. Бабушка их всего больше любит.

Мы хотели дальше итти. А дядя сказал, что нельзя — тут болото.

Там росли маленькие березки на бугорках, а потом трава. Если на эту траву ступить, там мокро. Там грязь, очень глубокая. Дядя сказал, что можно утонуть, и даже лошадь может утонуть. И даже телега может утонуть. А мы пойдем кругом, где сухо. Мы пошли, а я совсем устал и спотыкался.

Дядя сказал:

— Ты что же это ковыляешь?

Мама достала часы и говорит:

— Уже три часа. В какую мы даль зашли! Ребенок устал.

Дядя говорит:

— Ну, посидим, отдохнем.

Желтая кувшинка

КАК МЫ С ДЯДЕЙ СПАЛИ

Мама сказала:

— А вы знаете, куда теперь итти?

А дядя сказал:

— Ничего, найдем дорогу.

Мама сказала:

— Ах! Не знаете? Вы нас завели? Мы заблудились?

Дядя сел на бугорок. Стал голову платком вытирать, а потом говорит:

— Не волнуйтесь, гражданка. Сядьте. Будем отдыхать.

Мама очень рассердилась, а потом тоже села и сказала:

— Ну да! Где теперь наш автобус? Может быть, он ушел?

И очень дядю ругала. А дядя все смеялся и говорил:

— Вы не волнуйтесь: мы с Алешкой вас к самому автобусу приведем.

Мох

И потом говорит мне:

— Правда, Алексей?

Так прямо и сказал: Алексей. И меня рукой по ноге хлопнул. Только не больно. И я тоже его хлопнул. И потом дядя говорит:

— Давай-ка поспим. Видишь, тут мягко, мох.

А это травка такая маленькая, кудрявенькая. На самой земле, как зеленые стружечки.

Дядя лег и меня к себе взял. Мама стала дядю ругать, что опоздаем.

А дядя говорит:

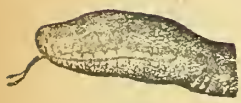
— А вы нас вскорости разбудите. Поищите грибков. Здесь маслята должны быть.

КАК МЫ ПРОСНУЛИСЬ И КАК СТРАШНО БЫЛО

Мы заснули, а потом вдруг дядя проснулся. И я тоже. И дядя меня со всей силой к себе придавил. А сам очень глядит. Прямо глаза выпучил. И глядит на мох, где солнышко. Я тоже поглядел туда, а там была змея.

Она немножко поднялась и головой на нас. А около змеи маленькие змейки, как червяки. Они ползали и очень вертелись.

А дядя совсем не шевелился и совсем меня придавил, так что больно. А потом вдруг как покатится со мной по земле! А потом вскочил со мной и побежал. Бежал, бежал... Потом стал. И все смотрел кругом и ничего не говорил. Я тоже не плакал. А потом дядя поставил меня на землю и говорит:



— Ты знаешь, кто это был?

Я говорю:

— Знаю.

А он говорит:

— Кто?

Я говорю:

— Скажите, кто?

Дядя говорит:

— Это была гадюка. Она если укусит, умереть можно. Она ядовитая.

Я спросил:

— Как тот гриб?

А дядя говорит:

— Хо-хо! Куда хуже! У нее такие два зуба. Она прокусит и из зубов в прокус яду напустит. И даже корова умереть может, если гадюка ее покусает.

Я сказал:

— Дядя, возьмите меня на ручки.

А дядя говорит:

— Она за нами не побежит. Она детей не бросит.

А потом вдруг сказал:

— А где же шапка моя? Шапка-то моя там осталась.

И ветку отломил от дерева. Это он себе палку сделал, чтобы гадюку бить. И пошел за шапкой. А потом пришел в шапке и сказал, что гадюка уползла и детей своих увела. А потом мы маму позвали и пошли. Дядя меня понесет, понесет, потом я сам немного побегу.

КТО МАЛИНУ ЕЛ

Мы пришли, где кусты. И на них ягоды, как малина. Только не малина, а меньше. Дядя сказал, что это ежевика. Только она еще кислая. А я попробовал — все равно вкусная. Дядя сказал, что тут, может быть, малина есть. Только лесная, а не такая, как на даче. А мама все говорила, что надо скорей-скорей, а то автобус уйдет. Потому что мы очень далеко зашли.

Дядя посадил меня на плечи совсем высоко. Мне очень хорошо было ехать, потому что была полянка. И мы увидали кусты.

Дядя пошел со мной прямо к кустам и говорит:

— Это малина там растет.

А я сверху вдруг увидал: там как будто человек. Он малину руками хватал. Прямо целые ветки. Дядя не видит, а мне сверху видно. И я вдруг увидал, что это не человек, а собака. И я сказал:

— Дядя, там собака малину ест.

Дядя сразу стал и сказал тихонько:

— Что ты? Что ты?

И совсем шопотом сказал:

— Где это? Где это?

Я пальцем показал, где шевелилось. Дядя стал смотреть, и мы услышали, как чавкает. Дядя меня тихонько вниз спустил и стал на пенек, чтобы глядеть. А потом вдруг присел, схватил меня как попало — и скорей назад. Я ничего не говорил, потому что дядя очень испугался. И мы увидали, что мама идет. А дядя ей стал рукой махать, чтобы назад. А мама все равно стала ждать нас.

Тут дядя ей сказал тихо:

— Не шумите. И скорей.

Ветка дуба

Мама тоже испугалась. И мы долго шли.

Мама все говорила тихонько:

— Что там? Что такое?

А дядя говорил:

— Скорей, скорей!

А когда мы далеко ушли, дядя совсем мокрый был. Он меня тащил. И мамины грибы он тоже взял. Ему тяжело было, и дядя остановился и меня спустил. И грибы на землю положил. Мама сказала громко:

— Как же вы меня напугали! Что там такое?

А дядя говорит:

— Там медведь малину ел. Загребет лапами и сосет.

Дядя стал медведя показывать, как он лапами. Я тоже стал показывать, потому что я тоже видел. Только я думал, что это собака такая. Мама говорит:

Ветка клена

— Ах, ужас! Ах, ужас!

А дядя сказал:

— И вовсе не ужас. А если бы у меня было ружье, так очень хорошо, что медведь. Я б его застрелил. У меня такие пули есть.

Я БРУСНИКУ НАШЕЛ

Мама опять стала дядю ругать. А дядя говорит:

— Вот мы теперь прямо к автобусу пойдем. Я Алешку на закорки возьму.

А я сказал, что я красненькую ягодку нашел. И спросил:

— Она не ядовитая?

Мама сказала:

— Это брусника. Брось, она неспелая. Он еще с брусникой со своей!

Брусника

Дядя взял меня на закорки, а платок с грибами на руку надел. А я бруснику все равно съел. Она кисленькая и очень вкусная.

Дядя говорит:

— А ну, где у нас солнце?

Мама говорит:

— Уже пять часов скоро.

Дядя говорит:

— А мне не для часов солнце, а чтобы узнать, куда итти. Я по солнцу знаю. Я военный человек.

И больше дядя с мамой не говорил, а только мне говорил:

— Ну, Алексей, держись крепче.

А потом я заснул.

Ветка ольхи

ДЯДЯ НЕ СКАЗАЛ, ЧТО МЫ ГАДЮКУ ВИДЕЛИ

А когда я проснулся, так вышло: я лежу на диванчике в автобусе, а голова — у мамы на коленях. И весь я маминой кофточкой накрыт. В автобусе лампочки горят электрические. И совсем ночь.

И мама говорит:

— Вот теперь у меня мальчик совсем заболел, наверное. Разве можно так? Чуть медведь не съел.

И я слышу, дядя говорит, наш военный дядя, который с нами гулять ходил:

— Это, — говорит, — очень хорошо для мальчика — в лесу гулять. И вон грибов целый пуд привезете. Бабушка их солить будет и спасибо скажет.

А я закричал:

— Почему?

Дядя засмеялся и сказал, что я здоровёхонький. А тут шофер стал в гудок гудеть, и все начали входить в автобус. Меня мама на колени взяла, потому что всем надо было садиться. Кондукторша сказала:

— Все собрались. Поехали, шофер!

Ветка орешника

И автобус наш поехал, а мама всем говорила, что вон сколько грибов собрали, а грибы на самый верх повесили. Полный платок. Черный, который на голову надевают. А потом говорила, что медведя видели. А я сказал:

— И еще змею — гадюку.

Мама говорит:

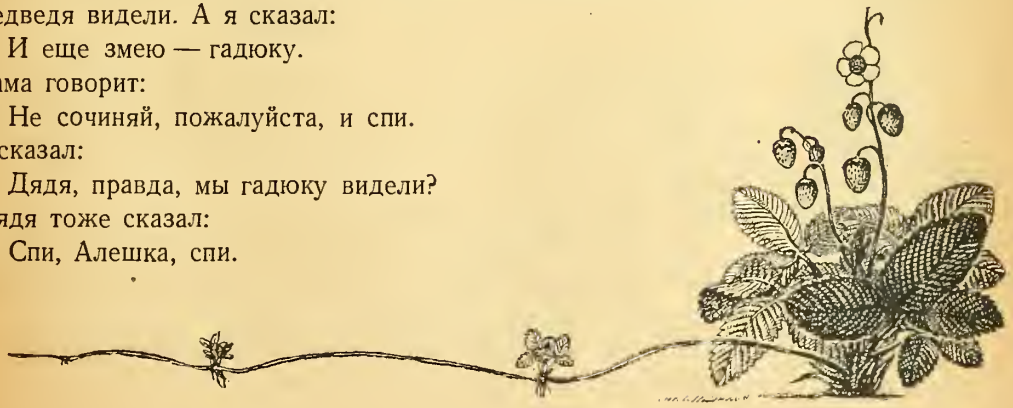
— Не сочиняй, пожалуйста, и спи.

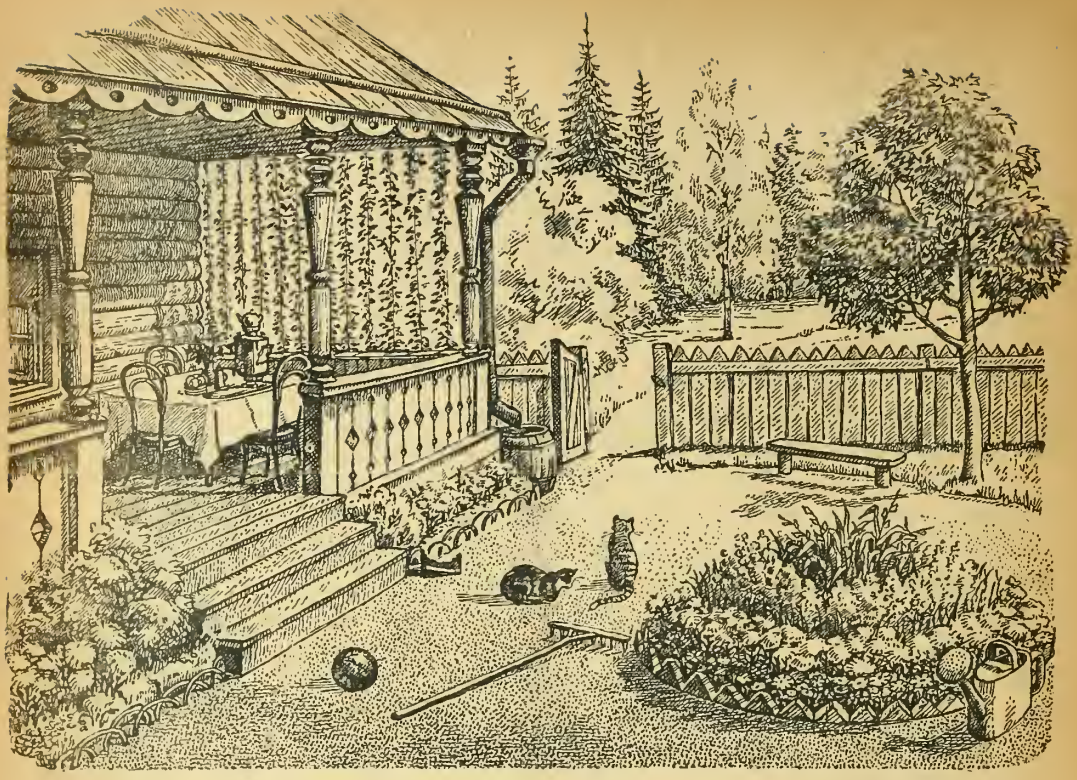
Я сказал:

— Дядя, правда, мы гадюку видели?

А дядя тоже сказал:

— Спи, Алешка, спи.





Астра

НА ДАЧЕ У БАБУШКИ

КАКАЯ БАБУШКА

Я опять заснул. И вдруг я проснулся, потому что меня мама тормошила, и уже совсем день, и в автобусе мы одни, потому что все уже вышли. И солнышко светит. А мама кричала в окошко:

— Мы сейчас! Алешка разоспался!

И я смотрю—к нам в автобус лезет старушка и смеется, а это и есть бабушка. Бабушка стала меня целовать. И все говорила:

— Ах ты, Алешенька!

И что я совсем большой, и что сейчас пойдем, и что у нее кофе есть, и что пряники тоже есть.

А мама сказала, что вот грибы. А бабушка сказала: «спасибо».

Дядя так и говорил, что бабушка спасибо скажет, когда грибы увидит.

И я закричал:

— Ага, дядя так и говорил!

А бабушка спросила:

— Какой дядя это говорил?

А мама рукой замахала и говорит:

— Ох, уж этот дядя! Мы чуть не пропали.

А я сказал, что дядя очень хороший.

И мы пришли к заборчику. А в заборчике дверка. Мы вошли в дверку, а там садик. А потом маленькие горки сделаны, и на них цветочки насажены, разные-разные.

Мама говорит бабушке:

— Ах, какие у тебя клумбы красивые!

ПРО КОШЕК И КАК Я БАБУШКЕ ГРИБЫ ПОКАЗЫВАЛ

Бабушка ведет меня за руку и говорит маме:

— Потом, потом поглядишь: Алеша есть хочет.

И повела меня в дом. А там стол. А на столе все стоит. Булки разные и кофейники. И две кошки на столе. Бабушка как крикнет:

— Брысь, брысь, негодные!

А кошки сначала посмотрели на нас, а потом тихонько сошли. И бабушка нас с мамой повела мыться и все говорила: почему мы вчера не приехали? И мама сказала, что шла Красная армия и что это маневры.

А потом мы пошли пить кофе, а кошки опять со стола убежали. А потом одна ко мне на колени вскочила и стала головой под руку меня толкать. Я кофе пролил и сказал, что это кошка. Мама хотела сердиться, а бабушка сказала, что ничего, пускай.

Я захотел, чтобы масло на пряник намазать. А мама сказала, что пряники с маслом не едят. Бабушка взяла пряник, самый большой, ножиком разрезала, и вышло два пряника.

И потом маслом намазала, сложила и говорит:

— Отчего же? Пусть ест, коли нравится.

И я весь пряник съел. А потом мы с бабушкой кошек кормили. Мы им молока наливали.

Анютины глазки

А потом мы пошли грибы разбирать. И я знал, кто какой: который лисичка, который подберезовик. Только ножки не знал, которые от какого.

А ножки все отломались. Неполоманных грибов совсем мало осталось.

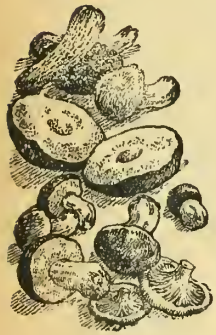
А бабушка говорила:

— Ах ты, грибовник какой! Ай и молодчина! Все грибы знает!

Потом я бабушке про Москву рассказывал, про Красную площадь, как дом горел и как пожарные водой поливали.

А бабушка всё грибы чистила и всё говорила, что мы в Киев поедем. И грибы с собой возьмем. И что это ей от меня подарок — вот сколько грибов! И что мы их в Киеве есть будем. А она мне тоже подарок сейчас даст.

КАКОЙ ПОДАРОК



Бабушка стала руки мыть, чтобы подарок доставать, а я с лавки соскочил и стал ждать.

И мы побежали к бабушке в комнату, где у нее кровать.

И бабушка из-под подушки достала бумагу.

Я думал, в ней бумажная кукла какая-нибудь.

А бабушка говорит:

— Вот, здесь большой мячик.

А он вовсе не круглый, а просто лепешкой.

И я сказал:

— Ха-ха-ха! Вовсе не мячик.

А там был хвостик резиновый. Бабушка стала в хвостик дуть, и стал надуваться мячик. И стал большой-пребольшой. Больше головы. И больше бабушкиной головы. Прямо как подушка.

А этот хвостик закрывается, и бабушка его пальчиком в мячик запихнула. И не стало видно никакого хвостика. А вышел настоящий мячик. Только большой-пребольшой.

Я закричал:

— Бабушка, дай! Ой, какой хороший!

А бабушка как стукнет мячиком в пол, так он до самого потолка прыгнул и сделал: дзум! Как барабан.

Я стал его ловить и стал кричать:

— Ай! Ай!

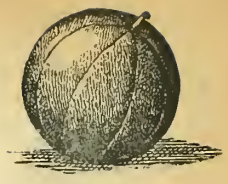
А тут мама пришла и говорит:

— Это уж бабушка, наверное. Что надо сказать?

А бабушка говорит:

— Он сказал, что надо: что мячик хороший. Вот я как рада!

И поцеловала меня. И мы с мячиком пошли в сад. И стали мячик бросать, чтобы он прыгал.



А потом кошки прибежали. Я в них мячиком кидал, а они боялись.

Бабушка пошла грибы солить. Я потом взял мячик и тоже пошел грибы солить.

Я их в баночки складывал аккуратненько, а бабушка соль сыпала.

И бабушка говорила, что после обеда мы пойдем на реку смотреть пароход. А завтра мы на пароходе по реке поедем в Киев. Долго будем ехать: день и ночь, день и ночь. Потом на поезд сядем и еще на другой пароход, на большой-пребольшой, и тоже будем ехать. Долго-долго.

А потом будет Киев. А в Киеве бабушка учит девочек вышивать разные картинки, и цветочки, и домики.

А летом в Киеве жарко, и бабушка уезжает сюда, потому что здесь не очень жарко.

Мы уедем на пароходе, а мама пока здесь останется. И кошки тоже останутся.

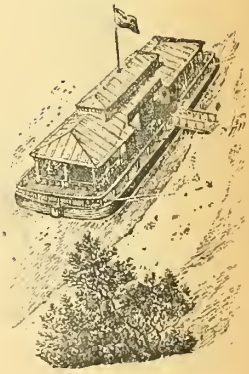
Я сказал:

— Почему?

Бабушка сказала, что они всегда здесь живут. Здесь их дом.

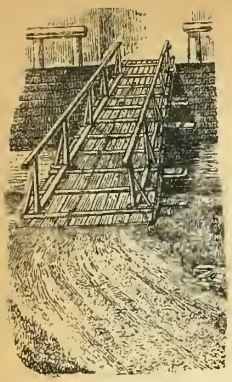
Потом мы разбудили маму и обедали. И мы с бабушкой пошли пароход смотреть, а мячик оставили дома. Бабушка его в шкап заперла. А то его кошки начнут царапать и дырку сделают.

ПРИСТАНЬ



На реке плавал домик. У самого берега. И я подумал, что это пароход, потому что из домика шла палка, а на палке — флаг. Бабушка сказала, что это пристань. Там билеты дают. А бабушке не надо: у ней уже есть.

Я сказал, что хочу на пристань. Мы пошли сначала по дорожке, а потом вниз по лестнице. А потом совсем по берегу. А потом по мостику. И пришли на пристань.



Я думал, она маленькая, а она очень большая. И сверху крыши и по бокам будочки, а посредине пусто. Просто пол, и можно ходить.

Мы с бабушкой пошли, а там пристань кончается, и загородка, чтобы никто в воду не упал. Загородку открывают, только чтобы на пароход итти.

Пароход придет, так совсем к самой загородке подплывает. Тогда загородку открывают, и все идут на пароход и на пароходе уезжают.

КАК ПАРОХОД ПРИШЕЛ

Парохода еще не было, а была просто река. За рекой опять берег. И там садики. И домики: маленькие-маленькие. Бабушка сказала, что они вовсе не маленькие, а только далеко.

— А вот, — говорит, — лодочка едет.

А на лодочке два больших мальчика сидели и лопатками воду разгребали.

Я сказал бабушке:

— Почему лопатками?

А тут все люди засмеялись, которые стояли, и стали говорить, что это не лопатки, а весла, и что мальчики ими за воду зацепляют, оттого и едут. И что они зацепляют — это называется «гребут».

Я сказал, что хочу грести, а мне сказали, что я маленький, а потом буду.

Бабушка сказала, что у ней дома есть лопатка и что она мне в садике покажет, как грести.

Потом все закричали:

— Идет! Идет!

И стали смотреть. А это шел пароход. А я смотрел через загородку и ничего не видел. Только услыхал, как он загудел. Очень тихонько, потому что далеко:

Тыввв! Ввыв! Ввыв!

Я затопал ногами и тоже стал кричать:

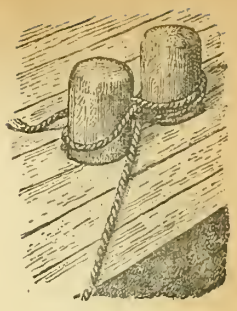
— Идет! Идет! Бабушка, пароход идет!

Бабушка меня за руку потянула. Чтоб я подальше от загородки. «А то, — говорит, — сейчас с парохода будут чалки бросать».

Я сказал:

— Почему?

Нас толкали, а я все говорил: «Почему чалки?»



Бабушка говорит — это веревки такие. Пароход будут к пристани привязывать. Чтобы его водой не унесло. Вода в реке бежит, и все по ней уплывает. И даже пароход, если не привязать.

Бабушка меня на столик ногами поставила, чтобы я был выше всех. И тогда я увидел пароход.

Он был очень белый. И с каждого бока — колесо. Они очень большие, почти как пароход вышиной. И пароход колесами по воде шлепает. И от этого волны идут. Так что лодку, где мальчики были, закачало. Я думал, лодочка утонет, а она не утонула.

А пароход колесами очень шлепал. У него на колесах лопатки приделаны. И он лопатками бьет по воде:

Шлеп-шлеп-шлеп!

И прямо на нас. Прямо на самую пристань.

Пароход большой, и на нем дом стоит. Длинный-длинный, до самого конца, а сверху дома пол, а на полу опять дом. И всё окошечки, окошечки, окошечки. А перед окошечками еще немножко пол, и там люди. А чтобы они не упали, там загородка.

И все люди на нас смотрели.

КАК Я ИСПУГАЛСЯ ГУДКА

Мачта на пароходе совсем небольшая. А флаг на ней очень большой.

А потом я трубу увидал: она совсем маленькая. Я потому увидал трубу, что вдруг дым пошел, черный-черный. Пароход совсем близко подошел и перестал колесами шлепать, а все равно шел.

Бабушка говорит:

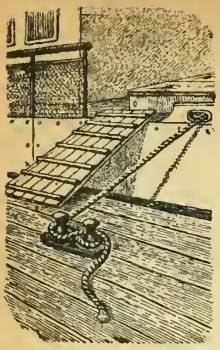
— Потому что очень разбежался.

И прямо к нашей пристани. И вдруг как стукнет боком! А бабушка меня захватила, чтобы я не упал, потому что пристань тряхнулась.

Я видел, как веревку бросили, очень толстую.

Один дядя на пристани ее схватил и потащил. Наверное, привязывать.

А потом на пристани загородку открыли.



И мостик положили на пароход, и все пошли.

А я закричал:.

— Бабушка, пойдем! Пойдем! Я хочу на пароход!

А бабушка сказала, что не пойдем, а завтра пойдем и тогда уедем на пароходе.

Я смотрел на пароход, а он вдруг как загудит! И так страшно загудел, прямо заревел. Я думал, что-нибудь сейчас будет, и заплакал. Я схватился за бабушку. А бабушка меня сняла вниз, и мы скорей пошли на берег. А пароход все гудел. И я не слыхал, что́ бабушка говорит. А она совсем в ухо мне говорила.

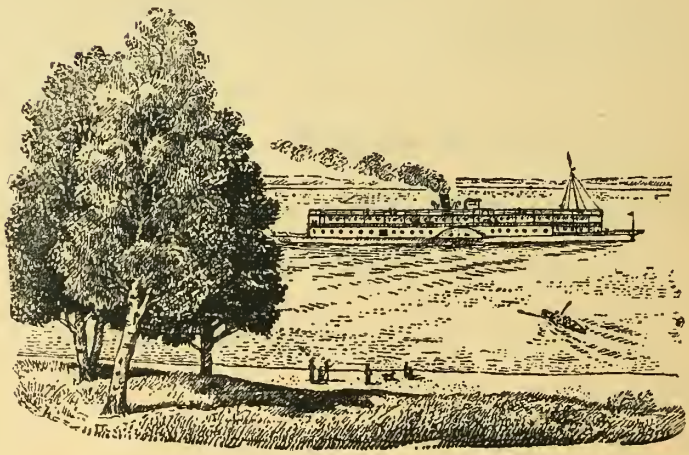
Потом пароход перестал гудеть, а мы уже совсем наверх пришли. Я уже не плакал и смотрел, как пароход пошел.

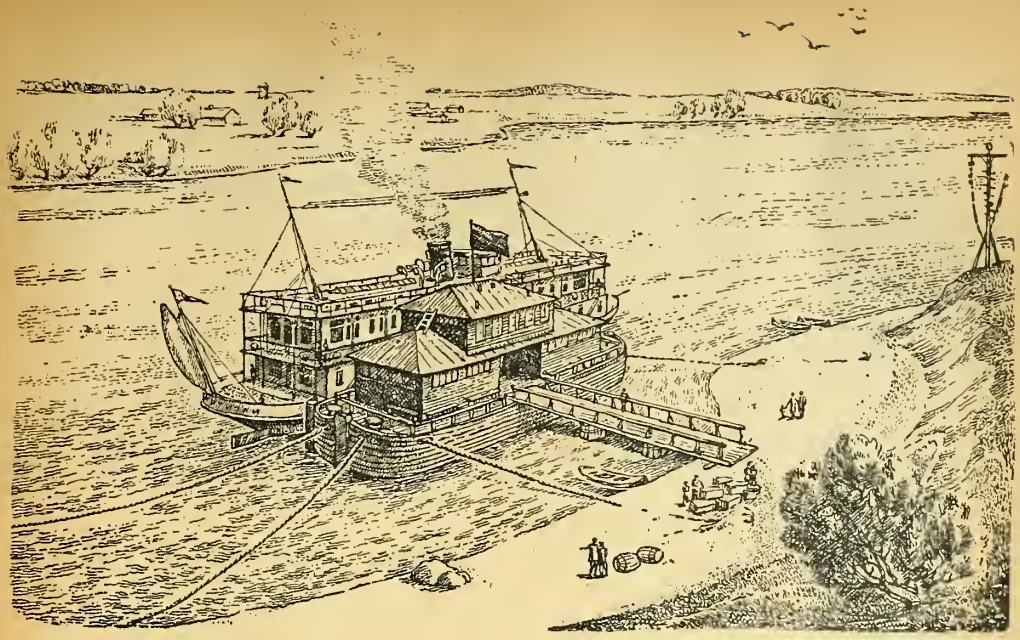
Бабушка перестала меня платком вытирать и говорит:

— Возьми платок. Помахай платком пароходику.

А он не пароходик, а вон какой большой!

И еще он два раза гудел, а потом совсем ушел.





ПАРОХОД

КАК МЫ НА ПАРОХОД ПОШЛИ, ЧТОБ ЕХАТЬ

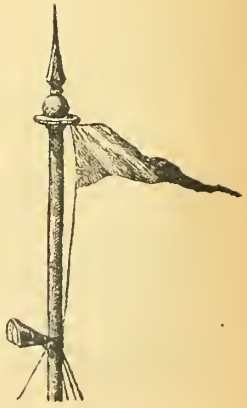
На другой день бабушка сказала, чтобы я поиграл мячиком, а то сейчас из него надо воздух выпускать. Его бабушка в чемодан положит. Воздух выпустит, и он станет как блин. А как приедем в Киев, мы его снова надуем. И я опять буду им играть.

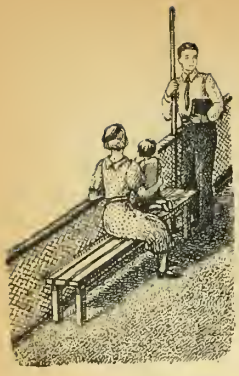
Мы все вещи уложили, и мишку бабушка переложила в свой чемодан.

Мы стали обедать. Вдруг пришел дядя с пристани и сказал, что он наши чемоданы понесет на пристань. А мы пускай обедаем, потому что успеем.

Я хотел скорее итти и сказал, что компоту не хочу. Я очень хотел, чтоб скорей на пароход.

Мама говорит:





— Чего ты ёрзаешь? Никакого парохода еще нет, а мы с бабушкой еще чай будем пить. Садись и не выдумывай.

А бабушка сказала, что она чаю совсем не хочет, встала и взяла корзинку, где у нас грибы в банках. Мама тоже встала, и мы пошли.

Мама все время говорила, чтоб я слушался бабушку и не ел слив. И потом, чтобы в воду не упал и чтоб я сказал, что не буду.

А я не сказал.

Потом пришел пароход, еще больше, чем вчера, и мы с бабушкой пошли по мостику на пароход. А на пароходе по маленькой лесенке — наверх, а там, наверху, длинная-предлинная веранда с загородкой. Только не с очень высокой. И через нее всё видно. Я посмотрел. А там внизу — пристань и мама стоит.

Бабушка говорит:

— Видишь, мама стоит? Вон, внизу, на пристани. Вот мы как с тобой высоко!

А мама снизу кричала, чтобы я не совался к воде.

А до воды вон еще сколько! Я взял и плюнул сверху.

Мама закричала:

— Ну вот, уже начинается!

МЫ ПОЕХАЛИ

Вдруг как загудит гудок! И мама больше ничего уже не стала говорить и заткнула уши пальчиками. И совсем вбок стала глядеть.

А я уже не боялся и побежал глядеть, где это гудит. Бабушка тоже со мной пошла.

Мы потом увидели, что это гудок. Он очень большой и медный. Большой такой, как самовар, и от него веревки. Капитан как потянет веревку, так из гудка пар пойдет. И гудок заревет со всей силы.

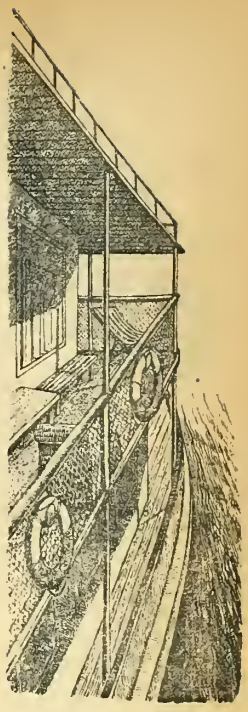
Потом я увидал, как отвязывают наши веревки от пристани. Там пеньки такие на пристани есть, чтобы к ним пароход привязывать. И мы стали отъезжать вбок от пристани.

Я смотрел на пристань, а бабушка говорила:

— Вон, видишь, мама белым платочком машет.

А там все платочками махали. И я не видел, которая мама.

НА ПАРОХОДЕ ЕСТЬ СТОЛОВАЯ



Я посмотрел назад, а сзади нас шла стенка. Только это не стенка, а всё окошки и двери: много-много. Двери открываются, и оттуда выходят дяди и тети, все без шапок, и ходят по веранде и смотрят за загородку, как вода бежит.

А потом из двери вышел дядя в белом костюме. Совсем как в Москве в гостинице. И тоже с подносом и чайниками.

Бабушка говорит:

— Хочешь, кофе пить будем?

И мы пошли в эту дверь. А там большая комната и столы стоят. И на всех столах — белые скатерти, и на каждом столе стоят цветочки. И все там сидят и едят. И пьют кофе. А по бокам всё диваны. Я скорей встал на диван на коленки. И стал смотреть в окно. Мне очень хотелось смотреть, как там на берегу. Какие там домики и садики и как на реке лодочки плавают.

Бабушка сказала, что мы сейчас в столовой. И чтобы я сел как следует, и мы будем кофе пить. А все равно слышно, как пароход колесами шлепает. И даже трясется немножко. Потому что у нас на столе стаканчики стояли, и они звякали.

Бабушка велела, чтоб нам принесли кофе и чтоб я пил и не вертелся.

Бабушка мне сказала, что мы сейчас пойдем в нашу каюту.

Я сказал:

— Почему?

Бабушка говорит:

— Потому что надо посмотреть наши вещи.

А я сказал:

— Почему каюту?

Бабушка говорит:

— Ты что за почемучка такой? Все «почему» да «почему»!

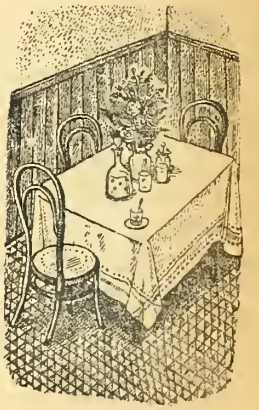
Я сказал:

— А я Почемучка.

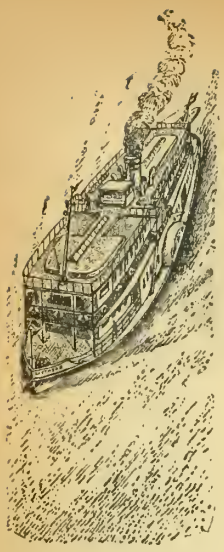
Бабушка говорит:

— А ты не будь Почемучкой. А скажи: «Какая это каюта?»

КАК БЫЛО В НАШЕЙ КАЮТЕ



Бабушка мне сказала, что каюта — это комнатка, и там кровати, и столик, и окошко. И окошко можно открыть: оно уходит вниз, и тогда прямо без стекла можно смотреть. И все видно,



и все слышно, и воздух хороший. И чтоб я скорей допивал кофе.

Я все допил и говорю:

— Вот.

И слез с дивана.

Мы с бабушкой пошли и пришли в коридор. Там окон нету, а вместо крыши сверху стекло. Только не совсем стекло: оно белое, как бумажное. Через него не видно, а свет идет.

Я сказал:

— Почему?

А бабушка говорит:

— По-настоящему скажи.

А я не захотел. Потом мы остановились. Бабушка достала из сумочки ключ. А на ключе прицеплена копеечка, только большая.

Бабушка на нее посмотрела и говорит:

— Верно. Семь. И на дверях семь.

И показала мне, как это семь. А семь — это как кочерга.

А потом ключом — трик-трак! — и открыла. И мы вошли в каюту.

Там никого не было, только наши чемоданы. И вовсе не кровати, а только одна кровать. А у другой стенки диванчик.

Бабушка сказала, что я буду на диванчике спать.

А потом еще был шкапчик. Он выше меня и совсем к стенке прилеплен. Он очень гладенький, и я стал его гладить.

КАКОЙ СМЕШНОЙ ШКАПЧИК

Бабушка подошла, взяла шкапчик за верх и поломала пополам, и стало очень смешно, потому что получилась полочка, а на полочке приделан таз, а в стенке — кран, и вышел умывальник. Бабушка пустила воду, а я стал смеяться и стал в ладоши хлопать и кричал:

— Ура!

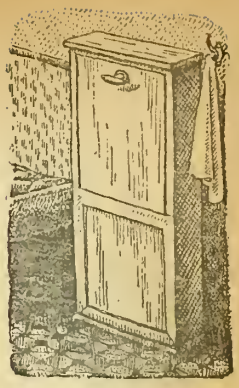
А потом бабушка закрыла кран и завернула эту полочку наверх и захлопнула. И опять вышел шкапчик, и вода никуда не пролилась. Я закричал:

— Бабушка, еще!

Бабушка опять сделала умывальник и сказала:

— Помой уж заодно руки.

И мы руки мыли с мылом. А там, за чашкой, пусто, и, когда закрывать, вода туда выливается. Бабушка сказала, что оттуда идет трубочка. Только ее не видно. И не надо бумажки бросать, а то трубочка засорится.



КАК МЕНЯ ТЕТЯ ХОТЕЛА ЗАБРАТЬ

Я увидел кнопочку около двери и сказал бабушке:

— Это чтоб чай дали, кнопка?

Бабушка сказала:

— Это чтоб уборщица пришла. А чай здесь пьют в столовой. Вот где мы сейчас были.

Я стал просить, чтоб позвонить. А бабушка говорит:

— Ну, она придет, а ты что скажешь?

Я сказал:

— Нет, ты скажешь.

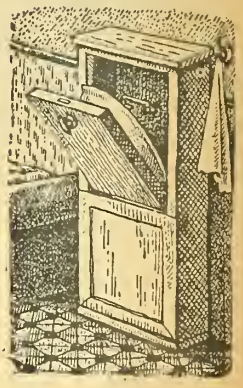
А бабушка:

— Нет уж, ты позвонишь, ты и говори.

А я стал капризничать и говорить:

— Нет — ты! Нет — ты! Нет — ты!

И стал животом по диванчику кататься.



Бабушка сказала:

— Перестань, Алеша, капризничать, я рассержусь!

А я стал говорить:

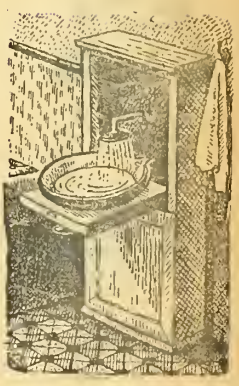
— Буду! Буду! Буду!..

Бабушка сказала:

— Ну, я на такого гадкого и глядеть не хочу.

И стала чемодан раскрывать. А я начал пальчиком к звонку тянуться.

Я долго тянулся. А бабушка все не смотрит, как я тянусь. Тогда я совсем пальчик к кнопке приложил. А бабушка все равно не глядит.



Я сказал тихонько:

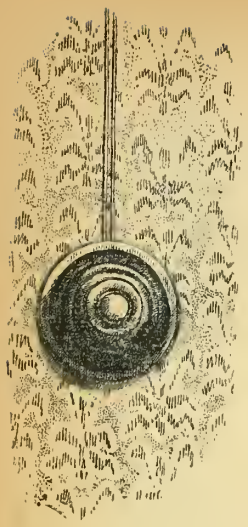
— А вот позвоню.

А бабушка опять не глядит. Какая бабушка! Я взял и нарочно придавил. И слыхал, как зазвонило. Только далеко. Бабушка все равно не посмотрела.

Я стоял около дверей и вдруг услышал, что идут.

И потом к нам в дверь постучали. Бабушка говорит:

— Войдите.



Вошла тетя в белом фартуке и говорит:

— Вы звонили?

Бабушка говорит:

— Я не звонила. Это вот кто звонил.

И посмотрела на меня. А тетя говорит:

— Что же ему нужно?

И прямо мне говорит:

— Тебе что же нужно?

Я захватился за бабушку и хотел за нее зайти, чтоб спрятаться. И сказал:

— Бабушка, скажи, что.

Бабушка мне спрятаться не дала. И сказала:

— Ты звонил, ты и говори.

И посмотрела на тетю в фартуке. Тетя ко мне ближе подошла и говорит:

— А ты знаешь, что у нас так звонить нельзя? Давай-ка я тебя к капитану отведу.

И хотела меня взять за руку, чтобы к капитану отвести. Я руки назад спрятал и закричал:

— Не хочу! Не хочу! Бабушка!

И залез под столик и стал плакать. Тетя говорит:

— Куда ты там прячешься?

И совсем под столик нагнулась. А бабушка нарочно в чемодане перебирает. И не глядит, что тетя меня забрать хочет. Тетя говорит:

— Будет еще тут всякий мальчишка в звонки звонить!

И совсем хотела меня взять. А я сказал, что не буду, и еще больше заплакал.

Тетя сказала:

— Вот спрошу капитана, что с тобой делать.

А бабушка сказала:

— Вы извините, что он у нас такой гадкий.

КАКОЙ ПЛОТ

Тетя ушла. Я не хотел из-под столика вылезать. Бабушка тоже ушла. Я вылёз из-под столика и стал глядеть в окно. Я очень боялся, что эта тетя опять придет, а бабушки нет. А под окном на веранде сидели два дяди. Один посмотрел вверх и увидел меня, что я в окно гляжу.

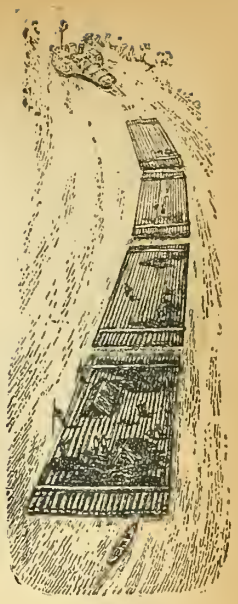
Дядя встал, посмотрел к нам в окно и говорит:

— Ты что же это в звонок звонишь?

Я опять хотел плакать, а дядя говорит:

— Ты не реви! Не реви! А звонить в звонок не надо. Вон, погляди, какой плот плывет.

Я ничего не хотел этому дяде говорить, — зачем он меня ругает? — а стал смотреть, какой это плот.



А плот — это пол из бревен, и он по воде плавает. Очень большой. И по нему дяди ходили. С длинными палками. И палками в воду пихались. А на плоту еще костер горел. И на палках котел висел. Прямо на самом огне. Мы мимо плота проезжали совсем близко.

Я совсем в окно высунулся, чтоб все видеть. И вдруг смотрю — бабушка сидит у самого нашего окошка. Там, где тот дядя, что меня ругал.

Я закричал:

— Бабушка! Бабушка! Смотри, плот какой! Там пожар!

А бабушка встала, посмотрела на плот и говорит:

— А там земли накидали, на плоту. Дрова на земле горят, и пожара не будет. А в котле люди кашу варят.

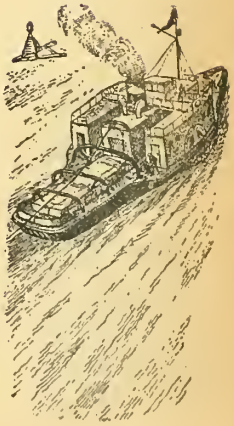
А потом бабушка пришла к нам в каюту и говорит:

— Пойдем посмотрим, как пароходик плот тянет.

Я побежал на веранду и стал смотреть через загородку и увидел пароходик.

Пароходик за веревки тащил плот, и пароходик тоже колесами шлепал, как наш. Только он маленький и черный, а наш белый.

КАК МЫ ПОШЛИ НА САМЫЙ ВЕРХ



Мы пошли с бабушкой по веранде, а бабушка говорит, что это не веранда, а палуба. Веранды только на даче бывают. И что есть еще палуба выше нашей. И мы сейчас туда пойдем.

Мы прошли в самый перед, и там шла лесенка на самый верх. На наш домик, где наша каюта, на крышу.

А крыша наверху вовсе не крыша, а ровная, как пол. И тоже кругом загородка, чтобы не упасть. И стоят скамеечки, а по этому полу идет будто маленький домик, длинный-длинный. И на нем стоит настоящая крыша горбом. И она стеклянная. Я хотел посмотреть, а стекло белое, и ничего не видно.

Бабушка сказала, что внизу коридор и через это стекло свет идет прямо вниз.

Мы с бабушкой пошли дальше и вдруг увидели одно стеклышко, не белое, а как в окне. Я стал в него смотреть близко-близко. И ничего не видал, потому что темно. А потом увидал. Там, внизу, эта тетя ходила, в белом фартуке, которая меня хотела забрать.

Бабушка спросила:

— Ну, что ты там видишь?

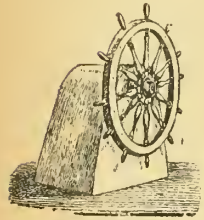
А я сказал:

— Ничего.

Тетя, наверное, меня искала. А мы с бабушкой здесь.

КАК ПАРОХОДОМ ПРАВЯТ

Мы увидали с бабушкой, что там, дальше, на пароходе будочка стоит. В ней окошко большое. А в будочке два дяди стоят. Они вперед глядят. А между ними колесо. И они это колесо крутят.



Бабушка сказала, что это матросы. И они пароход поворачивают этим колесом, куда ему надо итти.

И еще дядя стоял около будочки. Весь в белом, и фуражка у него белая, а пуговки блестят.

Бабушка говорит:

— А вот это капитан!

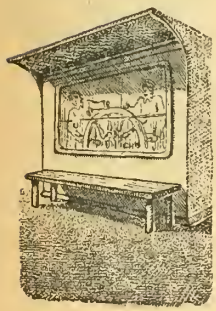
Я сказал, что не хочу капитана и чтобы отсюда уходить.

Бабушка сказала:

— Хорошо. Пойдем посмотрим, где колеса.

А я сказал:

— Пойдем скорее.



И потянул бабушку, где лесенка, потому что не хотел капитана.

Мы пошли по лесенке вниз и мимо нашей каюты, где наше окно открыто. И потом дальше пошли. Всё по нашей палубе. И мы пришли туда, где колеса.

Они очень хлопали. А нам их не видно было. Они стенкой отгорожены. А то, бабушка говорит, они так сильно по воде бьют, что весь пароход забрызгают. А из-за стенки они не могут нас водой достать. И еще сверху они тоже закрыты. Чтобы ни

на кого не брызгали. Они так шлепают, что прямо ничего не слышно. Бабушка мне кричит, а мне ничего не слышно. А бабушка кричала, что в пароходе есть машина и что она колеса крутит.

КАК Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С МАТРОСОМ ГРИШЕЙ

Потом мы с бабушкой пошли дальше, а там на загородке висят с той стороны еще колеса. Они как баранки, только большие. С меня ростом.

Я бабушку спросил:

— Почему?

А бабушка говорит:

— Скажи как следует.

И я спросил, какие это колеса.

Бабушка сказала, что это не колеса, а круги. Их бросают в воду, и они плавают. Они из пробки.

— Вот, если упадешь в воду, тебе сейчас и бросят такой круг. Ты за него схватишься и не потонешь, а спасешься. Это спасательный круг.

А я сказал, что падать все равно не буду. А бабушка сказала, что это все говорят «не буду», а потом бывает, что падают. Мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь упал. И чтоб ему круг бросить. Я хотел попробовать, крепко ли круг висит. А он висит на загородке, на той стороне. Он совсем над водой висит. Надо через загородку лезть. А большой дядя — так ему легко: он через загородку нагнется и схватит круг. А потом бросит, куда хочет.

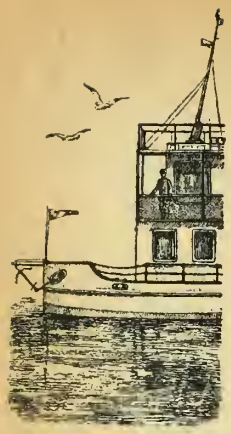
Я стал бабушку просить, чтобы она круг достала. Бабушка не хотела. Я стал немножко плакать. Бабушка все говорила, что нельзя всем хватать круги. А тут как раз шел один дядя. Он был матрос. И матрос говорит:

— Это, — говорит, — что? Круг показать? Я, — говорит, — могу этому мальчику круг показать. Как, — говорит, — тебя зовут, мальчик?

Я сказал, что Алеша, а что Почемучка, я не сказал.

А матрос сказал:

— А меня Гришей зовут. Вот, гляди, Алеша. — И достал с той стороны круг. И поставил его на палубу, как колесо. А я держал, чтоб круг не упал набок. Очень легко было держать, и я мог.



Нос парохода

Он белый, и на нем буквы написаны красные.

Матрос говорит:

— Читать умеешь?

А я показал букву и сказал, что это «пы».

А дядя матрос сказал:

— Ну, значит, ты молодец. Тут написано: «Партизан». Это наш пароход называется «Партизан». И на каждом круге написано: «Партизан».

Я сказал, что когда упаду, так буду на этом круге плавать. Дядя матрос говорит:

— А мы на лодке подъедем и тебя вытащим. И опять на пароход посадим.

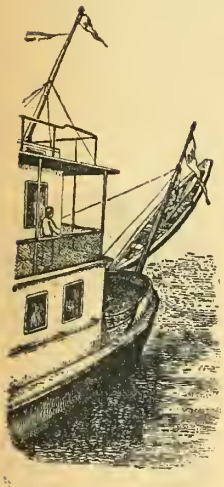
ГРИША МНЕ ЛОДКУ ПОКАЗАЛ

Я спросил, откуда они лодку возьмут. Гриша сказал, что у них лодка с собой есть. И говорит:

— Пойдем, покажу.

Мы с бабушкой пошли, и Гриша нас привел, где пароход кончается. Бабушка сказала, что мы это на корму пришли, на самый зад парохода. И тут я увидел палку. Она очень толстая, торчит прямо вверх и немножко назад. И на палке висит лодка. Одним концом за низ, а другим за верх. И очень привязана, так что не упадет.

И Гриша сказал, что они захотят, так сейчас лодку отвяжут и на веревках спустят. А потом туда вскочат, начнут веслами грести и поедут, куда хотят. А весла там, в лодке, лежат. И я их видел.



Корма парохода

Потом Гриша сказал, что он теперь пойдет.

А бабушка сказала:

— Спасибо, Гриша.

А он сказал:

— Пожалуйста!

И за шапку немножко подержался.

КАК Я С ВИТЕЙ ДРАЛСЯ

А на корме тоже есть лесенка наверх. И тоже можно туда пойти. И там тоже есть палуба.

Мы с бабушкой туда пошли, а там был мальчик. Больше меня. Он сказал, что он Витя и что ему шесть лет уже. И будет

потом еще больше. Я сказал, что мне тоже будет больше. А он сказал, что ему все равно будет больше.

Потом я сказал, что у меня мишка есть. Только в чемодане. А Витя сказал, что у него ружье есть. И тоже в чемодане. А я сказал, что еще мячик, и показал, какой большой, и что он в чемодане. А Витя сказал, что враки и в чемодан такой мячик не залезет. А я сказал:

— Вот и залезет!

А он сказал:

— А ну покажи.

А я сказал, пусть он ружье. Что хочу, ружье. А он опять сказал, что мячик — враки. Я взял и в него плюнул. Только не попал. А он попал. Витина мама вдруг подбежала, и бабушка тоже. Витина мама сказала:

— Петухи какие!

А бабушка закричала:

— Ты это, брат, что же? — И сказала, как папа: — Гадость какая!

И тоже ногой топнула. Только не со всей силы. Взяла меня за руку и очень скоро увела — я по лестнице чуть не упал. И она сказала, чтоб я никогда не смел плеваться.

И мы пошли к себе в каюту, и бабушка курточку мокрым вытирала.

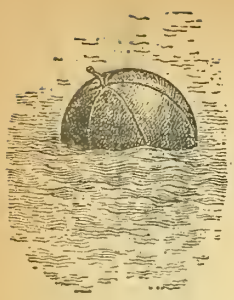
А потом лампочки зажгли в каюте. И мы с бабушкой пошли смотреть, как огни горят на берегу, в домиках. И как на плотах костры жгут.

Потом вдруг зазвонил звонок, тоненький-тоненький. И дядя в белом прошел по палубе очень быстро. И у него в руке звоночек, и он все звонил.

Бабушка сказала, что это он зовет ужинать и что надо итти руки мыть. Я очень хотел руки мыть, потому что из шкапчика делается умывальник.

Потом мы ужинали в столовой, и я ел яичницу, а бабушка — сосиски. И в столовой все ели. И ходила кошка. И бабушка ей целых полсосиски дала.

Потом мы пошли к себе. И я сам нашел, где стоит «семь». Потому что оно на кочергу похоже. А в каюте бабушка мне на диванчике постелила и загородила чемоданами, чтобы я не упал. У меня стало как домик, и бабушка свет погасила и сказала, чтоб я спал.



КАК ВИТЯ МЯЧИК ВЫБРОСИЛ

А на другой день я ходил смотреть, как лодка висит на корме. А потом взял мишку из чемодана и пошел с ним играть. Мы с бабушкой опять ходили на корму наверх. Там опять был Витя, и бабушка разговаривала с Витиной мамой. А у Вити никакого ружья не было. Я хотел, чтобы мячик принести. И стал бабушку просить, чтоб дала из чемодана. Он в самом-самом низу, подо всем. Бабушка ушла за мячиком, потому что Витина мама тоже хотела такой мячик посмотреть. Она таких мячиков никогда не видала, которые могут лепешкой делаться.

Бабушка принесла и надула мячик, а я хлопал в ладоши и кричал:

— Ага! Ага! Ага! Вот и не враки! Вот и правда!

А Витя рукой трогал. И хотел взять, а я не давал. Бабушка сказала, что здесь нельзя играть мячиком, потому что мячик ускочит. Я стал просить, чтоб поиграть. Бабушка говорит:

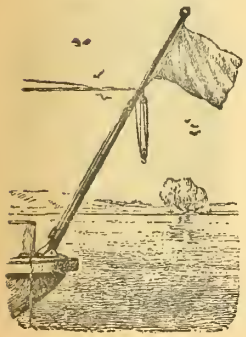
— Ну, хорошо. Немножечко поиграйте. Только я воздух выпущу, чтоб не очень прыгал.

Бабушка так выпустила, что он совсем не прыгал. И мы немножко с Витей играли.

Потом бабушка сказала Витиной маме, что она ей покажет, как хорошо надо вязать, и пошла принести вязанье. Бабушка всех учит, как надо вязать. А Витина мама сидела и тоже вязала.

Витька стал мне мячик не давать и нарочно стал его пихать ногой. А Витина мама не глядела. Она всё вязала. А Витька так ногой его ударил, что мячик полетел за загородку. А я закричал со всей силы:

— Ай, упал! Упал!



И Витька закричал тоже со всей силы:

— В воду упал! В воду упал!

Витина мама очень испугалась, вскочила и как закричит:

— Ой! Спасите! Спасите!

Потому что она думала, что это Витя упал. А это вовсе не Витя, а мячик. А Витя только кричал. И внизу все люди стали кричать и бросать спасательные круги.

И один дядя все кричал:

— Вон голова! Вон голова!

А это не голова, а мячик. Витина мама стала кричать:

— Это мячик! Это мячик!

А пароход все равно остановился. И Гриша побежал туда, где палка. И еще один дядя матрос. И еще один, главный, в белом костюме.

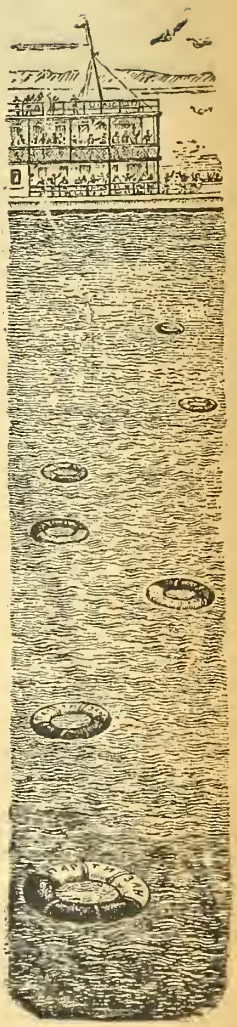
И они отвязали лодку и спустили вниз, в реку. И потом стали грести и поехали прямо к мячику.

А к мячику еще две какие-то лодки ехали. Чужие. Только наши все равно раньше приехали и мячик достали. А дядя в белом встал в лодке и мячиком махал. И я боялся, что он его разорвет, — так он махал. А потом они ездили и доставали из реки спасательные круги.

Бабушка ко мне прибежала, и я думал, что она плачет. А это она так испугалась. Она думала, что я упал. А это мячик. Потому что Витька его так ногой бил. Бабушка сказала Витиной маме, что надо пойти и сказать капитану. А Витина мама забоялась и совсем ушла. И Витьку взяла.

А бабушка увела меня в каюту и сказала:

— Сиди.



КАПИТАН КО МНЕ ПРИШЕЛ

Бабушка пошла к капитану. А я боялся, что капитан мячик не отдаст. А это вовсе не я, а Витька. Потом наш пароход пошел. Я все сидел и в окно не глядел. И мне жалко было бабушку, что она пошла к капитану. Он ее совсем заругает. А потом вдруг бабушка пришла, и у ней мячик. Очень мокрый.

И капитан тоже пришел. Я испугался и стал скорей плакать. А капитан говорит:

— Это ты Алешка? Ты что же это такое наделал, что пароход остановили?

Я сказал, что это не я, а Витька, и что Витька с его мамой потом убежали и теперь, небось, где-нибудь сидят. А ко мне вот капитан пришел. И вот меня ругает. А я ничего не сделал. Капитан говорит:

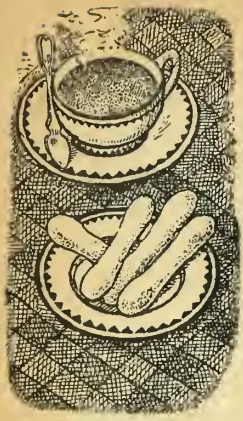
— А в звоночек кто звонил?

А я ничего не стал говорить.

Капитан сказал:

— В звоночек-то ведь звонил? Вот в этот звоночек?

И он стал пальцем показывать. Показывал, показывал, да вдруг и позвонил.



А я сказал:

— Вот теперь вы будете говорить, что надо.

Капитан сказал:

— Вот и скажу, чтоб этого мальчика ко мне наверх унесли, где колесо крутят.

И пришла эта тетя, в белом переднике. А капитан сказал:

— Принесите этому мальчику чашку шоколада из буфета. Это не он мячик бросил. У него у самого чуть мячик не пропал.

И сказал:

— До свиданья.

А бабушка сказала:

— Извините.

Потом бабушка рассказывала, что капитан очень испугался, потому что думал, что человек упал. И что все очень кричали. А потом он увидел, что это мячик, а вовсе не человек. Он в бинокль посмотрел. В бинокль все видно, даже если очень далеко. Капитан лодку послал, чтобы круги все собрали и привезли на пароход. А то их прямо сто штук выкинули. А может быть, и не сто.

Потом тетя мне шоколад принесла и прянички. Бабушка сказала, что они бисквиты. Они совсем как пустые и очень вкусные.

А мячик высох, и бабушка его сложила в чемодан. И сказала, что до самого Киева не будет давать. А в Киеве я буду им играть.

Якорь-кошка

ЯКОРЬ

Я капитана теперь не стал бояться. Потому что он знает, что мячик не я закинул в воду, а Витька. А в звоночек так он тоже, небось, позвонил.

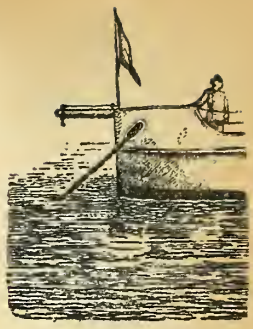
И я пошел с бабушкой наверх, где видно, как матросы колесо крутят. И видно, как капитан стоит. Или еще какой другой главный, который матросам говорит, что́ им делать.

Я никого не боялся. Потому что все равно никого главнее капитана нет.

Бабушка сказала, что мы теперь на самом переде парохода и самый перед называется нос.

Там вперед торчала палка. Очень толстая. А на палке висел, бабушка сказала, якорь. Он очень большой и железный.

И он сделан из больших крючков. Сначала идет палка железная, а книзу из нее выходят крючки. И от якоря к пароходу идет цепь.



Я спросил бабушку:

— Почему якорь?

Бабушка говорит:

— Не почему якорь, а для чего якорь.

И что он для того, чтобы пароход мог стоять, где хочет. Захочет — у берега, а как захочет — прямо на середине реки. Возьмет и станет, ему все равно, что нет пристани. Матросы возьмут да пустят якорь в реку. А он на самое дно потонет. И за дно своими крючками как вцепится! Так и будет держаться. Прямо как когтями.

А пароход к якорю цепочкой привязан. Сколько захочет, столько и будет стоять.

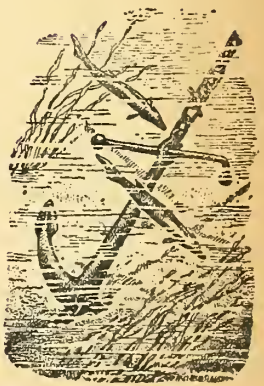
Потом приходил матрос Гриша, мой знакомый, и говорил, как они мячик доставали. Он думал, что я нарочно кинул. А я ему сказал, что это Витька ногой. Гриша сказал, что Витьке надо уши надрать. Я просил Гришу, чтоб посмотреть якорь. Гриша сказал бабушке:

— Можно, мы с гражданином пойдем якорь смотреть?

Бабушка сказала, что можно и что она тоже хочет якорь смотреть. Мы на самый-самый нос пошли. И видали, какие у якоря крючки. Они толстые, как у меня рука. Нет, еще даже толще, — как нога. А на другом конце у якоря кольцо. И потом цепь идет. В пароход. Я спросил Гришу, когда якорь будут бросать: скоро или нет?

Гриша сказал, что сегодня не будут, а завтра, наверное, будут. Только ночью. Я тогда спать буду.

КАКАЯ КУХНЯ НА ПАРОХОДЕ



Бабушка сказала, что это ничего, что я спать буду. Зато мы сейчас пойдем кухню смотреть. Гриша бабушке сказал, где надо кухню смотреть. И сказал, что у них три кухни. И там все время жарят.

Мы с бабушкой пошли по лестнице вниз, там тоже была палуба. Только загородка кругом не из решетки, а как забор. И там было много людей. У них были узлы и всякие мешки, и они на них сидели и курили папиросы. И все говорили очень

громко. Бабушка сказала, что им недалеко ехать и они скоро будут выходить, а потом другие будут приходить. И тоже ехать.

Там была одна каюта. У нее двери не было, а просто загорожено досочкой. А там чай дают. И баранки. И яблоки. И еще рыбу.

Я стал бабушку просить, чтобы она мне купила такую рыбу. А бабушка сказала, что эта рыба очень соленая и я ее есть не буду. Бабушка только купила мне два яблока.

Потом была еще дверь, и там был дядя, очень толстый. Весь в белом, и на голове у него — белая шапка, как пузырь. В этой каюте плита, только не как у нас дома, а вся железная. На ней кастрюли стоят, большие, как ведра. И еще сковородки. Бабушка сказала, что это кухня и дядя — повар. Он варит обед, и ему очень жарко. Оттого он такой красный.

Дядя повар увидал меня, что я гляжу, подошел к самой двери и говорит:

— Ты что на обед хочешь? Пирожное, наверное, на обед хочешь?

А я сказал:

— Не хочу пирожного.

А повар сказал, что я молодец. И чтобы я ел на обед рыбу с картошкой. И что он очень вкусную сделает: лучше даже пирожного.

Бабушка сказала, что мы непременно попросим рыбу.

Повар вдруг испугался и побежал к плите. Он закричал:

— Ой! Ой! Котлеты горят!

Я стал смотреть, как горят. Бабушка мне сказала, что это значит очень зажарились, а никакого огня не будет. Я думал, что как пожар. Потом мы с бабушкой над этим всё смеялись: котлеты горят!

ПРИСТАНЬ

Вдруг пароход загудел. Все люди встали и начали мешки подымать. Колеса перестали шлепать, и пароход стукнулся так, что я чуть не упал и бабушка тоже. А одна тетя совсем упала и корзинку уронила и сама засмеялась. Это потому, что пароход в пристань стукнулся. Мы к пристани пришли. И все стали выходить.

Матрос Гриша кричал:

— Успеете! Успеете!

А они все равно толкались.

Один маленький мальчик заплакал: его затолкали. Гриша как схватит его и сразу наверх поднял. Потом его маме отдал. А мама не берет. Бабушка говорила, зачем мама его на руки не взяла. А эта мама ей сказала, что у ней две корзинки и она не может взять мальчика.

Гриша сказал:

— Давайте корзинки. А мальчика берите на руки.

Гриша понес корзинки, а тетя — мальчика. Мальчик не стал больше плакать.

Потом Гриша увидал меня и говорит:

— А ты, Алешка, дальше едешь?

Бабушка сказала, что нам еще далеко-далеко.

И мы потом долго ехали на пароходе, и был через реку мост. Он шел сверху. А мы проехали внизу, как будто в ворота. Потому что мост был очень высоко. По этому мосту поезд шел. Я видел, как паровоз пар пускал и свистел. Только пароход громче свистит.

КАК МИШКУ КУПАЛИ

Я хотел бросить мишку в воду и чтобы его потом спасали, как мячик. Бабушка сказала, что его спасать не будут, а что он сначала поплавает, а потом намокнет и утонет. А я все-таки просил.

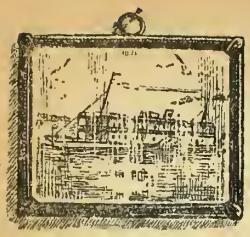
Бабушка достала много веревочек и их связала, и сделалась очень длинная веревочка. Потом мы мишку привязали очень-очень крепко. И стали через загородку спускать его в воду.

Все люди смотрели, что́ мы делаем. А бабушка говорила, что мы мишку купаем. Мишка совсем не тонул. А только по воде кувыркался и прыгал. Пароход его очень скоро тянул. Потом мы его вытащили. Он был мокрый, только не очень. И все смеялись, что мишка купался. И говорили, что теперь меня надо привязать на веревку и тоже пустить в воду.

А я не боялся, потому что они шутят.

КАК МЫ К КАПИТАНУ ХОДИЛИ

Ночью бабушка меня разбудила и одела. Сказала, что сейчас пароход придет к пристани и мы выйдем и поедем по железной дороге и опять сядем на другой пароход. На том пароходе мы



приедем в Киев. А сейчас надо итти прощаться с капитаном и с Гришей. Мы пошли к капитану в каюту. Бабушка постучала и сказала:

— Товарищ капитан!

А он оттуда ответил:

— Кто там? Войдите.

И открыл дверь.

У капитана целая комната. На стене — карточки, и на одной карточке был пароход. А на другой, кругленькой, были мальчик и девочка.

Капитан сказал, что это его дети. И что мальчик с ним ездил, только прошлый раз. Я мог бы с ним играть. Потому что ему пять лет. Потом капитан подарил мне карточку с нашим пароходом и спросил меня, как пароход называется.

Я сказал:

— Знаю, «Партизан».

Капитан говорит:

— Ну, значит, ты молодчина.

А бабушка сказала:

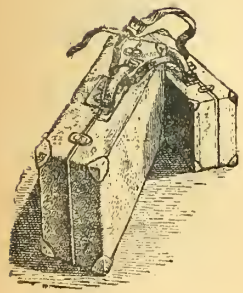
— Прощайте, мы сейчас выходим.

А я рассказал, что мы купали мишку, и сказал, что я тоже буду капитаном. И мы с бабушкой пошли искать Гришу. Мы с ним стали прощаться. А он говорил, что не надо. Что он нам непременно вещи вынесет и меня посадит на автомобиль, чтоб ехать на железную дорогу.

Мне очень не хотелось уходить. Я хотел плакать. Бабушка сказала, чтоб я не плакал и даже чтоб не начинал и что Гриша будет смеяться и скажет: рёва. А если рёва, то все равно капитаном не буду. А чтоб лучше я спел чего-нибудь. Я ничего не стал петь.

А тут пароход зашатало.

Значит, мы приехали и толкнулись в пристань.



Бабушка ушла.

А потом пришел Гриша, завязал поясом чемоданы да прямо через плечо повесил. Гриша меня за руку взял. Он очень сильно взял.

А я не сказал, что больно.

Я спросил:

— А бабушка на автомобиле?

Гриша сказал:

— На извозчике.

И как пошел, прямо со всей силы. И прямо на пристань и потом прямо по мостику, и там бабушка. Она на извозчике сидела. Бабушка меня посадила рядом. А потом Гриша вещи наши поставил и потом еще сказал:

— Ну, прощайте!

И стал с бабушкой прощаться.

А бабушка закричала:

— Ой, милый, руку поломал!

А Гриша не поломал. Он очень крепко взял, оттого что он очень сильный.

Гриша сказал:

— Ах, извините, бабушка.

А потом Гриша взял меня и поцеловал и опять меня посадил и говорит:

— Ну, прощай, Алешка! Смотри, будь капитаном.

И шапкой нам Гриша махал.

А мы на извозчике поехали на вокзал.

ДНЕПР

Потом мы ехали по железной дороге и опять на другом пароходе, по реке.

Бабушка сказала, что это очень большая река. Называется Днепр. И что около самой реки будет большой город. Это и будет Киев. Там очень хорошо. И там живет бабушка.

В Киеве, бабушка сказала, есть такие комнаты, и там можно всякую игрушку взять и поиграть. А когда не захочется, отдать назад, и тебе другую игрушку дадут. И так можно много-много раз. Сколько хочешь.

И еще в Киеве есть такой дом, куда все дети приходят, и там очень интересно.

И мы с бабушкой туда пойдем, и, может быть, мне там дадут ружье. И я буду ходить и петь.

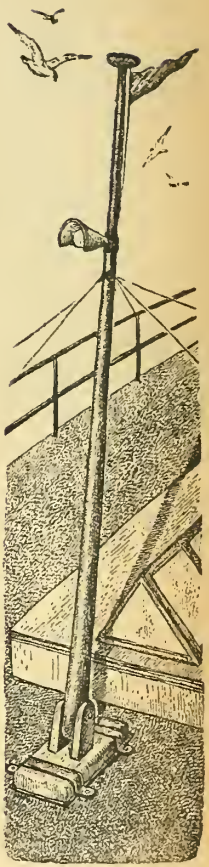
Большие мальчики там делают самолетики, которые сами летают. И что я потом буду делать тоже самолетики.

Мне очень захотелось, чтобы скорее был Киев.

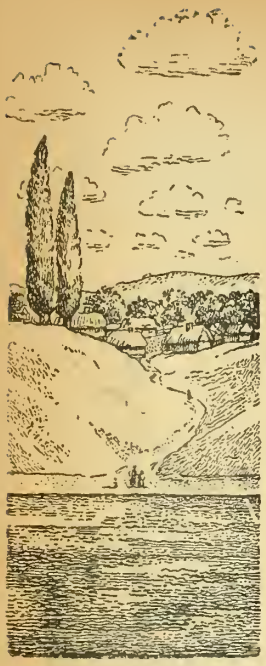
И я все глядел вперед и кричал:

— Бабушка, вон Киев!

А бабушка все говорила, что это не Киев, а деревня. И что



Мачта парохода



там в садах растут вишни и яблоки и еще груши и сливы. И мы потом будем из слив варить варенье.

Вдруг один дядя закричал:

— Смотрите, смотрите: невод!

И все стали смотреть на берег. Мы с бабушкой тоже стали смотреть.

Все кричали:

— Невод! Невод!

А там на реке была большая лодка, красная, и я думал, что эта лодка — невод, и сказал:

— Какой красный невод!

И все стали смеяться.

Бабушка мне сказала, что невод — это не лодка, а сетка. Она большая. Ее кидают в реку, а потом тянут к берегу и сгребают рыбу.

Я хотел посмотреть, как сгребают, но мы уже проехали. Я только видел, что там, на берегу, много людей.

Бабушка сказала, что это ничего, что мы проехали: в Киеве есть невод еще лучше, и мы с бабушкой пойдем смотреть, и я увижу, какие рыбы всякие бывают в реке. И есть рыба щука.

Она может так укусить, что даже может палец откусить. И она маленьких уток, совсем маленьких, которые еще утята, тоже хватает. И съедает. И всяких рыб тоже глотает. Только раков не может глотать. И мы пойдем смотреть на невод, и мне покажут щуку.

Потом мы с бабушкой обедали, и я ел куриную ножку.

Один дядя посмотрел в окно и сказал очень громко:

— Ого-го-го-го! Уже Киев видно!

А я не хотел есть, а хотел, чтоб посмотреть Киев. Бабушка сказала, что еще далеко. А я все равно не стал есть.

Бабушка вытерла мне руки, и я побежал на палубу смотреть.

Я хотел смотреть, а смотреть не мог. Все хотели смотреть — стали и загородили.

А один матрос увидал, что я хочу смотреть, и сказал:

— А ну давай пойдем.

И мы как пошли, и прямо на лестницу к капитану. Только не к капитану, а где ведра стояли.

Там ведра деревянные стояли. Матрос сказал — они чтоб помогать пожар заливать.

Он сказал мне:

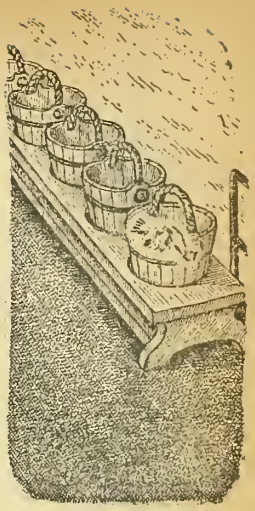
— Держись за ведра.

А у них ручки из веревки. Они толстые. Они прямо как железные. Я за эту веревку стал держаться.

А матрос говорит:

— Гляди, вон Киев!

А там всё деревья и немного домов. А потом стало много домов видно. И пароходов всяких много. И лодок очень много. Наш пароход как загудел в гудок, так ведро стало прыгать.



А потом я услышал, что бабушка кричит:

— Алеша! Алеша! Куда ты делся?

А я не делся, я наверху. Я сначала не кричал, а потом крикнул:

— А я тут!

Бабушка все смотрела, где я. А я наверху.

Я еще закричал:

— А я тут! А я тут!

И все стали смотреть на меня и смеяться. Бабушка тоже посмотрела.

Бабушка закричала:

— Ну, держись крепче!

Это потому, что загородки не было.

А у меня зато ведра были. Они в ряд стояли. Там длинная-длинная скамеечка. И в ней дырки большие. А в эти дырки ведра поставлены. Они ни за что не упадут.

Бабушка ко мне пришла и стала рукой ведро толкать. Думала, оно упадет. А оно не упало.

Бабушка сказала, что она боялась, что я упаду.

А я сказал:

— Ха-ха-ха! Это дядя матрос меня сюда привел, чтоб я Киев посмотрел.

Я очень хотел увидать бабушкин дом, где мы будем жить.

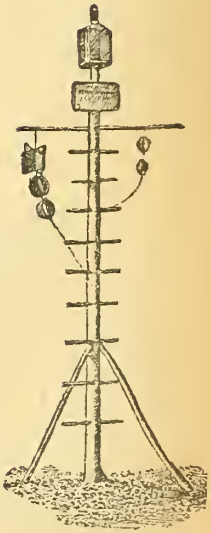
А бабушка сказала, что его все равно не видно и чтоб итти мишку прятать и вещи все, и мы пошли в каюту.

А потом пришел этот матрос и сказал, чтоб мы его ждали. Потому что он придет и наши вещи выпесет. А что сейчас пристань будет и ему надо итти помогать пароход привязывать.

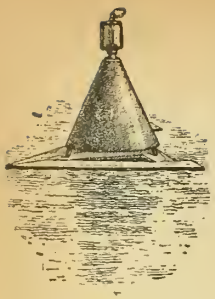
Потом пароход толкнуло.

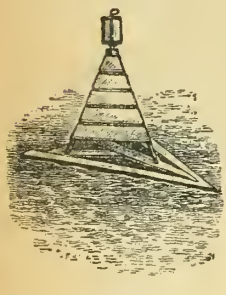
Бабушка сказала:

— Ну, приехали.



Сигнальная мачта





Бакены

И все стали топать, все стали выходить, а мы не стали.

Бабушка сказала:

— Не вертись, успеем. Придет матрос и возьмет вещи.

А никто не приходил. И матрос не приходил.

Бабушка пошла посмотреть: может быть, он не может притти, и велела, чтоб я сидел в каюте. Вдруг матрос пришел.

Он очень скоро схватил наши вещи и все говорил:

— Пошли, Алешка, пошли. Я извозчика нашел.

Мы опять на извозчике поехали.

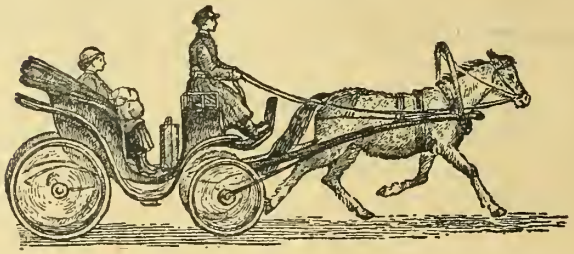
Мы тихо поехали, потому что вверх. А потом опять скоро, и там улицы и трамваи, только не как в Москве. В Москве они побольше.

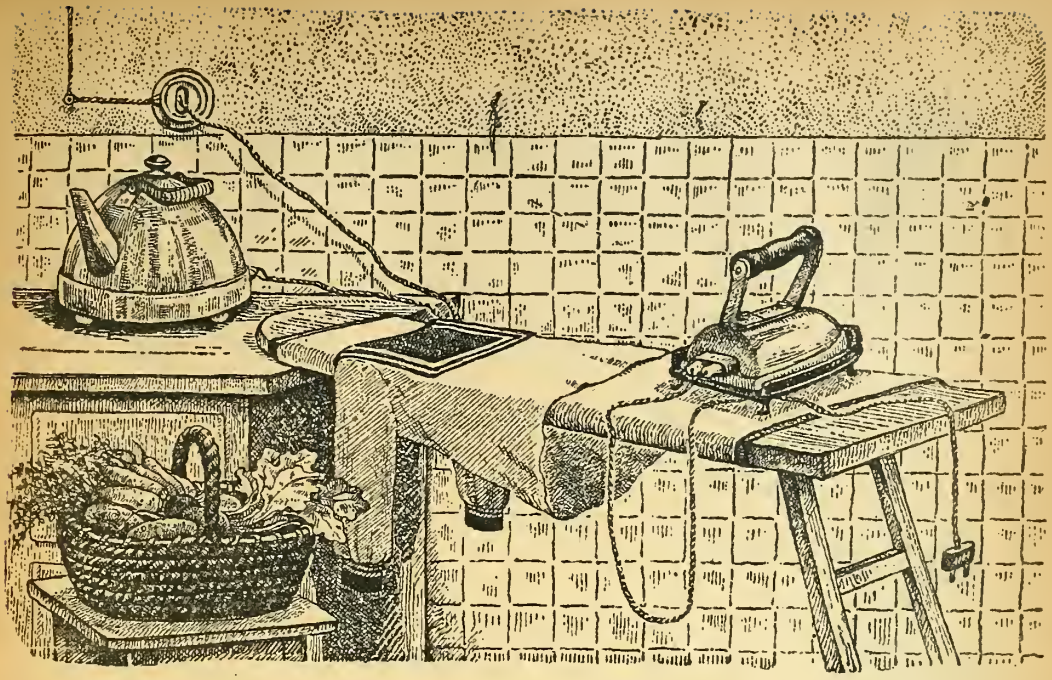
И вдруг бабушка закричала:

— Стойте!

И потом сказала:

— Ну, дома.





ДОМА У БАБУШКИ

В БАБУШКИНОЙ КВАРТИРЕ

Я стал смотреть, какой дом. А он очень большой. И вдруг пришел дядя и стал наши чемоданы забирать. А это дядя дворник. И он говорит:

— Ну як, Марья Васильевна? Ну як там?

А я не знал, что это «як», а потом узнал. Мы с бабушкой пошли в дверь. А там лестница. Я бабушке говорил, чтоб скорей итти, где она живет.

Бабушка сказала, что мы сначала пойдем за кошкой. Бабушка свою кошку отдала одной тете, чтоб она ее кормила. А то бабушка уехала, и кошка одна осталась. Мы пошли по лестнице. Немножко прошли, и бабушка говорит:

— А хочешь, мы наверх поднимемся без всякой лестницы?

А я закричал:

— Я знаю, это лифт! И там дядя лифтер с пуговками.

Бабушка сказала:

— А вот и нет лифтера. Сами поедем.

Мы подошли к дверке. И около дверки были кнопочки, как для звонка. Бабушка надавила одну кнопочку, и за дверью загудело. А потом что-то щелкнуло. Бабушка открыла дверь. А там уж лифт стоит. Только совсем маленький. Как будто шкапик. Мы туда вошли. Бабушка закрыла все двери и нажала кнопочку, как будто она не бабушка, а лифтер. Я думал, ничего не выйдет. А мы поехали. Я обрадовался и стал хлопать в ладоши и кричать:

— Ай, бабушка! Ай, бабушка!

А бабушка нарочно завезла меня на самый верх, а потом немножко вниз.

Лифт остановился, мы открыли дверь и вышли на лестницу и снова двери закрыли.

Потом бабушка нажала кнопку около двери, и лифт сам пошел вниз. В лифте никого не было. Мы с бабушкой позвонили в квартиру, и отворила девочка.

Она закричала:

— Ах, вы приехали! А это, наверное, Алеша.

И сказала, что она сейчас принесет бабушкину кошку Пуму. Пума очень обрадовалась и стала мордочкой тыкать бабушку в ноги и мурлыкать. Я думал, что она запачканная. А это она не запачканная, это шерсть у нее разными кусками, всякими — черными и желтыми. Очень смешная.

Потом девочка бабушке ключ дала, и мы пошли в другую дверь.

Бабушка говорит:

— Вот тут я живу. Вот посмотришь.

А ничего не было видно. Потому что все было газетами закрыто. Бабушка сказала, чтоб я ушел — сейчас будет пыль. А я все равно не ушел. И мы с бабушкой стали газеты снимать. А я снял газеты и увидел, что это плита. И бабушка сняла газеты. А там за газетами — полка. Это на стене полка, даже две полки. Только они газетами были завешены.

А на полках — разные кастрюлечки, и все блестят. И чайнички и кувшинчики. И еще сковородки, и потом мельница, которая для кофе.

КАК Я ПЛИТКИ БОЯЛСЯ

Кошка вскочила на плиту и стала все нюхать.

А там, на плите, была черная коробочка, круглая, большая. Только сверху она очень смешная. У ней сверху не крышка, а каменный кружок. А в кружке канавка. Канавка идет кругом по всей крышке. А сбоку из этой коробочки торчат две медные палочки. А сама коробочка железная. Кошка стала коробочку нюхать.

А я закричал:

— Почему?

Бабушка сказала:

— Опять почему?

А я сказал:

— Коробочка. Почему коробочка?

А потом сказал:

— Бабушка, какая это коробочка?

Бабушка говорит:

— Ага! Вот сейчас увидишь, что будет.

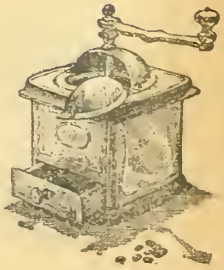
Принесла белый шнурок. У него две белые трубочки на одном конце, а на другом — два гвоздика. Бабушка трубочки надела на коробочку, прямо на палочки, которые из нее торчат. Потом схватила шнурок за другой конец, где у него медные гвоздики, и засунула в стенку. А в стенке были две дырочки.

Я не знал, что будет, и ушел от плиты и сел на лавку.

Бабушка говорит:

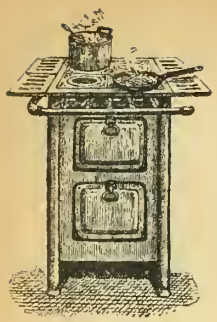
— Ты не бойся. Чего ты убежал?

А я скорей стал ногами на лавку и сказал, что я не боюсь, а это чтобы лучше было видно. А там коробочка вся сверху засветилась, и в канавках, на крышке, стало красно, как уголья. Я стоял и смотрел, а подходить не хотел. Бабушка засмеялась и говорит:



— Это электрическая плитка. На ней можно чай варить, яичницу жарить, молоко кипятить. Иди, — говорит, — посмотри, какой жар.

Бабушка стала над плиткой рукой водить. Я пошел смотреть, какой жар. А это в канавках проволочки. И они все стали красные от жару. Бабушка сказала, что это электричество идет и греет. И я тоже руку держал над плиткой. И от нее тепло, как от огня. Кошка легла около плитки и не боялась.



Вдруг в дверь позвонили, и пришла девочка, которая бабушке кошку давала.

Бабушка сказала:

— Ты что, Клавдя?

А Клавдя говорит:

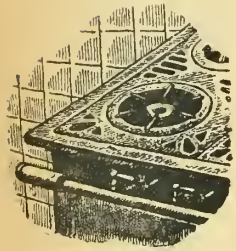
— Я пришла вам помогать.

Бабушка говорит:

— Поставь воду на газ.

Я хотел сказать «почему» и не сказал. И смотрел. А Клавдя подошла к плите, повернула краник и потом в плиту спичкой, прямо сверху. И вдруг в плите как пыхнуло: «Пых!» И даже немножко выстрелило. И там, в плите, загорелся синий огонь. Очень синий.

Клавдя поставила сверху большую кастрюлю. Прямо как ведро. Это чтоб воду кипятить. Я пошел к плите — смотреть, почему газ.



Клавдя стала говорить:

— Ага, вот и не знаешь, какой газ! А он по трубочке идет. Захочу вот — хоп!

А я говорю:

— Какой хоп!

А Клавдя краник закрыла, огонь чуть хлопнул и погас.

А потом Клавдя говорит:

— А сейчас захочу, и — хоп!

И опять краник повернула и зажгла спичкой. И снова пыхнуло, и загорелся синий огонь.

Клавдя опять сказала «ага». Она все — «ага».

— Ага, у вас такого нету. Ага, у вас дрова жгут. Ага, у нас электрическая печка.

Я сказал:

— И не ага, не ага! А у меня мячик есть. Как лепешка.

А Клавдя сказала:

— Ты его раздавил, потому и лепешка. Ага!

А я стал говорить:

— Не ага, не ага...

Бабушка сказала мне:

— Перестань сейчас же!

А потом сказала Клавде:

— Смотри, Клавдя, уже кипит. Сними кастрюлю и потуши газ и плитку электрическую.

Клавдя сняла кастрюлю и опять краник закрыла, а я хотел, что пусть знают, что я не боюсь: я подбежал к плитке электрической и стал дуть, чтоб потушить. Она не тухла и все равно была красная. Клавдя, противная, стала хлопать в ладоши и на ножке прыгать и кричать:

— Ага! Ага! Ага!

И потом пальцем стала показывать. И еще кричать и петь:

— Вот смотрите! Вот смотрите! Как он дует! Не задует! Ай-ай-ай! Ага! Ага!

Я еще дунул со всей силы и заплакал. И к бабушке скорей побежал. И стал плакать еще больше, зачем плитка не тухнет и Клавка дразнит. Бабушка мне сказала, чтоб я стал на табуретку и чтоб я рукой взял за шнурок, где он в стенку воткнут. И чтоб дернул. И тогда плитка потухнет. Я немножко боялся, а все-таки полез. Клавка хотела раньше меня дернуть шнурок. А я скорей сам дернул. Шнурок так и вылетел из стенки. Там у него на конце черная коробочка. Из нее два гвоздика торчат. Они так из стенки и выскочили — так я за шнурок дернул. Я посмотрел на плитку. Она еще немножко красная была, а потом потухла.

Я Клавке сказал, даже закричал нарочно:

— Ага!

А бабушка говорит:

— Теперь вставь обратно, как было.

Я стал эти медные гвоздики вставлять и не мог попасть в дырочки. Я потому не мог, что Клава все хотела вырвать. А бабушка ей не дала. Бабушка сама взяла мою руку и моей рукой вставила эти гвоздики в самые дырочки. И плитка опять загорелась. А потом я сам вынул обратно, и плитка потухла.

Я тоже говорил Клаве:

— Ага! Ага!

И зажигал и тушил. Бабушка сказала, что это штепсель, где дырочки. А где гвоздики медненькие, это вилка.

Я сказал:

— Ха-ха-ха! Вилка! И вовсе не вилка! И совсем не вилка! А просто рожки.

И стал говорить:

— Рожки! Рожки! Рожки!

Клава кричала:

— А вот вилка! Вилка! Вилка!

Бабушка сказала:

— Фу, гадость какая! Слезай сейчас же с табуретки.

А потом сказала Клаве:

— А ты не егози, Большая, а такая глупая.

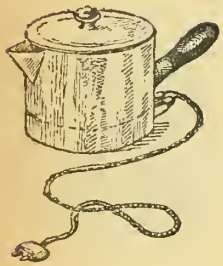
Клавдя достала с полки кастрюльку. Она была очень чистенькая, прямо как серебряная. У ней внизу торчали две медненькие палочки. Клавдя сказала, что она нальет в кастрюльку воды и поставит кастрюльку на стол, а не на плиту, и вода сама закипит.

Я спросил бабушку:

— Правда?

Бабушка сказала, что правда.

А только вода не сама закипит, а потому что под кастрюлькой, внизу, плитка электрическая навсегда приделана. И если шнурок электрический провести, как вот к плитке, так вода закипит. Потому что плитка там разогреется, а вовсе не сама.

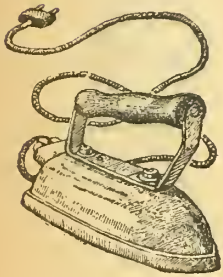


А все равно я хотел, чтобы вода закипела и чтоб не на плите, а на столе. Потому что я думал, что она, может быть, и не закипит. Я сказал Клавде тихонько: пусть нальет воды и пусть на столе закипит.

А Клавдя стала кричать:

— Не верит! Он не верит!

Она скорей схватила кастрюльку и налила воды. И шнурок провела от кастрюльки к дырочкам, которые на стенке. Я залез на табуретку, чтоб смотреть, как на столе вода закипит в кастрюльке. Она сначала не кипела. И я все пальцем пробовал ее тихонько. Вода потом стала теплей. А потом совсем стала теплая, и я не хотел палец туда мокать. Потом пошли пузырьки, и Клавдя стала кричать «ага» и стала мне нос показывать, только чтоб бабушка не видала.



Бабушка опять сказала:

— Не егози! И выдерни шнурок.

Клавдя не стала егозить. Мы пошли с ней снимать газеты, которые у бабушки в комнате.

Мы как сняли все газеты со стенок, так там у бабушки на стенках всё картинки, картинки. Только не картинки, а они ниточками вышиты. Гуси идут, а мальчик их веточкой подгоняет. И гуси все белой ниточкой вышиты, а трава — зеленой ниточкой. У мальчика рубашка тоже из ниточек и глаза тоже.

А потом один дядя на лошади сделан.

Клавдя сказала, что это Ворошилов.

Потом был коврик. Весь из ленточек. Он на стенке висел. И еще коврик. Только поменьше. Он на столике лежал, и на нем всякие цветы были нашиты из разных тряпочек: красные, желтые и маленькие синенькие.

Клавдя говорит:

— Это не коврик, а скатерть. Это я сделала.

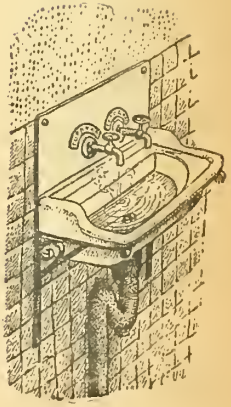
А я сказал, что вовсе не она, а это бабушка всё сделала, и потому комната такая красивая. Как будто в саду. Даже еще красивей.

Мы с Клавдей стали кричать, потому что я говорил, что «бабушка», а она говорила, что «не бабушка», а «девочки», и что она больше всех шила, и что она самая главная, и она скатерть сделала и все цветы.

КАК МЫ РУКИ МЫЛИ

А газеты мы все равно убирали, и Клавдя вытирала стол. Вдруг бабушка пришла и сразу постелила на стол скатерть. Только простую, белую. И поставила на стол очень большую яичницу. И сказала, чтобы мы с Клавдей шли мыть руки. А руки мыть очень было смешно, потому что из одного крана бежит горячая вода, а из другого — холодная. Можно дырочку в раковине закрыть медной пробочкой и напустить в раковину воды. А это не раковина, а умывальник. Он фарфоровый и очень чистый. В нем можно сделать какую хочешь воду.

Мы с Клавдей сделали теплую. А потом пустили горячей и стали держать — кто скорей вынет руки. Рукам стало совсем горячо. А бабушка все равно слышала, что́ мы делаем.



Пришла и говорит:

— Не выдумывайте глупостей! Шпариться захотели!

Я руки поскорей вытянул, потому что все равно очень горячо. Они стали красные-красные.

Я говорил «шпариться» и смеялся.

Бабушка говорила:

— Ну, ладно. Садитесь за стол.

Мы стали есть яичницу. И я сказал, зачем Клавдя врет, что она скатерть сделала и все цветы пришила, и сказал, что все это бабушка сделала.

КАКАЯ КУКЛА С НОСОВЫМ ПЛАТОЧКОМ

Бабушка сказала, что она здесь ничего не сделала, а все это делали девочки и Клавдя тоже. А бабушка только показывала. Клавдя закричала: «Ага, ага!» и высунула язык. А на языке яичница. Бабушка сказала, чтоб Клавдя язык назад засунула. А мне сказала, что мы пойдем, где девочки вышивают. Там бабушка их учит, как вышивать нитками всякими — и красными, и синими, и желтыми, — чтоб выходили картинки. И как из тряпочек вырезáть цветочки и листики и делать скатерти и картинки. Еще как всякие платья шить для кукол. И как перчатки вязать и шапочки.

Вдруг Клавдя соскочила со стула и убежала.

Бабушка кричала:

— Куда ты?

А она все равно не послушалась.

А потом прибежала и принесла куклу. А кукла в шубке, и меховой воротничок. И его можно отгибать, и он становится наверх, как настоящий. Он из настоящего меха, только маленький. На рукавчиках тоже настоящий мех. И карманчики сделаны. Я в карманчик палец засунул. А там ничего нет. Я сказал, что ничего нет. А Клавдя из другого карманчика вынула маленький носовой платочек. А потом сняла шубу, а там на шубе мех. И этот мех кроликовый. Только из него волосы вылезают. На платье у куклы было много волосиков. Клавдя стала очищать, потому что платье очень красивое. Красное и белые пуговки. И еще воротничок белый.

КАК Я КЛАВДЮ ДРАЗНИЛ

Бабушка сказала, чтоб мы пили чай, а она посмотрит шубу. Бабушка стала смотреть и вдруг как достанет ножницы! Чик-чик — и отрезала воротник. А Клавдя не заплакала.

Бабушка ей сказала:

— Сиди на месте и пей чай.

И потом бабушка еще ножницами резала. И потом иголкой шила. И говорила:

— Кто же так воротник пришивает!

А это не бабушка пришивает плохо, а Клавдя. А потом Клавдя посмотрела, как бабушка сделала, и сказала:

— Ага!

А я стал Клавдю звать «Ага». И говорю бабушке:

— Вон Ага на скатерть накапала.

Бабушка говорит:

— Какая это Ага?

Я сказал:

— Вот Ага.

И пальцем в Клавдю:

— Вот! Вот! Вот!

Бабушка вдруг меня по руке — хлоп! И как крикнет:

— Гадость какая!

И ногой топнула. Мне не больно было. А я все равно хотел заплакать.

Клавдя закричала:

— Ага! Ага! Ага!

И убежала в кухню.

КАК ЭЛЕКТРИЧЕСТВО КУСАЕТ

Потом я тоже в кухню пошел. Клавдя говорит:

— А электричество кусается.

Я сказал:

— Пусть тебя и кусает.

Клавдя сказала:

— И тебя кусит.

Я сказал:

— Ничего не кусит, потому что это ты нарочно.

Она говорит:

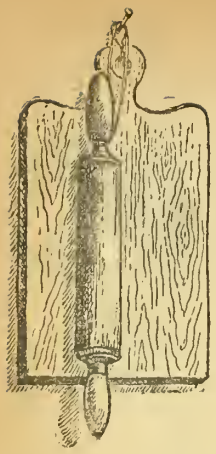
— И не нарочно. А вот и кусит. Вот сунь сюда пальцы.

И показывает на дырочки, куда шнурок от плитки вставляют. Я сказал, что не хочу, потому что там все равно ничего нет.

Потом бабушка позвала Клавдю, чтоб она ей щетку дала. А я полез на табурет и стал пальцем пробовать. Только не совсем.

А Клавка, противная, сзади подошла и как пихнет мне руку! И меня так куснуло, что я всей рукой дрыгнул. И попал Клавде в нос. Она боялась плакать, потому что она противная. А потом я стал плакать. А все равно бабушке не сказал почему. Я сказал:

— Не почему.



Бабушка говорит:

— Не почему, так и не реви.

Тут вдруг зазвонил звонок, и Клавдя побежала дверь отпирать.

А бабушка ей крикнула:

— Не отпирай! Спроси кто.

Я тоже побежал в кухню и стал кричать:

— Не смей отпирать, а спроси!

А Клавдя закричала на меня:

— Не твое дело! Ишь какой! Подумаешь!

Я тоже стал кричать:

— Вот и спроси! Вот и спроси!

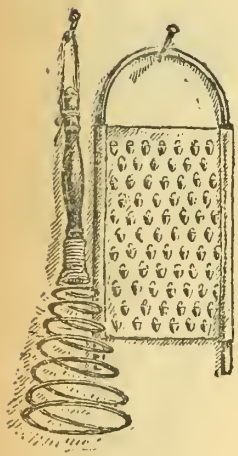
А звонок опять зазвонил: дзинь! дзинь! дззз!

Бабушка пришла и говорит:

— Фу, какой базар подняли! Замолчите сейчас!

Стало тихо, и бабушка спросила:

— Кто там?



И мы слушали. А из-за двери какой-то дядя сказал:

— Это я, Петр Викторович. Откройте!

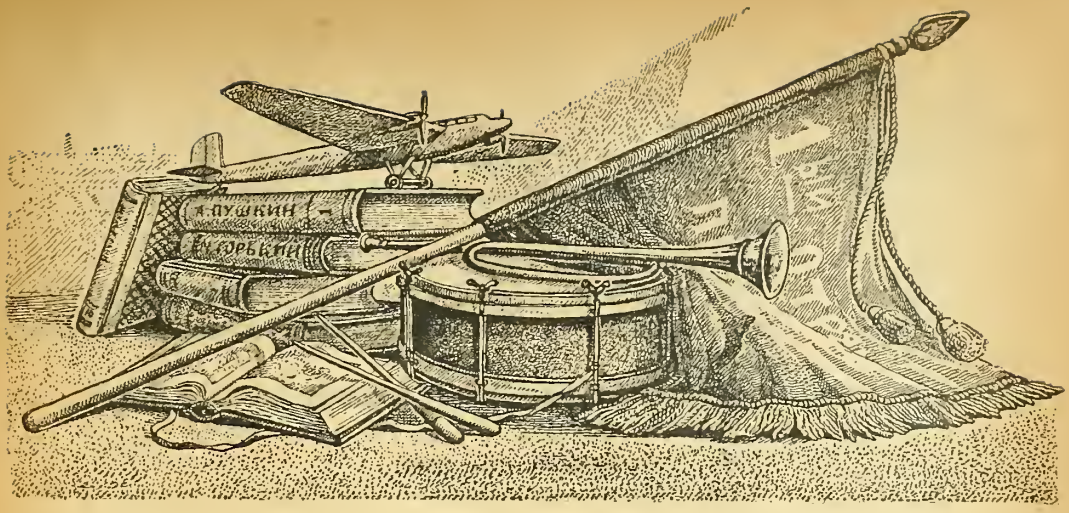
Бабушка открыла, а там дяденька. И даже вовсе не дяденька, а мальчик, только большой. Даже больше бабушки. Бабушка говорит:

— Здравствуйте, Петр Викторович.

А Петр Викторович сказал:

— С приездом, Марья Васильевна. Это очень хорошо, что вы приехали. Пойдемте, у нас дети собрались. С ними скорей заняться надо. — И потом все говорил: — Пожалуйста, пожалуйста.

Бабушка тоже говорила «пожалуйста», чтоб он чай пил. И потом, чтоб сел. А он сказал, что никуда не пойдет, а пойдет только с бабушкой. И чтоб сейчас.



ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ

МЫ ПОШЛИ К ПИОНЕРАМ

Бабушка стала шляпу надевать и сказала, что я тоже пойду.

А Клавдя стала на меня шапку надевать. И еще поправляет. И приговаривает:

— Не вертись, егоза какая!

А я шапку сорвал и сам надел нарочно на самые глаза. А Клавдя стала скакать на одной ножке и на меня пальцем тыкать.

И стала петь:

— Ага, ага, ага!

Бабушка взяла меня за руку. А Клавде сказала, чтоб уходила. Мы с Петром Викторовичем пошли вниз по лестнице. А Клавдя стала к себе звонить.

Петр Викторович спрашивает бабушку:

— Это что ж за мальчик такой?

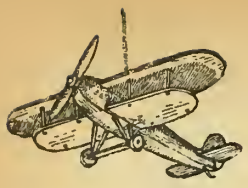
Бабушка сказала:

— Внук.

А он опять спрашивает:

— А почему же он такой сердитый?

Бабушка говорит:



— Разве сердитый? — и посмотрела, что у меня шапка на глаза.

И сказала:

— Не дурачься, надень как следует.

Я не хотел. И нарочно вертел головой.

А Петр Викторович поправил и прихлопнул сверху ладошкой.

— Вот, теперь хорошо.

Он взял меня за руку. А я другой рукой за перила. Он меня вверх поддергивал. И я очень высоко скакал. И потом стал смеяться.

А когда вышел на улицу, я сказал, что меня зовут Алеша.

И потом спросил:

— А вы мальчик или дядя?

Петр Викторович сказал, что он дядя и художник. А художник — это значит, что очень хорошо умеет рисовать всякие картинки: и чтоб смотреть и чтоб вырезать.

Бабушка сказала:

— Вот придем во дворец, там увидишь. Петр Викторович тебя научит вырезать.

Я сказал:

— Какой дворец?

А Петр Викторович говорит:

— Это Дворец пионеров. Там мальчики и девочки рисуют, вырезают и танцуют. И там их учат играть на рояле и на трубе тоже. А потом учат их стрелять из ружей и петь, и они там сами делают лодочки, и паровозики, и вагончики тоже.

А потом там есть еще игрушки, которые сами ходят.

И там Петр Викторович будет этим мальчикам и девочкам показывать, как делать из бумаги аэропланчики, которые летают, а бабушка их научит делать себе варежки. И еще всякое интересное.

Мне очень захотелось, чтоб скорей туда. А бабушка остановилась и стала яблоки покупать.

Я стал кричать:

— Я не хочу яблок! Скорей идем!

Бабушка взяла и сказала:

— Я вовсе не тебе яблоки покупаю, а Петру Викторовичу и себе. А ты не ешь, пожалуйста. А главное, не кричи на всю улицу.

Я рассердился на бабушку. А она всего два яблока и купила. Только большие-пребольшие. И дала одно Петру Викторовичу.

Он положил в карман и сказал мне тихонько:

— Потом съедим.

ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ

Петр Викторович пошел очень скоро. И меня за руку потянул.

И вдруг он говорит:

— Смотри!

Я посмотрел и вижу — дом. И ступеньки. А там дверь. А около дома стоят два мальчика. И трубят в трубы. Только они ничего не трубят, потому что они каменные. И они очень большие и серые.

Я сразу узнал, что это пионеры. Потому что они с трубами.

Я стал кричать:

— А я знаю! А я знаю! Пионеры! Пионеры!

Петр Викторович закричал:

— А ну, бегом!

И мы побежали через улицу. И прямо в этот дом.

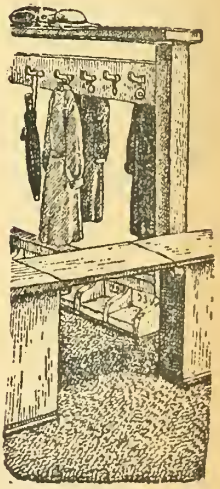
Это и был Дворец пионеров.

Мы вошли, а там большая комната. В ней столбы. Они не круглые, а с углами. И на этих столбах сделаны картинки. Там девочки, и мальчики, и звери тоже.

А Петр Викторович говорит:

— Потом посмотришь. Теперь вытирай скорей ноги.

И мы пошли, где вешалки. И я там отдал тетеньке шапку. И Петр Викторович свою шапку тоже отдал.



Там много-много вешалок. И они отгорожены длинным столом.

Тетенька положила на стол железный кружочек с веревочкой.

Я посмотрел и закричал:

— А я знаю! Семь и семь.

Тетенька засмеялась. И Петр Викторович тоже засмеялся. И сказал:

— Верно, верно. Только надо говорить: семьдесят семь и еще — не кричать.

Я не стал кричать и услыхал, что играют на трубах. Только не знал где.

А потом была большая лестница. И я хотел туда итти. Потому что очень красиво. И около лестницы стоят деревья. Они в зеленых кадках, а в кадках — земля. Деревья оттуда и растут.

Вдруг кто-то крикнул:

— Алеша, Алеша!

Я оглянулся. А это бабушка.

Она говорит:

— Чего же вы убежали?

Я сказал, что очень хочу игрушки, которые сами ходят. И потом вырезать аэропланчики, которые сами летают.

ТОНЯ

Я хотел итти туда, где лестница. А бабушка пошла со мной совсем не на лестницу, а вбок, в комнату. И Петр Викторович тоже.

Там сидели какие-то тетеньки.

Они вскочили и стали говорить:

— Ах, Марья Васильевна! Ах, как хорошо! Ах, какой мальчик!

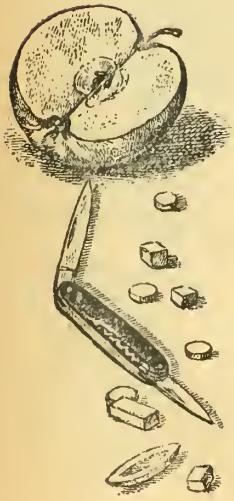
Всё «ах, ах» говорили.

И бабушка стала с ними что-то быстро говорить.

А Петр Викторович посадил меня на диван и сам сел рядом.

И говорит:

— Ты успокойся. Мы сейчас пойдем смотреть игрушки. А сначала яблоко съедим.



Достал это большое яблоко, которое бабушка дала. Потом ножичек из кармана. Очистил яблоко, и мы стали есть очень интересно. Потому что он вырезал из яблока лодочки, кубики и кружочки.

И все смеялись, потому что Петр Викторович очень смешной.

Вдруг в дверь постучали.

Прибежала девочка, больше Клавди, и у ней на шее красный галстук, как у пионеров.

Она подбежала к бабушке и что-то ей говорила очень быстро.

Я думал, что не по-русски, а это она по-русски. Только так скоро, что все засмеялись.

А бабушка сказала:

— Тоня, ты не все слова сразу, а по очереди.

А Тоня не стала больше говорить и стала очень красная. И потянула бабушку за руку. Прямо со всей силы.

Бабушка так боком и пошла, потому что не могла устоять. И ничего не успела договорить. А крикнула:

— Алешка, идем!

И мы все пошли на лестницу. Тоня меня за руку вела, бабушка — за другую.

Мы пошли по лестнице на самый верх. А другие девочки смотрели на нас, как мы идем.

И все говорили:

— Здравствуйте, Марья Васильевна!

И еще говорили:

— Тоня, кто это такой? Какой маленький!

А Тоня тоже им говорила. Она очень скоро говорила, и я не понимал, что она говорит.

Девочки кричали:

— Что? Что? Тоня, что?

А Тоня стала рукой махать.

Тут мы пришли в комнату. Очень большую, прямо как на вокзале. И там много-много стульев. На стульях сидели девочки и мальчики и смотрели, как говорил один большой. Там пол был выше, чем у нас, где стулья.

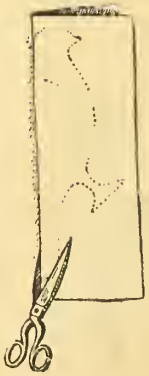
Потом мы пришли в комнату, где стоит рояль, и там мальчик учился играть. И тетенька сидела рядом. Это для того, чтобы его учить.

Я сказал бабушке, чтоб меня тоже учить.

Бабушка сказала, что я маленький. И что мне можно играть только в игрушки.

А когда мне будет восемь лет, меня тоже будут учить играть на рояле.

КАК МЫ ПТИЧЕК ДЕЛАЛИ



А потом мы пошли по лестнице в самый низ. И мы пришли в комнату. В этой комнате все стульчики маленькие, и все столы маленькие, и все скамеечки маленькие. Они такие маленькие, как у меня дома есть стулик, на котором я сижу.

Мальчики сидели около стола, и Петр Викторович показывал, как складывать бумагу и потом выреза́ть, чтоб вышла птичка. Мальчики выреза́ли, и выходила птичка. Если ее снизу подергать, то она машет крылышками.

И все мальчики сделали таких птичек. И мне захотелось такую. Я схватил одного мальчика за руку и закричал:

— Дай, дай!

А потом сказал:

— Пожалуйста.

А мальчик птичку поднял совсем вверх и сказал:

— Ишь, какой! Возьми да сделай.

Тогда я заплакал. А на меня никто не глядел.

Все мальчики кричали и дергали птичек. И птички махали крылышками. Мальчики говорили:

— А моя вон как!

— А моя еще лучше!

— А моя шибче!

Я рассердился, стал махать руками, как птица, и закричал:

— А я еще бегать могу!

И побежал. А они все равно не глядели. Я их стал нарочно хлопать руками, когда бегал. Один мальчик сказал:

— Ты что дерешься?

Я его хотел опять хлопнуть. И вдруг Петр Викторович меня поймал и говорит:

— На́ тебе птичку.

А я махал руками и нарочно хлопнул по птичке. Птичка упала на пол, а я убежал и все махал руками. И вдруг увидел бабушку. Она с девочками и мальчиками сидела у низенького столика.

Бабушка застучала ножницами по столу и сказала очень громко:

— Алеша, сейчас же ко мне!

КАК МЫ КОВРИКИ ДЕЛАЛИ

Я увидал мальчиков. Они качались на очень больших лошадях. Я убежал туда и схватил одну лошадь за хвост. Она не стала качаться. Мальчик рассердился и крикнул:

— Пусти!

А я не пускал. Тогда он стал слезать. И говорил:

— Ну, погоди! Ну, погоди!

А я со всей силы закрыл глаза и крепко-прекрепко стал держать хвост. Я думал, мальчик начнет меня тащить или бить, чтоб я пустил.

А меня взяли за плечо. И это бабушка. Она сказала:

— Перестань сейчас же безобразничать!

И за плечо увела меня к столику, где сидели мальчики и девочки. Посадила на скамеечку и села со мной. А там девочки и мальчики вырезáли из бумаги тесемочки: красные, белые и всякие. А потом из тесемочек делали коврики и радовались. Я сначала не хотел, а потом тоже стал радоваться и вырезáть тесемочки. Только очень криво. Бабушка сказала, чтоб я потихонечку. Я стал потихонечку и вырезал одну красную совсем хорошо. Потом еще зеленую.

Тоня все говорила, а мальчики смеялись, что она непонятно говорит.

Бабушка сказала Тоне, чтоб она потихоньку говорила, а то мы не станем понимать. И пусть скажет, как надо. И все ее стали передразнивать и смеялись. Тоня стала понемногу говорить, как будто читает. И тогда мы понимали. И всё ей давали: и ножницы, и бумагу, и бумажные тесемочки давали, и все, что она просила.

КАК МЫ ЗАПУСКАЛИ АВТОМОБИЛЬЧИКИ

Потом пришел Петр Викторович и говорит:

— Пойдем, Алеша, заводные автомобильчики пускать.

Я сказал:

— Почему заводные?

Он сказал, что их ключиком заводят. И они сами бегают. У них в серединке машинка.

Один мальчик сказал:

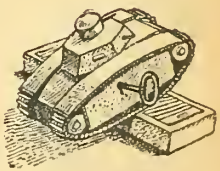
— Я тоже хочу.

И мы пошли. А когда Петр Викторович завел и пустил, я сказал:

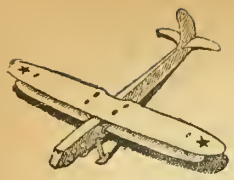
— Я знаю. Это не автомобильчик, а танк.

Он был зеленый. Сверху башня. А из башни выходит пушка. А сбоку у танка ключик. Надо сначала ключиком повертеть, а потом поставить на пол.

И тому мальчику, что с нами пошел, Петр Викторович тоже дал танк. Такой же, как мне.



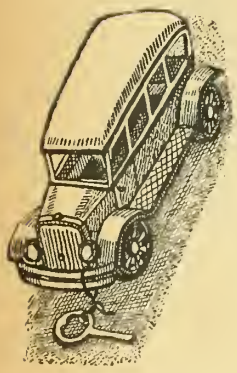
Мы сели на пол и стали пускать танки. Я на его танк, а он на мой: чтоб столкнулись. А они не попадáли. И пробегали мимо. Мы их ловили и опять напускали. И потом они попадáли.



Они как столкнутся, так — трах! И один упадет. Совсем набок. Лежит и жужжит. Это в нем машинка жужжит. А потом пускали танки вместе. У кого скорей. Только я не мог заводить. И мне другой мальчик заводил.

Потом Петр Викторович показывал вагончики и паровозики из бумаги. И танки тоже. И аэропланчики. Это мальчики-пионеры наделали. Он пускал аэропланчики, так они через всю комнату перелетали. И даже через тех мальчиков, которые на лошадях качались. Мы потом аэропланчики приносили, и Петр Викторович опять их запускал.

И он сказал, что всех научит, как такие аэропланчики делать. И мы стали кричать, чтоб сейчас научил. Он сказал, чтоб приходили завтра.



КАК Я КАТАЛСЯ НА ЛОШАДИ

Потом пришла тетя и сказала, что она будет учить, как петь песню. Кто хочет петь, пусть идет.

Мальчики слезли с лошадей и сказали, что хотят петь.

А я скорей побежал к лошадям.

Я никак не мог влезть, потому что высоко.

Тоня прибежала, и тогда я сел, потому что она меня подняла. На лошади было очень высоко, и я испугался.

А Тоня убежала к бабушке. Я тихонько сидел и все боялся. И крепко держался руками.

А потом стал болтать ногами. И лошадь стала немножко качаться. А потом немножко больше. Я совсем не стал бояться. И еще сильнее стал раскачивать.

Лошадь даже вперед пошла, как у мальчиков. Я стал радоваться и стал кричать:

— Го, го! Но, но!

А потом стал кричать:

— Берегись! Берегись!

И стал падать. А не упал. Потому что я руками очень сильно ухватился.

Я стал кричать:

— Тоня, Тоня!

А она не шла.

Я сидел и уже не качался. Я совсем не шевелился, потому что боялся, что упаду. Я закричал со всей силы:

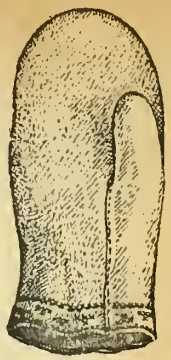
— Бабушка!

И услыхал, что бабушка идет. Тогда я заплакал.

Бабушка меня сняла и спросила:

— Разве ты ушибся? Ну так чего же ты плачешь?

А я не сказал, что испугался, а сказал, что хочу домой.



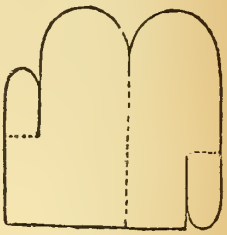
КАК ПРЕДСТАВЛЯЛИ ЗАЙЧИКОВ

Бабушка сказала, что скоро пойдем и не будем смотреть, как девочки и мальчики будут представлять.

Я спросил, как это «представлять».

Бабушка сказала, что девочки и мальчики наденут такие костюмы и шапочки, что будут зайчиками, уточками, свинками. И будут играть, как будто они на самом деле такие. Только будут говорить по-человечьи.

Я сказал, что я не хочу домой и буду смирно сидеть. И я смирно сидел, а Тоня и еще девочки и мальчики учились, как рукавички делать.



Сначала они из бумаги выреза́ли, а потом из материи. И шили иголками. И выходило совсем как варежка.

А потом пришли две тети. А с ними девочки, большие, как Тоня, и мальчики, тоже большие. И они стали надевать на себя мордочки и всякие штанишки с хвостиками. И с красными ножками. И шапочки были с ушами, а потом еще с длинными носами, как у птицы. И все стали как птицы, а другие — как зайчики. А еще были как свинки. И они вдруг забегали. Я пошел смотреть. А одна птица прямо на меня. И хотела заклевать длинным носом.

Я закричал «ай» и побежал к бабушке. А все стали радоваться и смеяться.

А тетенька сказала:

— Лена, не шали. Будем начинать.

Вышел сначала мальчик и стал говорить. А я ничего не понял. Потому что он как-то не так говорил. Бабушка сказала, что это не по-русски и что здесь говорят по-украински. И что я потом привыкну. Потом выходили птицы, и у них на руках крылья. Они хлопали крыльями и тоже что-то говорили. И зайчики тоже говорили. А потом тетенька заиграла на рояле, и зайчики стали прыгать. Они очень высоко прыгали и болтали ушками.

Я стал смеяться. Они сначала танцовали, а потом запели. И опять танцовали. А потом перестали.

Я стал кричать:

— Еще, еще!

Бабушка сказала мне, чтоб я замолчал. И мы с бабушкой пошли. И я, когда шел, погладил одну птицу, потому что я с бабушкой не боялся.

А Тоня за нами побежала, взяла меня за руку и сказала, что она меня будет одевать.

А я сказал:

— Ха-ха! У меня одна шапка.

Бабушка дала мне железный кружочек, где написано семьдесят семь, и сказала, чтобы я взял у тетеньки шапку. Я дал и забыл, как это сказать: «семьдесят семь».

А она посмотрела и раньше меня сказала:

— Семьдесят семь.

А я ей сказал:

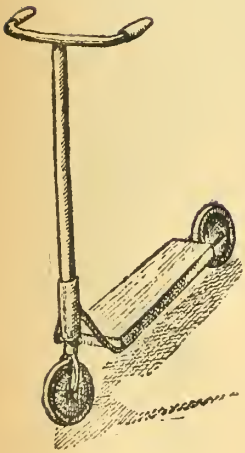
— Сам знаю, что семьдесят семь.

Тетенька дала мне шапку и сказала что-то, только непонятно, потому что по-украински.

Тоня сказала мне «до свиданья» и сказала: «Приходи к нам».

Мы с бабушкой сели на трамвай и поехали домой.

Я НА ВЕЛОСИПЕДЕ КАТАЛСЯ И СТРЕЛЯЛ ИЗ РУЖЬЯ



А потом мы пошли с бабушкой во двор. И там есть одна комната. Там дают игрушки, чтоб играть, потом чтоб назад отдать.

Там тетя мне велосипед дала, чтоб на одной ноге ездить. Я сначала не мог, а потом немного мог. Я очень падал, только не плакал. А бабушка смотрела, как я катаюсь.

Потом мне дали ружье. Оно стреляет палочкой. И мы с Клавдей стреляли в мишку. Он сидел, а когда мы попадáли, он падал; мы его опять сажали. Потом Клавдя опять заряжала ружье палочкой, и мы опять в мишку стреляли.

А другие мальчики катали шар и сбивали деревянные столбики. Клавдя сказала, что эти столбики — кегли.

А потом все мальчики относили игрушки назад, к тетеньке в комнату, потому что игрушки дают не насовсем, а поиграть. Мы с Клавдей потом тоже кегли брали и катали шар, чтобы их сбивать. Я тоже один раз попал.

А Клавдя сбила три сразу и хлопала в ладоши и кричала:

— Ага, ага!

А в той комнате, куда мы уносили игрушки, по стенкам висят разные аэропланчики. Они заводные и сами летают.

Нам с Клавдей не давали, а давали только большим мальчикам.

Потом там висели еще луки — это чтобы стрелами стрелять и попадáть в кружок.

Это тоже маленьким не дают, а то маленькие нечаянно всех застрелят, даже больших.

НЕВОД

КАК МЫ ПОЕХАЛИ НА НЕВОД

Мы с бабушкой утром пили чай, и я пил молоко.

Вдруг бабушка сказала, чтоб скорей, потому что мы сегодня поедем смотреть, как рыбу ловят и как ее неводом вытаскивают из воды.

Бабушка сказала, что это далеко и что мы будем ночевать у одной тети — учительницы, а дома ночевать не будем.

Я очень захотел ехать и сказал бабушке, что, может быть, я не буду молоко допивать. А бабушка велела, чтоб допивал и не копался.

Бабушка положила в корзинку хлеба, потом сыру, потом яблок и еще ножик положила.

Я молоко скорей допил, и мы пошли. А кошку заперли в кухне, потому что она цветы портит.

Мы с бабушкой пошли по улице, где прямо на улице растут высокие-превысокие деревья.

И между деревьями — дорожка, а трамваи ходят с одного боку и с другого, а по дорожке можно итти и ничего не бояться.

Потом я устал, и мы немножко посидели на скамеечке, потому что там скамеечки поставлены под деревьями, чтобы отдыхать.

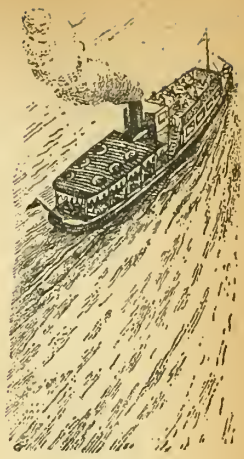
Потом мы пришли на пристань, а там стоял уже маленький пароходик.

Мы с бабушкой пошли на пароходик, и там было много людей.

Один дядя встал и сказал, чтобы мы с бабушкой садились. А я к бабушке не хотел на коленки садиться, потому что я не маленький. А бабушка мне дала немного места, и я чуть-чуть сел.

Потом наш пароходик засвистел, и мы поехали. Мне было немножко страшно, потому что очень близко вода, и я боялся, что нас сейчас зальет.

А она не заливала.



КАК Я РАССЕРДИЛСЯ НА ДЕВОЧКУ

Я все держал бабушку за юбку. Никто не видел, что я держал.

Там была одна девочка, она сказала бабушке:

— Здравствуйте, Марья Васильевна!

А бабушка мне сказала:

— Ты пусти теперь девочку посидеть, постой около.

И я выпустил юбку и пустил эту девочку противную.

Бабушка говорит:

— Зачем ты таким бычком на девочку смотришь? Посидел, дай другим посидеть.

А я взял и не стал на нее смотреть совсем. И совсем от нее отвернулся.

Бабушка сказала:

— Очень плохо!

А я все равно так и стоял.

Потом мы приехали к пристани. Бабушка встала, а девочкина мама сейчас туда и уселась. Бабушка еще им головой кивала и все говорила:

— До свиданья, до свиданья! Приходите как-нибудь к нам поиграть с Алешей.

А я с ней ни за что играть не буду.

Мы с бабушкой пошли на берег, и опять она сказала:

— Очень плохо ты сделал! Очень плохо!

И мы пошли всё по песку около самой воды. И мне в туфли набралось очень много песку.

Бабушка еще раз сказала:

— Очень плохо!

А я сказал:

— А песку сколько набралось!

И перестал итти. Бабушка сказала, чтоб я сел на песок. Я сел, а она с меня сняла туфли и носочки, а надевать не стала и сказала, чтоб я шел босиком.

Я сказал, что босиком тоже не пойду.

Бабушка говорит:

— Ну, хорошо. Тогда посиди здесь. Я завтра сюда приду.

Взяла и пошла.

А я сидел и песок руками хватал и сыпал.

А бабушка на меня не глядела и все уходила.

Я закричал: «У-у-у!» Вскочил и побежал.

Песок был очень теплый.

Я добежал до бабушки и еще вперед побежал. Бабушка тоже немножко побежала. А я еще скорей. И кричал, как Клавдя:

— Ага, ага, ага!

Потом я все бежал впереди. И забегал немножко в воду, самую чуточку. Я забежал в воду и посмотрел на бабушку, а бабушка ничего: она только сказала, чтоб не очень бегал, потому что устану, а нам еще долго итти.

Я шел в воде и даже бегал так, что брызгало, и со всей силы бил ногами, чтобы брызги летели. А бабушка кричит:

— Смотри, какой пароход!

Я стал смотреть. Он большой, как был наш, на котором мы ехали. И я видел, как у него колеса шлепают. На пароходе люди ехали и смотрели. Я стал им рукой махать. Пароход уже совсем проходил, и вдруг оттуда кто-то платком белым тоже начал махать. А я рукой еще сильней замахал.

Бабушка крикнула:

— Алеша, назад!

А тут как набежит волна, да меня прямо всего и выкупала. Чуть не с головой. И даже курточку замочила. Это от парохода

такие волны идут и до самого меня дошли. Я сначала испугался, а потом убежал совсем на песок: там им меня не достать.

Бабушка сказала:

— Я же тебе кричала: назад! Теперь что ж убегать, все равно вымок. Снимай всё сейчас!

Я всё снял, и бабушка говорит:

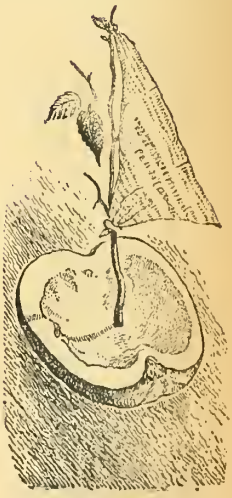
— Полезай в воду и ляг на животик, где мелко.

БАБУШКА МНЕ КОРАБЛИК СДЕЛАЛА

Бабушка сняла свои туфли и чулки и меня за руку повела в воду, и я не хотел ложиться, потому что холодно в воде. А бабушка меня вбок потянула за руку, и я упал прямо в воду, и она меня за руку держала и смеялась. И я тоже стал смеяться, и потом стало ничего в воде и совсем не холодно.

Бабушка сказала, чтоб я лежал, а сама стала мои штаны выжимать и курточку тоже. Потом положила сушить на песок. Он очень теплый. Даже горячий. А потом мы с бабушкой сидели на песке, и она надела на меня свою кофточку, и мы стали есть хлеб, сыр и пить молоко. И смеялись, как это волна на меня нашла.

Потом бабушка взяла яблоко, его на половинки разрезала. И потом одну половинку ложечкой всю выела. И вышла лодочка. Только бабушка там немножко оставила, не всё до конца съела, и мы туда воткнули сухую веточку, и вышла мачта. И я пускал в воде эту лодочку с мачтой. Я потом в нее еще песку насыпал. А потом так насыпал, что она потонула. А я ее все равно вытащил.



Я захотел потом спать. И мы пошли с бабушкой, где нет солнца; бабушка сняла свою юбку и постелила, а я лег и заснул.

МЫ ПРИШЛИ, ГДЕ НЕВОД

Я проснулся, потому что бабушка говорила, чтоб я одевался. И все у меня было сухое. Оно высушилось на солнце.

Я оделся и просил, чтоб опять лодочку сделать, а бабушка сказала, что надо итти уже, а то еще далеко.

Потом мы пошли наверх, на берег, и я увидал много домиков. Они все белые, а крыши у них очень смешные: они серые и толстые.

Бабушка сказала, что домики из глины сделаны, а крыши из камыша. Камыш — как трубочка и очень длинный. Он растет. Я потом видел. Бабушка мне показывала, как он растет из воды у берега. Он — как трава, только высокий, выше, чем бабушка, и выше, чем папа. А сам он — как трубочка.

Мне дали такую палочку. Я ударил, и она сейчас сломалась.

Его нарежут и накладывают на крыши много-много.

И куда мы с бабушкой пошли, там тоже такая крыша и домик тоже белый, и там живет бабушкина одна знакомая. Она нам чаю давала и баранок. Она сказала, что невод скоро будут закидывать и мы пойдем смотреть.

Я спросил:

— Куда кидать его будут?

Она сказала, что в реку. Сначала кинут, а потом вытянут. А невод — это сетка. Очень большая. Ею рыбу ловят.

Я все равно не знал, как это ловят, и очень хотел пойти глядеть.

И я все говорил:

— Ну пойдем! Ну пойдем!

А они чай пили. Выпьют и опять пьют.

Я говорил:

— Не надо чай пить.

И хотел начать плакать, а бабушка сказала, чтоб я вышел во двор и чтоб там поплакал, потому что все равно теперь невод не бросают, а когда будет вечер, тогда будут бросать.

Я сел на сундук. Там коврик лежал. Я потом лег на коврик и не заплакал, потому что заснул.

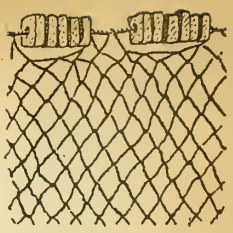
НЕВОД

Мы пошли на реку. Там на песке лежала сетка. Она из веревок. Мы долго шли, пока пришли, где ее конец. Вот это какой невод! У него чурочки привязаны на одной стороне. А это не чурочки, а пробки, только они такие большие. А на другой стороне у невода не пробки, а какие-то железки. Это, мне бабушка сказала, чтоб он тонул.

Очень много людей нашло смотреть, как невод будут кидать и как рыбу из воды вытянут.

Вдруг приехала лодка, очень большая, и в ней дяди. Они рыбаки.

И в лодку стали складывать невод. Весь невод туда складывать стали. И вышла гора. А веревку не взяли. Она у нас осталась. Она привязана на берегу.



Потом как стали рыбаки веслами грести, так лодка пошла, прямо как пароход. А уйти она все равно не могла, потому что веревка от невода осталась у нас. А веревка не стала их пускать. Они тогда начали невод выбрасывать вон. Они его кидают, и их пускает немножечко ехать, а потом они еще кидают, и тогда опять им можно немножечко ехать.

И они стали потом снова поворачивать к берегу, только уж далеко-далеко от нас. И там они уж всё выкинули, они только сами остались, и у них веревка. Они ее привезли на берег и сами с ней выскочили. И я увидал — на воде цепочка плавает, а бабушка сказала — это пробки и это от невода.

А я сказал, что невод утонул.

Бабушка сказала, что низ утонул, а верх плавает.

А я кричал:

— Нет, утонул, утонул!

А там один дядя. Он приехал на телеге. И у него стояла там телега и лошадь.

Он подошел и говорит:

— Чего это ты кричишь? Кто утонул? Никто не утонул, не кричи.

А я сказал:

— Не кто, а невод.

Дядя сказал:

— Он не утонул, а он в воде стоит, как стенка.

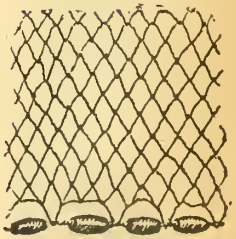
Я говорю:

— Как это — стенка?

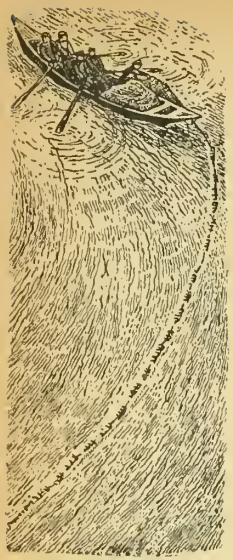
А дядя стал рукой показывать и говорит:

— Вон, где пробки на воде, это верх, и оттуда он вниз висит до самого дна, а железки на самом дне лежат. И теперь рыбе никуда нельзя уйти, потому что ее неводом загородили.

КАК НЕВОД ВЫТАСКИВАЛИ



Я не стал на дядю глядеть, потому что рыбаки начали наматывать веревки на катушки. Потому что там большие катушки на берегу стояли. Больше, чем человек. И из катушек большие палки торчали.



Рыбаки эти палки пихали со всей силы, и катушки вертелись. И всё наматывали веревку.

А тут мальчик какой-то закричал:

— Ой, тянут, тянут!

И еще мальчики побежали и стали рыбакам помогать крутить катушки. Я тоже хотел побежать и тоже закричал:

— Ой, ой, тянут!

Бабушка меня за руку держала, а я вырвал руку и побежал. Бабушка не побежала.

А потом я прибежал, где рыбаки, и не мог достать, чтоб палку пихать, и я стал мальчика одного сзади пихать, чтоб помогать. А они начали смеяться, а я все равно пихал.

Тогда пришла бабушка и сказала, что я нехорошо делаю и дядям мешаю, и они боятся, что на меня наступят.

Один дядя все кричал:

— А ну, еще! А ну, навались!

И я тоже кричал:

— А ну, навались!

Мне очень хотелось, чтоб и я тоже толкал, а бабушка сказала, что довольно, и меня потянула. Я не плакал, потому что все глядели и мальчики смеялись.

КАКИЕ В НЕВОД РЫБЫ ПОПАЛИСЬ

Потом я посмотрел на реку, а пробки совсем уж близко были. И рыбаки пошли прямо в воду и стали тащить, где пробки. И стал из воды выходить невод. И все люди побежали смотреть, что там будет.

А там большой-большой мешок. Он тоже из сетки, и в нем что-то было видно. А потом его еще вытянули, и там были рыбы. Они очень блестели и прыгали, а их вынимали оттуда.

Один — самый главный — рыбак все кричал:

— Гляди, щука! Береги руки!

Меня бабушка тянула вперед, чтоб я видел. А я все равно видел: я сел на корточки и через ноги видел. Потому что дядя стоял. Если тетя какая-нибудь станет, то юбка, и ничего не видно. А это впереди дядя был, что приехал с лошадью. Я тоже закричал:

— Щука! Береги руки!

Этот дядя посмотрел на меня и потом говорит:

— А ты знаешь, какая щука?

Я ничего не сказал, потому что не знал, какая. А дядя вдруг схватил одну рыбу и говорит:

— Вот она, щука! Сунь ей палец — откусит.

А я встал — и назад, потому что он прямо на меня щукой. Она хотела выскочить, и я боялся — вдруг он ее пустит и она меня укусит.

А один мальчик мне показал руку.

— Вот, — говорит, — пальца нет. Это щука откусила.

Дядя взял и щукой на меня пихнул и крикнул:

— У-ух!

Я закричал:

— Ой!

И я зашел скорей за бабушку, потому что он мне щукой в самый нос, а она живая. Потом были совсем широкие рыбы, и дядя говорил, что это лещи.

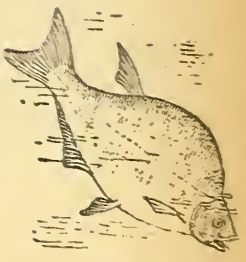
Щука

Рыб всех вынимали из невода, и там были совсем маленькие еще, с красненькими перышками, и это окуньки, я знаю, потому что мы потом ели таких.

Мы у той тети ночевали и вечером ели окуньков: у них красненькие перышки снизу. И еще я потому знаю, что один дядя рыбак дал мне такого окунька и сказал:

— Держи! Ты помогал, вот тебе за работу.

А я боялся держать, потому что он был живой и дергался. Я все-таки держал, а потом дал бабушке, чтоб она держала. А в неводе всё рыбы, рыбы, и вдруг была шапка, совсем мокрая и черная. Бабушка сказала, что это какой-нибудь мальчик уронил в воду, она намокла и потонула. Бабушка сказала, что вот уже темно совсем и надо итти, что теперь рыбу уже положили на телегу и вон дядя повез ее.



Лещ

А мальчишки все набрали маленьких рыбок. Они в шапки набрали и понесли. Я сказал, что тоже хочу в шапку, а бабушка сказала, что мне уже дали рыбку, а они побольше — им и дали побольше.

Я сказал, что боюсь щуки. Бабушка сказала, что ее надо бояться. Она очень кусачая, она всех рыб заедает, даже маленьких утеночков хватает. Они плывут по воде, а она снизу зубами за ножки утянет и съест.

У ней во рту всё зубы и очень острые, как булавки. Даже хуже.

Ерш

МЫ ПОШЛИ НОЧЕВАТЬ

Окунь

Бабушка сказала, что мы сейчас пойдем в деревню — купим молока. Я молока попью, и спать.

Бабушка сказала, что вот в эту стеклянную банку мы молока возьмем.

А потом вдруг говорит:

— А мы вот что сейчас сделаем.

И пошла к самой реке. И в банку набрала воды прямо из реки. И туда окунька кинула. А он взял и стал там плавать! Я закричал: «Ура! Ура!» и стал хлопать в ладоши. И кричал:

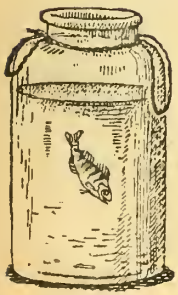
— Смотрите! Смотрите, что у нас!

И никто не пришел, потому что мальчики ушли домой с рыбами. Я сказал бабушке, чтоб дала мне нести. А бабушка сказала, что я буду смотреть на рыбку, а не на дорогу, и упаду. И тогда все пропало: потому что банка разобьется, и тогда что мы будем делать?

И мы принесли окунька к тете, у которой нам ночевать. А за молоком не пошли. Потому что у тети молоко уже было. Окунька поставили на стол, и он плавал в банке. Мы пили молоко и смотрели на окунька.

Я тете сказал, что мы его в Киев повезем и он у нас будет жить. И я ему буду давать есть каждый день. И что я ему буду всё давать.

Тетя засмеялась и сказала, что, наверное, я ему компот буду давать. А бабушка не стала смеяться и сказала, что она знает, как с рыбками надо. И что у нее есть про это книжка. А у знакомых есть большой ящик, стеклянный такой. И она принесет его к нам. И туда можно воду наливать. Мы нальем, и будет видно, что́ там окунек делает. А он там плавать будет.



Я сказал тете:

— Вот и совсем не компот. И ничего не смешно.

И сказал:

— Ага!

Бабушка вдруг рассердилась и сказала:

— Фу, как гадко говоришь! Выйди из-за стола.

Я сначала не вышел, а потом вышел.

Бабушка велела, чтоб я сейчас же раздевался, и там, на сундучке, — постель. Я хотел лечь, а бабушка мне сначала ноги помыла в тазике и ничего не говорила. Только говорила:

— Фу, как гадко!

Потом я лег и потихоньку говорил:

— Вовсе не компот. И не смешно.

А потом заснул.

Полумесяц

КАК МЫ ДОМОЙ ПРИЕХАЛИ

Утром мы поехали домой. И повезли окунька. На пароходе все смотрели и говорили:

— Это что же?

И потом говорили:

— Ишь, окунек какой!

И все знали, что я окунька везу.

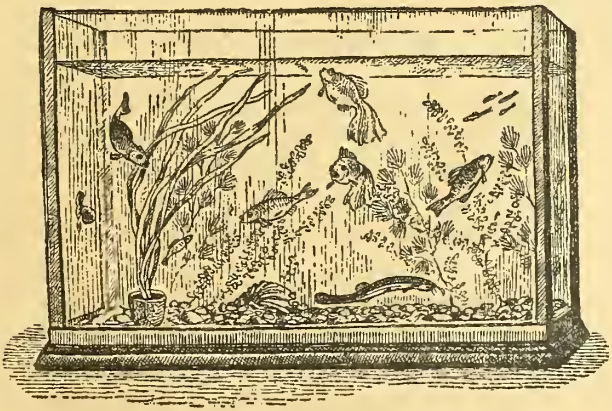
Я сам его все время держал.

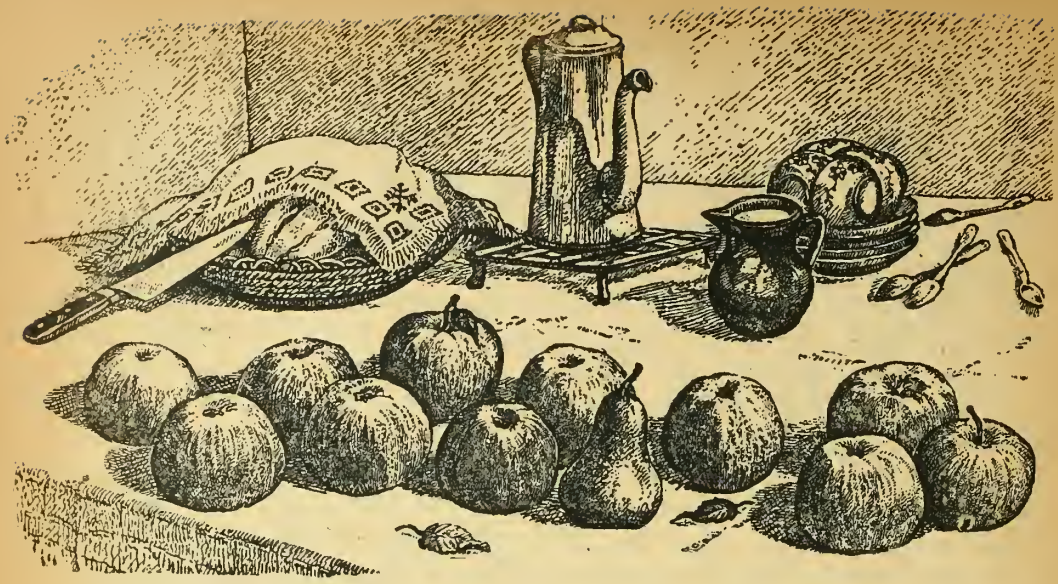
А когда мы с бабушкой пили чай в Киеве, Клава тоже с нами пила. И смотрела, как плавает окунек.

Она принесла камешков, чтоб пустить к нему в банку. Бабушка сказала, чтоб камешки сначала помыть под краном, а потом пускать.

Клава помыла и напустила камешков к окуньку.

Вуалехвост





КОЛХОЗ

МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ ПРИЕХАЛ К НАМ

Вдруг кто-то позвонил, и Клава побежала спрашивать кто. А это пришел один дядя. Бабушка сказала:

— Здравствуйте! Садитесь, пожалуйста. Выпейте чайку с нами.

И сказала: «Матвей Иванович», и еще сказала: «пожалуйста».

Я тоже говорил «Матвей Иванович» и «пожалуйста», потому что он мне очень понравился. У него большие сапоги, как у военного, и очень красивая рубашка, потому что на ней сделаны разные цветочки: красненьким, и черненьким, и желтеньким. Он сел, а потом встал и сказал:

— Что же яблочка-то? Я же вам яблочков привез.

Он пошел в прихожую. И Клава за ним побежала. А я не побежал, потому что бабушка сказала:

— Сиди, пожалуйста.

Клава все равно ничего не увидала, потому что Матвей Иванович принес деревянный чемоданчик. И ничего не было видно. Потом он сел и чемоданчик положил на колени. А Клава за ним стояла и все смотрела.

Бабушка ей сказала:

— Не егози и сядь на место.

Она села, а я ей сказал, только тихонько:

— Ага!

ОЧЕНЬ БОЛЬШОЕ ЯБЛОКО

Матвей Иванович раскрыл чемоданчик и вынул оттуда яблоко. Оно было такое большое, что больше бабушкиной чашки. И очень красивое. Оно очень красное. Бабушка сказала:

— Кладите на блюдечко.

А оно — как раз во все блюдечко: такое большое. И потом Матвей Иванович еще вынул, и еще, и еще. И весь стол заставил яблоками. И все говорил:

— Ось, ось, ось...

А это не ось, а значит «вот».

И сказал:

— Ось какие у нас!

Бабушка говорит:

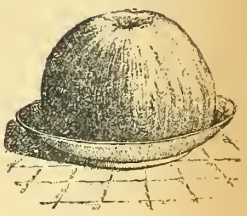
— Это что же, апорт?

Матвей Иванович говорит:

— Да, да. Это апорт.

Это такие яблоки называются «апорт».

А потом мы стали их есть, и они очень вкусные.



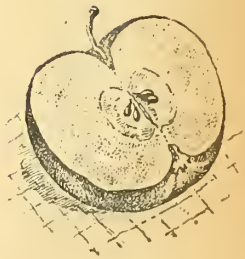
ПРО САМОЕ МАЛЕНЬКОЕ НА СВЕТЕ ЯБЛОЧКО

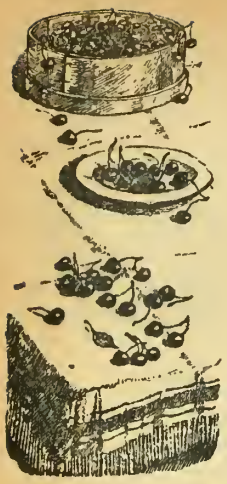
Мне было жалко есть мое яблоко, потому что оно очень красивое. И я его катал по дивану. Бабушка сказала, пусть оно будет мое, а есть мне дала половину от своего яблока. Я ее очень долго ел, а потом оставил на после. А Матвей Иванович стал смеяться. Он меня не «мальчиком» называл, а «хлопчиком».

Матвей Иванович сказал:

— Ха-ха-ха! Хлопчик ел-ел, аж уморился. Приезжай к нам. Я тебе яблочков дам. Ось каких!

И стал показывать на пальце. Совсем немножко.





Я сказал:

— Я знаю, это не яблочко, а вишня.

Матвей Иванович опять стал смеяться:

— Ха-ха-ха! Вишни уже все поели и на варенье поварили. А то яблочки.

И все стали на меня глядеть, и Клава тоже.

Я сказал:

— Я все равно знаю: это не живое, а кукольное яблочко. Это на елке такие.

Матвей Иванович меня потянул за руку, совсем к себе. И посадил на коленку. И сказал:

— Ты слухай, хлопчик!

Я засмеялся, что «слухай». И Матвей Иванович тоже засмеялся. И опять сказал:

— Ты слухай!

КАКОЙ САД ЕСТЬ В КОЛХОЗЕ

И сказал, что есть дерево большое, а яблочки на нем маленькие, как вишни, и их там много-много. И они настоящие. И в них тоже косточки. Если косточку посадить в землю, так вырастет дерево, а потом на нем яблочки вырастут. Тоже такие маленькие. Из них варенье варят. И еще у них растут яблочки побольше. Они — как мой кулак. Матвей Иванович сказал, чтоб я кулак сделал и чтоб я всем показал. И я Клавке показывал. Она тоже кулак сделала. А Матвей Иванович сказал, что не такие, а такие, как мой. И потом есть яблочки длинненькие. Только их очень мало.

А еще есть такие зеленые. А они совсем не зеленые, а поспели. И очень вкусные. А потом у них есть сливы. Есть очень большие. Чуть не с яйцо. И желтого цвета. И что если я две такие съем, так больше уже мне нельзя давать. Потому что я могу объесться. А Клава может съесть только три таких. А бабушка сказала, что она знает эти сливы и больше одной никогда не ест. Даже когда в варенье.

Я стал тихонько просить, чтоб туда ехать. И чтоб сейчас. А Матвей Иванович услыхал и сказал, что это далеко и что туда надо ехать на лошадях. Что весь этот сад в колхозе. И я увижу, какой это колхоз, когда приеду с бабушкой на лошадях.

Я сказал:

— Ну да! А у нас лошадей нет.

МЫ ПОЕДЕМ В КОЛХОЗ

Матвей Иванович сказал, что у них есть лошади. Много всяких. И он пришлет, чтоб повезли бабушку. И меня тоже. Потому что там очень хотят, чтоб бабушка приехала и научила бы девочек делать корзиночки. И еще, чтобы показала, как делать представление. Потому что у них есть школа, и в школе будут устраивать представление.

Мальчики и девочки оденутся по-разному и будут представлять про партизан.

Я сказал, что я тоже хочу посмотреть. И маленькие яблочки тоже хочу. И сливы великанские тоже хочу.

А Матвей Иванович все смеялся и говорил:

— Ге-ге! У нас еще орехи растут. От них пальцы черные.

Я сказал, что вовсе не черные. И что Матвей Иванович нарочно говорит. А я не боюсь.

Матвей Иванович сказал:

— Ось побачишь.

Я слез с колена и тихонько сказал бабушке:

— Что это: «ось побачишь»? Зачем он мне так говорит?

А бабушка сказала:

— Это значит: «вот увидишь».

И Матвей Иванович сказал, что орехи так пачкают, что хуже, чем чернила: потом три дня руки не отмоешь.

ГРУША ДЮШЕС

Потом Матвей Иванович стал уходить. А бабушка ему говорила, чтоб он еще чай пил. Он сказал, что он больше не хочет чай пить, а чтоб бабушка съела грушу.

Он пошел в прихожую, и Клавка опять за ним побежала. И я тоже побежал. Я только до двери добежал. И увидал, что у Матвея Ивановича там корзиночка с крышечкой. Крышечка тоже из прутиков.

Матвей Иванович вынул оттуда грушу, большую-пребольшую. Он ее за хвостик понес прямо к бабушке.

Груша совсем коричневая, как будто печеная. А она не печеная. И ее надо тихонько брать, потому что очень мягкая.

Бабушка закричала:

— Ах, какой большой дюшес!

Я тоже стал кричать:

— Почему дюшес?

Бабушка сказала:

— А это груша — дюшес.

А я кричал, чтоб мне дали подержать. И мне дали немножко подержать. А есть ее никому не дали. Бабушка сказала, что сначала ее нарисует, чтоб потом девочкам вышивать. Потому что она очень красивая.

А Матвей Иванович говорил, что скоро пришлет лошадей. И нас повезут в колхоз, где все растет. И яблоки всякие, и маленькие и большие. Груши, вот такие, прямо на дереве висят, и еще есть ягоды разные.

А потом прямо на земле растут арбузы, и я увижу, как они растут. И там есть один такой большой, что его повезут показывать в Москву. Потому что он — прямо как самовар.

МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ УЕХАЛ

Я хотел плакать, чтоб меня Матвей Иванович взял с собой. А бабушка на меня поглядела, и я не стал.

А потом Матвей Иванович погладил нашу кошку и сказал:

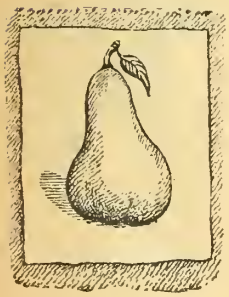
— Ну, бувайте здоровеньки.

И ушел.

А мы все пошли опять смотреть грушу. Бабушка ее стала рисовать, и я тоже захотел рисовать. И Клава тоже стала рисовать. У Клавы немножко вышло, а у меня не вышло. А я все равно нарисовал домик.

А у бабушки вышла настоящая груша. Только она очень долго рисовала.

А мы с Клавой стали ловить кошку, чтоб ее купать. Бабушка услыхала и сказала, чтоб не смели. А что кошку можно чесать гребешком.



И мы с Клавой стали чесать.

МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ ЗА НАМИ ПРИСЛАЛ ЛОШАДЕЙ

Я все бабушку спрашивал, когда поедем в колхоз. А потом вдруг утром бабушка меня разбудила и сказала, чтоб я скорей одевался и что лошади приехали. И чтоб я очень скоро пил молоко. И зажгла электричество, потому что было не очень

светло. Мы скорей пошли на улицу, а там стояли две лошади и тележка, очень красивая. Она зеленая, и еще цветочки нарисованы. А на тележке скамеечка.

Около лошадей стоял дядя. Он поправлял у лошадей на головах волосы.

Он сказал бабушке:

— Здравствуйте, Марья Васильевна! С внучком?

Бабушка сказала:

— Здравствуйте, Опанас.

И дядя Опанас стал бабушке помогать залезть в тележку. А потом взял меня подмышки и посадил рядом с бабушкой на скамеечку.

А скамеечка не просто скамеечка, а это ко́злы, чтобы сидеть и править. Дядя Опанас тоже к нам залез. И тоже сел на скамеечку.

Мы поехали, и наша скамеечка стала немножко подскакивать. И потом опять вниз. И нас качало. Это потому, что под скамеечкой такое железо подставлено: оно гнется очень, и нас оно качало.

Я стал еще больше качаться и толкал бабушку и дядю Опанаса, и мы все смеялись. А на улицах совсем никого не было. Бабушка сказала, что все еще спят в постелях. Лошади очень скоро бежали, а дядя Опанас только кнутик достал, они сразу еще скорей. Мы с бабушкой чуть назад не упали. У скамеечки сзади спинка есть, потому мы с бабушкой и не упали.

И дядя Опанас смеялся и говорил:

— А вы держитесь!

КАК МЫ ЛОШАДЕЙ ПОИЛИ

Я попросил дядю Опанаса, чтоб дал мне кнутик держать. Я только держать его буду. И я держал.

А потом мне стало холодно. Бабушка закрыла меня платком. Я сказал, чтоб теперь бабушка подержала кнутик, потому что я спать захотел. И я заснул, а бабушка меня держала, чтоб я не упал.

Я проснулся. А мы не едем, а стоим. И мы не в Киеве, потому что просто под деревом стоим.

И дома́ такие, как там, где мы невод смотрели. А кругом стоят мальчики и девочки.

Они все босиком, и все на нас с бабушкой смотрят, и все говорят:

— Бачь — хлопчик! Бачь, який хлопчик!

И на меня пальцами показывают.

Их очень много было. Дядя Опанас ушел, и я немножко забоялся и не стал на мальчиков глядеть. Я стал вверх глядеть, на дерево.

А один мальчик крикнул:

— Гей, хлопче! Як тебе зваты?

Бабушка сказала, чтоб я ответил, что меня Алешей зовут. А я хотел заплакать, потому что они все стоят и глядят.

А тот мальчик совсем подошел и на колесо влез и прямо мне сказал, чтоб я говорил, куда еду. А я в платок спрятался.

Все мальчики стали смеяться и кричали:

— Гу! Гу!

Бабушка сказала им, что я испугался. А они все равно кричали «гу». Потом они сразу перестали, а это дядя Опанас пришел.

И я стал глядеть, как он ведро держал, а лошадь — мордочкой в ведро и все ведро выпила.

Дядя Опанас опять ушел, и я видел, что он пошел по дороге.

Там был на земле круг большой из камня. А посредине дырка. Дядя Опанас в дырку пустил ведро. Ведро не упало, потому что на веревке.

Дядя Опанас веревку пускал, пускал, а потом стал вверх тянуть.

Я стал бабушку спрашивать:

— Почему? Почему?

Бабушка сказала, что не «почему», а что там яма. Ее нарочно выкопали. Она очень глубокая, и там внизу вода. И это называется колодец. Туда из земли вода натекает. А камни кругом — это чтоб не упал никто. Оттуда все воду берут.

ШЕЛКОВИЦА

Я сказал, что боюсь мальчиков.

Бабушка сказала, чтоб я не боялся и что мы сейчас дальше поедем. Надо и другую лошадку напоить.

А потом девочка одна тоже полезла к нам и стала мне в руки давать ягодки.

Они совсем черные, и на каждой ягоде много маленьких.

Бабушка сказала:

— Возьми.

Я взял и сказал, что знаю: это малина.

А девочка сказала:

— Не знаешь — то шелко́вица.

И засмеялась. Я хотел бросить ягоды: чего она смеется и нарочно говорит «шелковица»?

А бабушка сказала:

— Ну да, шелковица. Скажи спасибо.

И сама сказала девочке «спасибо», потому что я не хотел. Я бабушке ягоды отдал.

Бабушка стала вверх, на дерево, показывать:

— Вон, гляди, ягоды — вон она, шелковица. Малина на кусте растет, а не на дереве.

А я не хотел глядеть, потому что все девочки и все мальчики тоже стали глядеть и пальцами стали на дерево показывать:

— Ось, ось!

А я не глядел на дерево, а глядел, как другая лошадка пьет. Дядя Опанас потом залез к нам на скамеечку, и мы поехали. Мальчики немножко побежали, а один поехал, потому что он сзади прицепился. А потом он отцепился.

Только он крикнул:

— Я знаю, вы у колхоз едете!

Мне стало жарко, потому что солнце было очень сильное и прямо на нас. Бабушка сняла с меня курточку, и туфли, и носочки. Я сказал, что хочу пить.

Дядя Опанас сказал, что он тоже хочет пить и что мы с ним будем в колхозе есть арбуз. Как приедем, так сейчас будем есть арбуз. Я хотел с дядей Опанасом есть арбуз и не стал просить пить.

Ветка шелковицы

КАК ИЗ ЗЕМЛИ ХЛЕБ РАСТЕТ

Дорога пошла вверх, и лошадки стали итти тихо. Не бежали, а шагом шли. Дядя Опанас соскочил на дорогу. Он вожжи не выпустил, а пошел рядом. Это он потому выскочил, чтоб лошадкам без него было легче.

А потом дядя Опанас говорит:

— Вон хлеб какой у нас!

А там никакого хлеба не было.

Там сбоку стояли соломенные горки.

Я думал, что дядя Опанас нарочно говорит, и закричал:

— Я знаю, это солома!

А дядя Опанас говорит:

— Нет, хлеб.

Я стал смеяться, потому что хлеб не такой. Я сказал, что знаю, какой хлеб: круглый, и его можно есть.

Дядя Опанас сказал, что и этот есть можно.

Я спросил:

— А как же его есть?

Я все думал, что он нарочно. И сказал:

— Ха-ха-ха! Вы его не будете есть.

Дядя Опанас сказал:

— А вот и буду.

И отдал бабушке вожжи. А потом говорит:

— А ну, пойдем со мной! Увидишь, как я буду есть.

Ячмень

Снял меня на землю, и мы пошли по дороге. Прямо к этой соломе.

Только я не мог итти. Потому что из земли тоже росла солома. И она сострижена и стоит торчком. Как щетка. Она мне заколола ноги, потому что я был босиком.

И я закричал:

— Ай, ай!

И сел на землю. И стал плакать. А дядя Опанас взял меня на руки и понес. Прямо к этой соломе.

А эта солома лежала горкой. Дядя Опанас сказал, что это — копна и что он сейчас будет есть. Дядя Опанас поставил меня на землю так, чтобы меня не кололо.

Потом он потянул одну соломинку. А там на конце вдруг толсто. И всё волосики, волосики.

И дядя Опанас сказал:

— Ось колос, а в нем зерно.

И он пальцами стал вынимать из колоса зернышки. Они круглые и немножко длинные.

Дядя Опанас их набрал в руку, а потом сказал:

— Видал?

Я говорю:

— Видал.

Потом дядя Опанас сказал:

— А теперь съем.

Он взял и с руки высыпал себе в рот все зернышки. И стал есть зубами. А потом сказал:

— Вот и съел. Видал?

Я сказал:

— Я тоже хочу.

Дядя Опанас вытянул еще соломину, и на ней тоже был колос. Он мне дал.

А потом вдруг говорит:

— А кони наши где?

И схватил меня. И понес бегом. Мы побежали по полю. А на поле все стояли эти копны из соломы. А там на каждой соломине — колос, а в колосе — зерна. И их можно есть.

Пшеница

КАК Я ЗЕРНА ЕЛ

Дядя Опанас поставил меня на дорогу. Там пыль и очень мягко. И мы побежали догонять бабушку.

А бабушка не ехала, а стояла, потому она остановила лошадей.

Потом мы все сели и поехали. И я бабушке показывал, какой колос.

Я тоже вынимал из него зерна, как дядя Опанас. Я их тоже стал есть.

Они твердые, и их надо раскусывать. А потом зубами тереть.

Бабушка сказала, что их всегда на мельнице трут. Их до того трут, что они делаются совсем как порошок. И это мука. А потом муку вместе с водой перемешивают, и это тесто. Из него налепят караваев и положат в печку. И выйдет хлеб.

А я сказал, что все равно это хлеб, потому что можно и так есть, только очень долго. И я все зерна съел. Их было очень много в колосе.

Овес

Я ДУМАЛ, ЧТО ПОЕЗД, А ЭТО НЕ ПОЕЗД

Мы ехали, ехали, и вдруг я закричал:

— Паровоз! Паровоз! Вон поезд идет! И товарный вагон!

А бабушка и дядя Опанас стали говорить:

— Где, где?

Я им показал где. Бабушка засмеялась, а дядя Опанас сказал:

— А что ж твой поезд стоит?

А там стоял паровоз. Только у него высокая труба. А сам он очень маленький. А вагон очень большой. Прямо как дом. Дядя Опанас тоже стал смеяться.

И они стали вместе с бабушкой говорить:

— Что же он никуда не едет, твой паровоз?

А потом бабушка сказала, что это молотилка.

Я рассердился, что они смеются, и сказал:

— Я знаю: колотилка.

Дядя Опанас еще больше стал смеяться. И сказал:

— Как тебя в нее вкинуть, так она тебя хорошо поколотит. Вон, смотри, как туда хлеб кидают.

Мы совсем близко подъехали, и я увидел, что там много людей и они туда кидают.

Это они в молотилку кидали такой хлеб, как мы с дядей Опанасом видели.

А молотилка эта — как вагон большой. В нее кидают хлеб, и его там так колотит, в этой молотилке, что из него все зернышки выпадают. Изо всех колосьев.

В этой молотилке в середине такая машина устроена, чтоб выколачивать зернышки.

Только эта машина сама крутиться не может, ее крутить надо. И ее не люди крутят, а тот паровозик.

Дядя Опанас сказал, что этот паровозик сам никуда не ходит. А он только молотилку крутит. И его называют не паровоз, а локомобиль.

Я сначала не мог сказать «локомобиль», а потом мог. Потому что я все говорил:

— Локомобиль, локомобиль...

Бабушка сказала мне:

— Перестань!

А я сказал, что я есть хочу. Дядя Опанас сказал, что он тоже хочет есть. Только он яблоко будет есть. Потому что мы скоро приедем. Я тоже сказал, что я буду только яблоко есть. Дядя Опанас вынул яблоко из кармана. Он пустил вожжи и захватил руками яблоко крепко-крепко. А оно — крак!.. — и поломалось. И он дал мне половинку. А бабушке дал целое. Бабушка сказала «спасибо» и сказала, что не хочет.

КАК МАЛЬЧИК НА ЛОШАДИ СКАКАЛ

Василек

А вдруг дядя Опанас говорит:

— Ой, кто-то нам навстречу на коне скачет! Ой, как быстро!

Дядя Опанас поехал совсем в сторону и совсем даже лошадей остановил. Потом встал на ноги и стал смотреть. Я тоже встал и тоже смотрел. Там верхом ехал на лошади дядя. И лошадь бежала изо всей силы. А потом мы видим, что это не дядя, а мальчик.

Дядя Опанас стал кричать:

— Гей! Гей! Что случилось?

А мальчик вдруг стал лошадь останавливать. И начал говорить очень скоро.

Я не знал, про что он говорит, потому что по-украински.

Дядя Опанас вдруг крикнул:

— Петька утоп?! Вытащили? Неживой? Гони за фершалом!

Бабушка тоже встала на ноги. И закричала:

— Опанас! Скорей, скорей едем!

КАК МАЛЬЧИК УТОНУЛ

Мы сели, и дядя Опанас как погнал лошадей, так я испугался, потому что думал, что тележка упадет набок. А потом, что я упаду. И я держался со всей силой за бабушку. Мы ехали вниз, и внизу была вода. Около воды стояли люди и еще стояла тележка. Мы прямо туда ехали. Мы совсем подъехали и стали.

Дядя Опанас соскочил. Бабушка тоже соскочила, и они побежали туда, где люди. А люди всё кричали. Мне не стало видно ни бабушки, ни дяди Опанаса. Я стал бояться. Я хотел к бабушке, а слезть с повозки тоже боялся. Потому что очень высоко.

Я хотел заплакать, а на меня никто не смотрел. Я стал слезать. Я слезал и упал. Только не очень сильно.

Я побежал туда, где люди.

Там я увидел мальчика. Он был совсем голый. И лежал на земле.

Бабушка стояла около него на коленках.

И все говорили:

— Она старый человек, она знает.

И еще говорили:

— Она учительница, она ученая. Она знает, как спасать.

Я хотел пойти к бабушке, а один дядя сказал:

— Ты откуда? Не мешай тут.

И не пустил меня никуда. А я все равно никуда не ушел. Я ничего не видел и все стоял.

Потом все перестали говорить, и стало тихо.

МАЛЬЧИК ОПЯТЬ СТАЛ ЖИВОЙ

Потом вдруг все закричали:

— Глазами моргает! Глазами моргает!

Это, наверное, мальчик глазами заморгал.

И все стали кричать потом:

— Живой, живой!

А потом я услыхал, как бабушка закричала:

— Алешка, Алешка где?

Бабушка совсем сзади меня кричала:

— Алешка, куда ты делся?

И все стали меня искать. А потом дядя Опанас меня нашел и повел. А там бабушка сидела. Очень красная. Прямо на земле сидела. И совсем мокрая. Это потому, что она вспотела.

Бабушка говорила:

— Ох, устала! Ох, устала! Ох!

А все люди говорили, что вот приедет фельдшер, а Петя уже живой. Потому что это бабушка его вылечила.

А потом прибежала одна тетя и так стала целовать бабушку, что совсем на землю повалила.

И все сказали, что это Петина мама и что она сюда бегом прибежала. Бабушка потом пошла к воде и стала мыться — это она от жары.

Потом мы поехали, и дядя Опанас все говорил:

— Ай Марья Васильевна! Ну уж Марья Васильевна!

А потом мы уж приехали, где был сад. Вот это мы приехали в колхоз.

КАК МЫ В КОЛХОЗ ПРИЕХАЛИ

Только мы поехали не в сад, а поехали туда, где дома́. И прямо к нам идет дядя. У него желтая шляпа из соломы. А это Матвей Иванович. Он стал бабушке руку подавать, чтобы вылезти.

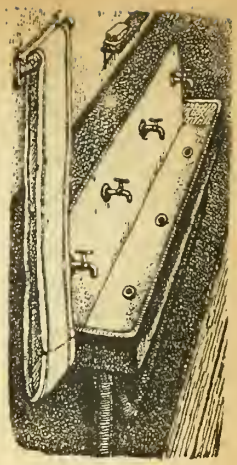
И он сказал:

— Марья Васильевна, почему вы очень красная?

А дядя Опанас сказал:

— Это потому, что она Петьку откачивала.

И дядя Опанас рассказал, что Петька в пруду купался и утонул.



А его мальчики вытащили, и он не дышал и был совсем холодный, а потом один мальчик поехал на лошади, чтоб доктора позвать. Мальчик ехал за доктором и нас встретил. И сказал нам, что Петька утонул. А мы как поехали, прямо изо всей силы. Бабушка как стала Петьку лечить, так он глазами заморгал и дышать стал.

А Матвей Иванович все говорил:

— Ай, ай, ай!

А потом сказал:

— Ну, идемте мыться.

А на бабушку пыль насела. Она прямо не красная, а черная. Бабушка сказала, что я тоже черный.

Там у них умывальник очень длинный. Он весь железный. И нам всем места хватило, и мы все сразу мылись. А потом вытирались.

КАК МЫ В КОЛХОЗЕ ОБЕДАЛИ

Я сказал дяде Опанасу:

— Дядя Опанас, а теперь арбуз?

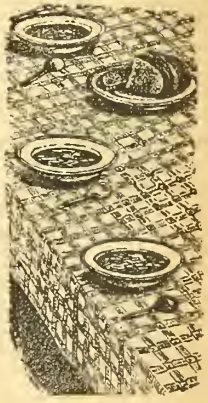
Дядя Опанас сказал:

— Ну да — арбуз. Идем в столовую.

Я закричал бабушке:

— Мы идем арбуз есть!

И я взял дядю Опанаса за руку.



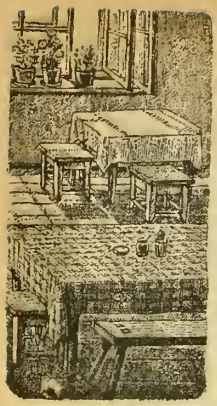
А Матвей Иванович пришел и говорит бабушке:

— Марья Васильевна, какой у нас борщ сегодня вкусный! Идемте к нам в едальню.

Я сказал:

— Ну вот! Говорили — арбуз, а теперь — борщ.

И сказал, что я не хочу в едальню. А хочу, где арбуз. Бабушка мне велела, чтобы я перестал кричать. А то ни арбуза, ни борща не будет. А когда мы пришли в эту едальню, так там на столе уже стояло три тарелки. И в тарелках борщ. И еще тарелка, и на ней хлеб.



Стол большой-пребольшой. Прямо во всю комнату. И потом маленькие столики. Только они у самых окон, и там солнце. И очень жарко.

Я сначала не хотел есть борща. Он очень горячий и красный. И там картошки горячие.

Я тихонько говорил, что не буду его есть. И все смотрел, где арбуз лежит. А он нигде не лежал.

Дядя Опанас взял кусок хлеба, а потом набрал в ложку борща и стал дуть. А потом как начал есть! И стал говорить:

— Ай да борщ! Это ж борщ! Ну и борщ!

А потом мне сказал:

— Что ж ты плохо справляешься?

А я сказал, что потому, что горячий. И тоже взял ложку и стал дуть.

Бабушка говорит:

— Ты потише, брызгаешь на меня.

Это я очень сильно дул. И я стал, как дядя Опанас: хлеб кусать и борщ есть.

И я тоже сказал:

— Ай да борщ!

А бабушка на меня не глядела.

И я всю тарелку съел и картошку не оставил, а тоже съел.

И мне стало очень жарко.

Дядя Опанас сказал:

— Вот теперь кавуна.

И ушел. А я думал, какого он кавуна принесет. Если вроде макарон, так я не буду есть, потому что я совсем не могу.

КАВУН

Бабушка собрала тарелки и ложки и ушла куда-то. А я очень этого кавуна боялся.

Потом пришел дядя Опанас, и я скорей стал смотреть, что он несет. А дядя Опанас принес арбуз.

Я сказал:

— А кавун?

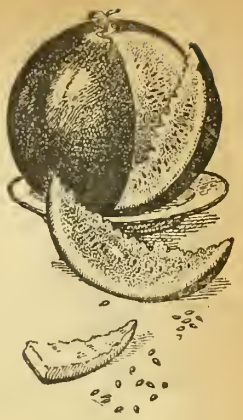
Дядя Опанас засмеялся и сказал, что это и есть кавун.

А тут бабушка пришла, и она тоже смеялась.

А это по-украински арбуз называется «кавун».

Я очень обрадовался и сказал, что я боялся кавуна.

Дядя Опанас как взял ножик, как стукнул кавун ножиком — кавун сразу лопнул. И даже затрещал. И на нем щелка сделалась.



Бабушка сказала:

— Ого, какой спелый!

Дядя Опанас сказал:

— А как же!

И разрезал кавун. Он красный. Мы стали его есть. Он был холодный.

Дядя Опанас сказал, что они арбузы в погребе держат. Нарочно, чтоб они холодными были.

А в кавуне черные косточки. Их не надо есть. И мне дядя Опанас сказал, что если косточку посадить в землю, так вырастут листочки. А потом все больше, больше, и они не вверх будут расти, а будут лежать на земле.

И вырастут по земле длинные-длинные ветки, зеленые и с листьями. А потом на них будут желтые цветочки. А потом цветочки отпадут, и останется шишечка. Маленькая-маленькая, как орешек. Это и есть кавун, только маленький. А потом шишечка станет с яйцо. А потом с кулак, а потом больше, больше — и станет настоящий арбуз.

БАШТАН

КАК Я ПОШЕЛ НА БАШТАН

Дядя Опанас сказал, что мы пойдем смотреть, как растут кавуны, и как растут дыни, и как растут кабаки.

Я стал смеяться:

— Ха-ха-ха! Кабаки!

А бабушка говорит:

— Это тыквы. Ты все равно ни одной тыквы не видал.

Дядя Опанас сказал, что у них «во какие тыквы!» И руками показал.

— Тебя на нее посадить можно. Вот увидишь.

Бабушка стала говорить, чтоб я больше не ел кавуна, потому что я очень много его съел.

Матвей Иванович пришел и сказал, чтоб бабушка шла отдыхать. А дядя Опанас сказал, что он со мной пойдет — показывать, как растут кавуны, что мы пойдем на баштан. А баштан — это где они растут.

Дядя Опанас взял меня за руку, и мы пошли по дороге. А около дороги был забор, только очень низенький. И там был сад.

Я очень хотел пойти в сад, потому что видел яблоки. Они были на деревьях.

На деревьях листья, а между листьями яблоки: красные, белые и зеленые, и желтые тоже.

А дядя Опанас не хотел туда итти и сказал, что это потом будем смотреть. А вот пошли смотреть арбузы, так и надо итти, где арбузы.

Я спросил:

— Далеко?

— А как же! Еще итти да итти. Хочешь арбузы смотреть, так уж иди.

И еще скорей пошел. А это вовсе не очень далеко, потому что мы скоро пришли. Там деревьев никаких не было, а на земле всё большие листья.

Я думал, что нарочно положены. А это они растут так. Они над самой землей растут: листья, потом круглые шары, только желтые, а не зеленые. Очень большие.

ДЕДУШКА

Дядя Опанас сказал:

— Вот кабаки! Тебя посадить на кабак, так ногами до земли не достанешь.

Я хотел пойти, чтоб сесть. Вдруг собака бежит. Очень большая. Прямо на нас — и лает. И потом другая собака, немножко меньше. И тоже на нас. Я испугался и закричал:

— Ой-ой! Дядя Опанас!

И я схватился за дядю Опанаса. А собаки всё бегут. И очень злые. Они совсем близко подбежали. А дядя Опанас вдруг как нагнется — и схватил кусок земли и крикнул:

— Геть, проклятые!

Собаки так и стали. Они рядом стояли и лаяли. И зубы скалили.

Дядя Опанас стал кричать:

— Диду! Га, диду!

А там дальше стоял домик. Только не домик, а одна крыша. Прямо на земле. И оттуда вдруг вышел дедушка. Он стал смотреть на нас. А потом пошел к нам. И он стал кричать собакам,

чтоб они уходили. И чтоб нас не кусали, потому что мы знакомые. Собаки стали смотреть на дедушку, а потом на нас. И только немножко лаяли и махали хвостами. Потом дедушка совсем к нам подошел и сказал дяде Опанасу:

— Здравствуйте.

И я тоже сказал дедушке:

— Здравствуйте.

Только я не очень громко сказал, потому что собаки подошли и я все равно очень боялся. А дядя Опанас увидал, что я боюсь собак. Поплевал на кусок земли и крикнул:

— На!

И бросил. А собаки побежали кусать эту землю, потому что подумали — может быть, это еда.

КАКОЙ САМЫЙ БОЛЬШОЙ КАБАК

Дядя Опанас сказал, что я бабушкин внук и что мы пришли смотреть бахчу. И как растут кавуны, и какие большие кабаки, и еще дыни. И мы пошли к дедушке в его домик. Домик называется шалаш. И мы шли потихонечку, потому что нельзя топтать листьев и веток. А ветки — как зеленые веревки. И мы пришли к очень большому кабаку. Дядя Опанас взял меня подмышки и тихонечко посадил на кабак. Я сел, и у меня ноги болтались, потому что я до земли не мог достать.

А дедушка сказал:

— Вот ты в Киеве расскажи, какие у нас в колхозе кабаки растут. В этот кабак тебя спрятать можно.

Я сказал:

— Не надо меня в кабак.

Дедушка засмеялся и говорит:

— А вот будешь листья топтать, так и посадим в кабак. А как не будешь, то мы тебе дыню дадим.

Я собак уже не боялся. Потому что они убежали. Они легли на землю, где дедушкин шалаш.

БУТЫЛОЧКИ

Потом я увидел очень смешное. Росли там бутылочки. Дедушка сказал, что это тыквы такие. Только похожи на бутылочки.

Когда они поспеют, их можно высушить и середину всю вынуть. И можно воду наливать. И семечки в них можно насыпáть. А сверху пробочкой закрывать. И так носить. Привязать к поясу и носить.

ДЫНЯ

Потом мы смотрели, как растет дыня. Одну мы видели длинную. И она зеленая. Только немножко желтая.

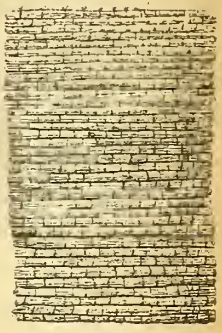
Дедушка сказал:

— Ты понюхай.

Я сначала не хотел, а потом понюхал.

Она очень хорошо пахнет.

Дедушка тоже совсем нагнулся и тоже понюхал, а потом вынул ножик и отрезал дыню.



И сказал мне:

— Неси. Мы ее будем есть.

И мы пошли в шалаш. Собаки встали и к нам подошли Только они не лаяли, а махали хвостами. И большая собака подошла ко мне, меня понюхала и лизнула прямо в ухо.

А я дыню нес двумя руками, потому что она очень тяжелая и не мог отогнать собаку. А она взяла и еще меня лизнула.

Дедушка ей сказал:

— Геть!

И топнул ногой. Она отбежала.

Мы залезли в шалаш. Я там мог стоять, как в домике. А дедушка и дядя Опанас не могли. И они стали на коленки.

В шалаше было совсем не жарко и очень хорошо. Потому что прохладно. А внизу был коврик из травы.

Это дедушка сам сплел из камыша.

А дядя Опанас вдруг говорит:

— А что я тебе, дедушка, принес!

Полез за пазуху и оттуда вынул что-то завернутое в платок. А в платке хлеб. Только круглый, как крендель. А я не знал, что мы крендель несем.

А я все равно сказал:

— Вот что мы принесли, только я не знал.

Дедушка сказал:

— Ну, спасибо вам, что калач принесли.

Собаки стояли около самого входа, на солнышке. Они на нас смотрели и облизывались.

У дедушки был черный хлеб. Он отрезал ножиком кусок, потом поломал пополам. И сказал мне, чтоб я дал собакам.

Я пошел к собакам. А они обе — ко мне. Я хлеб назад запрятал и боялся дать, чтоб они за руку не укусили. И хотел кинуть. А я только хлеб поднял, большая собака — гам! — и схватила. Она за хлеб схватила, а руку не укусила. Я отпустил и хотел крикнуть: «Ай, ай!», а не крикнул, потому что дядя Опанас и дедушка смотрели. А маленькая собака забежала сзади и тоже хлеб схватила. И прямо проглотила сразу. И они обе стали меня нюхать. И совсем мордочками тыкать. Я нарочно руки раскрыл и им показывал, что больше нет. И пошел в шалаш.

А они в шалаш не смели ходить. И опять легли на солнышке.

Дедушка разрезал дыню. Она там розовая. И еще больше пахнет. А в самой середине — длинненькие семечки. Их можно раскусить. У них кожура очень тонкая. И там в середине зернышко.

Дедушка сказал:

— Это что! А вот кабаковые семечки — так те самые вкусные.

И сказал, что потом даст и кабаковых семечек. А что сейчас будем дыню есть.

И мы все ели дыню. И я очень наелся дыней. Она вкусная. И в ней очень много соку.

АРБУЗЫ

Мы пошли смотреть, где арбузы растут. И смотреть самый большой арбуз. Мы тихонечко шли. А дедушка нагибался и арбузы немножко поворачивал. Это потому он арбузы поворачивал, что надо, чтоб солнышко их грело со всех сторон.

А самый большой арбуз я увидел, когда еще до него не дошли. Он был большой, прямо как самовар. Больше моего мячика надувного. Если мячик даже со всей силы раздуть, все равно такой не будет.

Дядя Опанас ухом прижался к самому арбузу, а потом пощелкал арбуз пальцем. И потом сказал, что арбуз еще неспелый, не звенит.

А я все равно никаких арбузов не хотел. Потому что я очень дыни наелся.

Потом мне дедушка показал маленький-маленький арбузик. Он с мой кулак. Совсем кукольный. Дедушка его отрезал и подарил мне, потому что он уже больше расти не будет. Это чтобы я им играл.

КАК Я В ШАЛАШЕ СПАЛ

Потом дядя Опанас сказал, что ему надо итти. А я как хочу: хочу — на бахче с дедушкой останусь, а потом он за мной придет, а хочу — сейчас могу с ним пойти назад.

А дедушка сказал, что он мне сказку расскажет и чтоб я остался. Мне не хотелось итти, потому что очень жарко и очень хотелось узнать сказку.

Я сказал, что останусь. И мы пошли в шалаш.

Дядя Опанас ушел, а дедушка мне сказал:

— Ты лягай. Поспи трохи. А сказку потом.

Я лег и стал слушать.

И услышал, что птички ходят сверху по шалашу. И спросил дедушку про птичек.

А дедушка сказал, что это не птички, а это ветерок. И это листики сухие на шалаше шелестят, потому что он сделан из веток.

Я слушал, слушал и заснул.

А когда я проснулся, то солнышко совсем в шалаш попада́ло. А дедушки не было. Я из шалаша выглянул и тоже дедушки не увидал. И собак не было. Я совсем из шалаша вышел. И я увидал, что дедушка далеко-далеко. Там уже баштан кончается и идет дорога. Там стояли лошади. И там складывали арбузы на подводу. И очень много уже наложили, большим горбом. Люди не передавали арбузы, а кидали, как мячики. Один дядя кинет, другой поймает. А потом дальше кидает. И опять его еще один дядя поймает. И кидает тому, который у самого воза. Он кладет арбузы на воз.

Я все боялся, что они уронят арбуз. А они ни одного не уронили. И стали накладывать на другую подводу.

КАК Я СОБАК ПРОГНАЛ ОТ БАБУШКИ

Я все один стоял, а дедушка не приходил. Я не хотел дедушке кричать, а крикнул собаке. Пусть собака прибежит. Я ее не боюсь, потому что в шалаш убегу. Она не смеет туда ходить.

А дедушка услышит, что я уже встал, и, может быть, скорее придет ко мне.

Я закричал громко:

— Собачка, собачка, иди сюда!

Большая собака стала смотреть на меня. Она голову подняла и глядела. Я стал рукой ее звать. Она как побежит! И маленькая тоже.

Они бежали ко мне. И вдруг повернули и со всей силы побежали не ко мне. Я посмотрел и увидел, что там какая-то тетя идет, а собаки прямо на нее — и лают.

Я стал кричать: «Ай, ай!» и побежал к тете и потом кричал, как дедушка: «Геть! Геть!» Я пробежал немного и увидел, что это не тетя, а бабушка моя идет.

Собаки лают на нее, а она идет, и собаки ее не кусают, и она их не боится.

Я тоже, как дядя Опанас, схватил кусок земли и замахнулся на собак и опять крикнул: «Геть!» Они отскочили даже — так я на них бежал — и не стали лаять, а только немножко. А бабушка засмеялась и сказала:

— Ишь ты, какой молодец! Только зачем листья топчешь?

И села на корточки. И стала мне с лица счищать и говорит:

— Ты дыню ел. Вон сколько семечек налипло.

И показала мне семечки: они у меня к щекам присохли, а я не знал.

Дедушка тоже прибежал и говорит:

— Здравствуйте, Марья Васильевна!

А я сказал, что вот какой маленький арбуз мне дедушка дал, и показал бабушке арбузик: он у меня за пазухой был.

ЧТО ДЕДУШКА РАССКАЗЫВАЛ

Бабушка сказала, что надо итти, что сейчас ужин скоро будет. А я сказал, что дедушка обещал сказку.

Дедушка стал говорить:

— Ну, другим разом, придешь еще.

А я сказал, что он обещал, потому я и спал, а то бы я не стал спать.

Дедушка сказал:

— Ну, пойдем.

И мы пошли в шалаш.

Дедушка рассказал, что вот тут раньше ничего не росло. И никакого баштана не было. И какое семечко ни садили, ничего не вырастало. А рос бурьян. Это трава такая высокая, прямо как дерево, с человека ростом. И ее косили косами и потом пахали, — это значит всю землю перерывали, — и сеяли зерна в эту землю.

А все равно вырастал бурьян. Там даже волки жили. И все боялись туда ходить. Только один был охотник, он не боялся и убил там волка, очень большого.

Этот дядя охотник ничего не боялся. Он бурьян этот поджег со всех сторон, а с одной стороны не поджег. Волк испугался и побежал. А никуда нельзя — все огонь да огонь. Только в одну сторону можно, где огня нет. Волк туда и побежал, а там дядя охотник стоял с ружьем. Он волка — бух! — и застрелил.

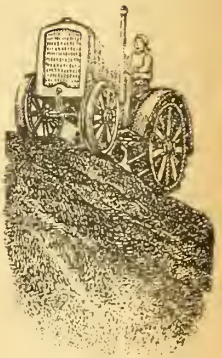
Дядя охотник сказал, что земля очень хорошая, только надо очень сильно ее перекопать. Охотник уехал. А перекапывать все равно никто не хотел, и очень боялись все. И говорили, что земля эта заколдованная.

А вот теперь привезли сюда машину. Она — как автомобиль, только на ней один человек может ехать. Один шофер — и больше никого. Она только для того, чтобы к ней плуги прицеплять, — она потянет, прямо как паровоз. Она очень хлопает и называется трактором.

Я засмеялся и сказал:

— Знаю: потому что трах! Потому она трахта.

Бабушка сказала, что не «трахта», а трактор, и совсем не потому, что «трах».



И мы все смеялись. А я сказал тихонько:

— Все равно — трах!

Дедушка сказал, что как прицепили к трактору шесть плугов, это которыми землю пашут, они как стали перерывать весь бурьян, так только корешки посыпались. Бурьян опять пробовал расти. Опять плугами всякими перекопали землю.

И потом еще два раза перекапывали.

А потом посадили семечки и от арбуза, и от дыни, и от кабаков, и стал баштан. А бурьяна и не видно, ни одной даже травинки.

Дедушка сказал, что вот вся сказка. А теперь мы сидим, где был бурьян. И вот кабаки растут из семечек.

МЫ С БАБУШКОЙ УШЛИ К СЕБЕ

Я сказал:

— Дедушка, а семечек кабаковых дашь?

Дедушка сказал:

— А як же!

Это значит: «А как же!»

И дедушка стал в углу искать. Потом вытащил узелок. Это в платке были семечки завязаны. Они белые и плоские, а там зеленое зернышко. Очень вкусное. Потом дедушка достал тыкву, как бутылочку. Она сухая и сверху открыта. И пустая в середине. Дедушка насыпал туда семечек и подарил мне. Я взял и ничего не говорил. Бабушка на меня поглядела. Очень сильно на меня поглядела. Я вспомнил и сказал:

— Спасибо, дедушка.

А дедушка говорит:

— На здоровье.

Бабушка сказала дедушке, что она ему глазные капли привезла и еще лекарства из Киева.

Дедушка сказал:

— Вот это спасибо!

И мы пошли. Дедушка тоже шел с нами до дороги, и собаки тоже. Бабушка собакам давала хлеба: она кидала, а они ловили зубами прямо на воздухе, даже подскакивали. И потом по дороге с нами пошли, только дедушка их назад позвал. Это чтоб они баштан стерегли.

Солнце совсем над землей было, очень красное и прямо нам в глаза. Я глаза закрывал.

Бабушка меня за руку вела, я спотыкался и очень пыль ногами поддавал. И потом смотрел: пыль все стояла, потому что ветра не было. Она очень красная от солнца.

Мы пришли в столовую.

Потом мы ужинали. И там много людей было, и все говорили.

Только я не очень понимал, потому что по-украински.

Потом бабушка уложила меня спать.

САД

МЫ С МАРУСЕЙ ПОШЛИ В САД

Утром мне бабушка сказала, что я пойду с девочкой с одной смотреть яблоки.

Я просил, чтобы потом, после яблок, все равно пойти к дедушке, который мне дал кабак, как бутылочка.

Я уже все молоко выпил, что бабушка принесла, и тут пришла девочка.

Она совсем большая. Ее зовут Маруся. А потом еще девочка пришла и тоже сказала, что пойдет с нами.

Бабушка сказала, что этой девочке нельзя, потому что она должна учиться представление показывать. Бабушка ее не пустила.

Мы с Марусей пошли, и Маруся говорила, какое интересное представление будет, и один мальчик будет красноармейцем, а другой еще мальчик есть — он собакой будет. И он будет

Абрикосы

лаять, и кусаться тоже будет, и совсем весь будет в собачьей коже, и на четырех лапах будет бегать.

Это вечером будут показывать, и все будут смотреть.

Маруся немножко непонятно говорила — она по-украински говорила. И я не все понимал и тоже говорил:

— Як? Як?

По-русски «как», а по-украински «як». Маруся говорит, а я, когда не понимаю, кричу: «Як? Як?» Она тогда опять говорит. И мы так всё шли за ручку.

ПРО АБРИКОСЫ И ПРО ЯБЛОКИ

Сначала по дороге шли, а потом Маруся меня пересадила через заборчик, а там сад.

Там деревья, все снизу белые. И выкрашены. А Маруся сказала, что не выкрашены, а известкой вымазаны, чтобы муравьишки не лазили, а то они залезают и едят яблоки и абрикосы.

Маруся сказала, что абрикосы еще вкуснее яблок. Только они уже давно поспели, и их уже сорвали. Они желтые, прямо даже красные немножко и очень мягкие. А косточка большая, и ее можно расколоть, и там большое зернышко. Оно вкусное, как орех. Только ни одного абрикоса уже не было.

Потом я вдруг увидел дерево, а на нем большие яблоки. И одна ветка совсем низко. Маруся сказала, что нельзя рвать. А их там было так много, что я думал, что это они нарочно привешены.

Маруся сказала, что на ветке много яблок и она очень тяжелая, так что даже может поломаться. А она потому не ломается, что снизу палки подставлены. Они в землю воткнуты, а наверху у них рожки. И ветка на рожки налегает, и ей не тяжело от яблок. Этих палок там очень много стояло. Они ветки поддерживают.

Маруся сказала:

— Ось як!

Да и взялась за палку рукой и немножко потрясла. Совсем чуть-чуть. И вдруг два яблока упали. И одно — большое-пребольшое — прямо мне по голове.

Я сразу хотел засмеяться и хотел яблоко схватить, а потом заплакал, потому что очень больно. И потому что думал, что это Маруся нарочно затрясла, чтобы яблоки на меня падали.

ЗАЧЕМ ПАЛКИ

Вдруг залаяла какая-то собачка. И она выбежала к нам. Совсем маленькая. Я ее не боялся, а потом увидел: идет дядя. И дядя кричит:

— Гей, кто там?

Я увидел, что это Матвей Иванович. И Матвей Иванович сказал:

— А, это Алешка! Чего ты плачешь?

А я уже не плакал. Маруся стала мне головой мотать и бровями делать. И еще тихонько пальцем погрозила: это чтоб я не говорил про яблоко.

Я и не сказал ничего.

Мы вместе пошли, и Матвей Иванович сказал:

— Ты, Алешка, осторожно ходи. Ты за палки не хватайся. Это нельзя.

А я сказал:

— Почему?

Матвей Иванович хотел сказать и не сказал, потому что Маруся скоро-скоро заговорила.

Она все говорила, что потому нельзя, что яблоки отрываются, а им еще надо висеть.

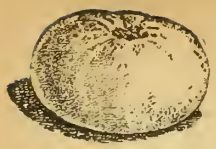
А Матвей Иванович сказал, что вовсе не поэтому, а потому, что может обломаться веточка.

А на этой веточке потом могло бы еще яблоко вырасти, а так уже не вырастет.

КАК ЯБЛОКИ СОБИРАЮТ

Вдруг я увидел лестницу. А на лестнице стояла тетя. Она доставала яблоки. И давала их девочкам. А девочки их в корзину клали. А потом я увидал целую кучу яблок. Там сидели две тети и яблоки смотрели. Возьмут яблоко, повертят, повертят и складывают в корзинки. Они на меня совсем не глядели. Это они глядели на яблоки.

Смотрели, чтобы пятнышка не было. Когда черненькое пятнышко, так это яблоко в другую корзину клали. А без пятнышек — это самые лучшие яблоки. Мне Матвей Иванович сказал, что эти яблоки каждое в бумажку заворачивают, потом накладывают в ящики и крышки гвоздями прибивают. А потом в ящиках всюду развозят.



Их в вагонах развозят и на пароходах развозят. Куда угодно, И в Москву, и где французы живут, и даже англичанам, и всяким другим, потому что такие хорошие яблоки и все их любят. А потом мы пошли, где собирают другие яблоки: очень желтые, с красной щечкой. И они называются шафран.

КТО БРАКОВЩИК

Там очень много лестниц было, потому что там очень много яблок надо собирать.

Мне одно яблоко дали. И Марусе дали яблоко. А я взял и тоже стал смотреть: есть пятнышко или нет.

Матвей Иванович стал смеяться и сказал про меня:

— Браковщик какой!

А я сказал:

— Какой?

Матвей Иванович сказал:

— А вот такой! Смотришь, не поел ли червяк, нет ли дырочки или пятнышка. Это и называется браковщик, который смотрит, годится или не годится. Вот ты и есть браковщик. Ты не смотри, а ешь.

Я и стал есть.

А Матвей Иванович спросил:

— Ну что? Годится?

Я ничего не мог сказать, потому что очень много яблока в рот набрал. Я много потому набрал, что оно очень вкусное.

СЛИВЫ

А потом, когда я проел, я сказал:

— А где маленькие яблочки растут, которые как кукольные?

Маруся сказала:

— Пойдем, пойдем.

И мы пошли.

Я все смотрел на деревья, чтоб раньше, чем Маруся, увидать маленькие яблочки. А Маруся меня все спрашивала: какая Москва и как в Москве под землей ездят?

Я сказал, что под землей ездил и это метро. И сказал, что это не страшно. А потом сказал, как лестница сама вверх едет. И как будочка вверх поднимается, и это называется лифт.

А Маруся все говорила:

— Ось як, ось як!

И языком щелкала. А я больше ничего не стал говорить, потому что увидал яблочки. Я закричал:

— Ага, я первый! Вон, вон яблочки!

И показал пальцем. А Маруся засмеялась и сказала, что это вовсе не яблочки, а сливы. Это желтые сливы.

Я сказал, что хочу посмотреть. Мы туда пошли.

И там стояло это дерево, на котором желтые сливы. Они совсем круглые: как яблочки. И очень блестят. Они как будто не настоящие, а как на елке бывают — стеклянные или еще какие. А они настоящие, потому что Маруся одну подняла, она на земле лежала, немножко обтерла и дала мне есть. Только сказала, что там червяк есть. А я уж съел, когда она сказала. Я сказал, что червяка не было, только косточка. И мы потом искали, чтоб еще найти, только ни одной больше не нашли.

Сливы желтые

КАК МАРУСЯ НА МЕНЯ РАССЕРДИЛАСЬ

Там под ветками тоже стояли палки. И я сказал Марусе тихонько:

— Давай потрясем!

А она не хотела. А я хотел нарочно толкнуть палку, чтоб слива упала. И толкнул ногой. А они не упали — ни одной. Маруся рассердилась и взяла и дернула меня за ухо и сказала:

— Ты не слухать! Ты не слухать!

А я ее хотел кулаками бить: зачем она меня за ухо?

Она меня поймала за руку и сказала:

— Ось сейчас до Матвея Ивановича поведу. Он тебя с саду выженит.

А я сказал:

— Вовсе не выженит, а я бабушке скажу, что ты меня за ухо.

А она сказала:

— А я скажу, что ты палку пихнул.

А я сказал, что не пихнул, а нечаянно.

А она сказала:

— Ты еще брешешь?

И хотела уходить.

А я побежал за ней и стал кричать потихоньку:

— Как это брешешь? Как это брешешь?

Сливы синие

Это я потому так кричал, чтобы она не сердилась.

Я очень испугался, что она уйдет. И тогда я буду один. А она все шла и говорила:

— А вот так и брешешь. Ты палку сам пихнул, а говоришь, что не хотел. Значит, неправда. Значит, ты брехун.

А я заплакал. И кричал:

— Не брехун! Не брехун!

И вдруг идет дядя. И на спине несет корзинку.

Дядя стал и говорит:

— Кто брехун?

А Маруся сказала:

— Кто брешет, тот и брехун.

И взяла меня за ручку. И мы пошли.

Я Марусе сказал, что я теперь не брехун и больше не буду палок пихать. А она достала из кармана семечек кабаковых и мне дала. А потом села на корточки и мне рукавом все лицо вытерла. Потому что я плакал.

КУКОЛЬНЫЕ ЯБЛОЧКИ

Я стал есть семечки. Только я так скоро не мог, как Маруся.

А она вдруг встала и показала пальцем.

Я посмотрел. А там было дерево, и на нем всё круглые яблочки. Маленькие, как орешки.

Их было очень много. На дереве листьев было очень мало, потому что всё яблочки, яблочки.

Я стал кричать:

— Ура!

И стал бегать кругом, чтоб смотреть на это дерево и на кукольные яблочки.

Китайские яблочки

Маруся сказала, что их так не едят, а из них только варенье варят. И потом, что сейчас они не готовы. И еще долго надо ждать, когда они будут готовы. Тогда их будут срывать.

КАК Я СЛИВ ОБЪЕЛСЯ

А потом мы пошли дальше. И там опять стояли лестницы, а на лестницах тети. И там срывали с дерева сливы, только не желтые, а синие. И тоже клали в корзинки. И около них был дядя Опанас.

Он сказал:

— Га, Алешка!

И все стали на меня смотреть и кричали мне:

— Лешка! Лешка!

А дядя Опанас сказал:

— Держи шапку!

А я не знал, что делать. Тогда дядя Опанас снял с меня шапку и дал ее мне в руки. Я ее стал держать, как мешочек. Он мне туда наложил слив. До самого верху. И даже немножко больше. Я не мог их есть, потому что боялся пустить шапку.

Я сказал:

— Маруся, пожалуйста.

Маруся взяла две сливы и сказала:

— Спасибо.

И съела.

А я хотел, чтоб она мне дала, и сказал:

— Мне тоже.

Она дала мне прямо в рот. А потом сказала, что я глупый.

Она сказала:

— Який дурный!

И сказала, чтоб я сел на землю, а шапку положил на коленки. И тогда можно есть, сколько хочу.

Мы сели и стали есть.

И я их много съел. А потом Маруся сказала, что надо итти к бабушке, потому что она хочет смотреть, как учатся представлять.

Мы пошли, а когда пришли, то уже все сливы съели. Мы целую шапку слив съели.

Крыжовник

Я ЗАБОЛЕЛ ОТ СЛИВ

Утром вышло очень плохо, потому что вечером у меня очень заболел живот.

Бабушка меня спрашивала, ел ли я сливы. Она все про сливы спрашивала, а я сказал, что и маленькие яблочки ел тоже.

Бабушка очень сердилась, что я так много в саду ел. И говорила: зачем Маруся позволяла!

А Маруся сама тоже ела, еще больше, чем я. Бабушка сказала, что она уже большая. И еще — она привыкла, поэтому ей ничего.

Смородина

Бабушка сказала, что я теперь целый день никуда не буду выходить. А то опять что-нибудь схвачу и съем.

А я сказал, что мне скучно будет и я буду плакать. Бабушка сказала, что ей некогда смотреть, как я буду плакать. А что она пойдет устраивать представление, потому что сегодня праздник. Я спросил, про кого представление. Бабушка сказала: про партизан. Я сказал, что я знаю, как про партизан.

Бабушка спросила:

— Так чего же тебе плакать?

И сказала, что потом придет. И ушла. Потом опять пришла. И велела, чтоб я никуда не смел уходить. И чтоб совсем из комнаты не смел никуда выходить.

И я один остался в комнате.

Я стал смотреть в окно. А там внизу стояли девочки и мальчики.

Они кричали, чтоб бабушка скорей шла. И Маруся тоже там была. И тоже кричала.

А я начал в окно кулаком бить. И все стали смотреть вверх, на меня. И ничего не кричали. А я закричал. Я со всей силы закричал:

— Маруська!

А Маруся засмеялась и побежала. И пришла ко мне. Я ей сказал, что вот теперь мне надо сидеть. Это потому, что мы много слив съели. А она тоже их ела, и ей ничего, а мне чего. И я буду плакать.

Маруся сказала, чтоб я не плакал. Потому что она мне сейчас что-то принесет. И мы будем играть.

А чтоб я сидел. И чтоб молчал.

ЧТО МАРУСЯ ПРИНЕСЛА

Я сказал, что буду молчать, только чтоб скорей. А то не буду молчать и буду плакать. А она сказала:

— Чека́й.

Это значит, чтоб я ждал. И убежала. Я стал в окно глядеть. А там уже никого видно не было. Только одна собака ходила и все землю нюхала.

Я лег на кровать и стал петь. А потом кричать.

Я кричал:

— Че-ка́й! Че-ка́й!

А потом кричал:

— Не че-ка́й! Не че-ка́й!

А потом стал кричать:

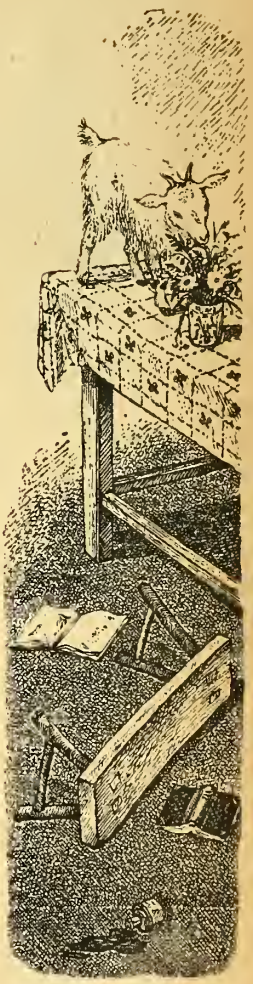
— Не хочу!

А потом закричал:

— Бабушка!

И заплакал.

А потом дверь вдруг отворилась. Я думал, что это Маруся, и испугался, потому что это не Маруся. И думал сначала, что это собачка. А это вовсе не собачка. Потому что у нее на ножках копыта, а на голове маленькие рожки. И она закричала: «Э-э-э!»



КАК Я ИСПУГАЛСЯ

Я очень ее испугался. Потому что я не знал, что́ она будет делать. А она побежала. И ножками стукала, как деревянными. Это копыта такие крепкие. Они еще крепче, чем деревянные. И она прыгнула на скамейку, а потом прыгнула на стол. И стала есть цветы, которые у бабушки были в стакане. Я закричал:

— Ой!

И залез за подушку. Я очень боялся, что она прыгнет на кровать. А дверь открылась. И в дверь вскочила Маруся. И сказала, что я глупый, потому что это козочка и не надо ее бояться. И это она козочку принесла, чтоб играть.

Маруся ее прямо со стола схватила, а козочка цветы еще не доела, и они у нее на мордочке висели. И она мотала головой и ножками дергала.

Маруська взяла и ее мне прямо на кровать кинула. А козочка — прыг! — и прямо через всю комнату. И ножками застукала. Я сначала испугался, а потом засмеялся. Маруся сказала, что цветы — это ничего. Она еще таких нарвет, еще даже лучше. А сама вынула из-под фартука траву и показала козочке. А потом стала от нее убегать.

А козочка закричала: «Э-э-э!»

КАК Я НАБЕЖАЛ НА КОЗОЧКУ

Козочка стала за Марусей бегать. Маруся подняла руку, а козочка встала на задние ножки и стала прыгать, чтоб траву схватить.

Я стал смеяться и хлопать в ладоши. А с кровати я слезть боялся. А потом слез. Потому что она все равно тоже на кровать прыгнуть может, если захочет. Она даже на стол прыгнула. Прямо с полу. Маруся ни за что так не прыгнет. Она мне потом сказала, что с полу прямо на стол ни за что не прыгнет. А козочка прямо — скок! — и прыгнула на стол. Мы ее на столе ловить боялись, потому что она чернила может перевернуть и книжки затоптать. Мы с Марусей к окну отбежали и стали ее звать. Козочка прыгнула и прямо на Марусю побежала. Я тогда немножко вбок убежал. А Маруся козочку стала в лоб пихать и стала на нее кричать: «Геть, геть!» А козочка голову нагнула и рожками прямо на Марусю. Маруся ее опять пихнула в лоб и закричала:

— А ну тебя, уходи!

И Маруся все смеялась. Я тоже смеялся. А потом не стал смеяться. Потому что козочка стала на Марусю набегать и все хотела рожками ударить. И даже на задние ножки вставала и подскакивала, чтоб посильней ударить. А Маруся все равно смеялась и убегала. И кричала:

— Ой, ратуйте мене!..

А это значит, чтоб ее спасать.

Я залез на кровать, потому что испугался. А потом козочка сзади как ударит Марусю!

Маруся закричала:

— Ой же!

И я подумал, что теперь козочка Марусю убивает. Я схватил подушку и со всей силы закричал:

— А-а-а-а!

Я побежал прямо на козочку и ногами топал со всей силы. И все кричал: «А-а-а!» Козочка так испугалась, что стала по всей комнате прыгать.

Я думал, она в окно будет прыгать. А я все на нее подушкой. Маруся на меня кричала, а я не знал, что делать, и бегал за козочкой. И все стулья упали, и книги со стола упали, а Маруся открыла дверь, и козочка прямо в дверь выскочила. И Маруся побежала за козочкой. А потом я услышал, что на дворе собака очень залаяла. Я в окно увидал, что собака побежала за козочкой. А Маруся побежала за собакой. Козочка прыгнула через заборчик. Собака хотела перелезть, чтобы догнать козочку. А Маруся собаку схватила и не пустила.

МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ ПРИШЕЛ К НАМ

Вдруг приходит Матвей Иванович и говорит:

— Что за тарарам?

Я сказал:

— Какой это тарарам?

А он говорит:

— Почему кричали? Почему топали? Почему стулья повалены?

А я боялся говорить. И все-таки сказал, что это не я, а это козочка.

Матвей Иванович сказал:

— Какая козочка? Где же эта козочка?

А тут пришла Маруся. А Матвей Иванович говорит:

— Это ты такая коза, что все стулья поваляла?

А потом посмотрел на пол. И пальцем стал в пол показывать. И стал говорить:

— Ось, ось!

И мы тоже с Марусей посмотрели. А это на полу видно было — там козочка ножками настукала, когда прыгала. Прямо маленькие дырочки остались.

Матвей Иванович сказал:

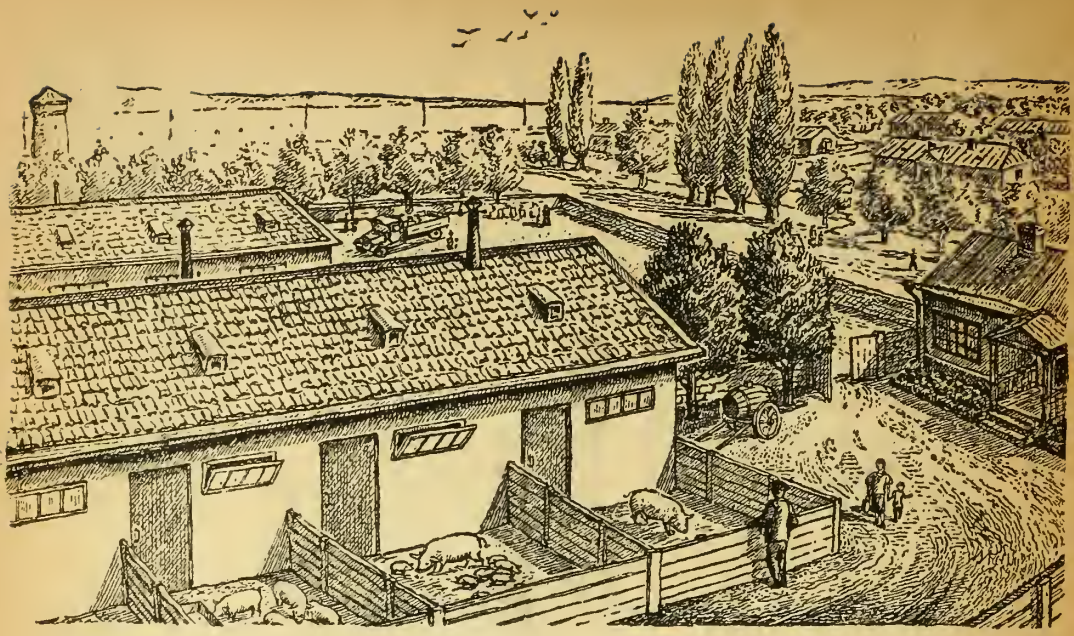
— Тут козленок был. Это ты, Маруська, привела?

И стал на Марусю пальцем грозить.

Я сказал, что я очень плакал и очень просил, чтоб козочку.

Матвей Иванович сказал, что не нужно козочек сюда носить. А завтра я пойду и увижу всяких. И барашков маленьких, и козочек, и самого большого козла, и еще всяких птиц: индюков и гусей. И потом есть черный петух, так он прямо с меня ростом.

И еще есть курочки, очень маленькие. Они такие маленькие, как будто игрушечные. А они настоящие и яички несут настоящие, и что он подарит мне одну такую курочку и одного такого петушка. И я их с собой в Киев возьму.



СКОТНЫЙ ДВОР

СВИНЬИ

На другой день мне бабушка давала вареную курицу, и я пил бульон из курицы. И ел сухари. Это в нашей комнате мы ели. Бабушка ела помидоры и ела хлеб с маслом и пила чай с вареньем.

К нам пришел Матвей Иванович и сказал:

— Идемте смотреть поросят.

А бабушка сказала, что она никуда не пойдет, потому что вчера очень устала. И будет теперь отдыхать. А завтра мы поедем.

Матвей Иванович сказал:

— А я Алешку обещался сводить.

Бабушка сказала:

— Пускай идет. Только ничего ему не давайте есть. Я сама ему дам.

Матвей Иванович взял меня за руку и сказал:

— Ну, хоть просить будешь, все равно не дам.

И мы с ним пошли. Мы не очень далеко пошли. И пришли на другой двор.

Я сразу услышал, как свиньи храпят. Это они хрюкают. А выходит, будто они носом дергают и у них насморк. А поросята визжат. Очень тоненьким голосом: «Виу, виу, виу!» А свиньи хрюкают: «Хры, хры, хры!» Они хрюкали, а я ни одной не видел. Я потому не видел, что они за заборчиком. У каждой свиньи есть маленький дворик и дверь. А дверь идет прямо в сарай.

Свинья там живет, в сарае. А гулять выходит во дворик. Только она из дворика никуда уйти не может, потому что кругом заборчик. А рядом опять дворик. И тоже дверь в сарай. Там другая свинья живет. И таких двориков очень много. Потому что много свиней.

Матвей Иванович поднял меня, поставил на заборчик и держал, чтобы я стоял.

А там была свинья. Очень большая. И у ней были маленькие поросятки. Свинья лежала, а поросятки ей сосали живот. Они оттуда молоко высасывали. Поросятки очень чавкали. И мордочками не давали, дрались, кому сосать. Они очень были розовые. И совсем маленькие, как игрушечные.

Матвей Иванович сказал, что они как вырастут, так такие будут, как эта свинья. Только он сказал не свинья, а сказал «лёха».

Я хотел, чтоб туда пойти и погладить поросяток, а Матвей Иванович сказал, что если я туда пойду, так меня эта свинья укусит. И даже может совсем заесть. Потому что она может кусаться, совсем как собака. И одного мальчика, уже большого, свиньи так покусали, что его потом доктор лечил.

Я сказал Матвею Ивановичу, чтоб он меня снял с заборчика. А он сказал, что мы сейчас другую пойдем смотреть. И мы пошли к другому заборчику.

Там лежала очень розовая свинья. И очень длинная. Она совсем круглая, как колбаса. И у ней очень маленькие ножки. Матвей Иванович как крикнет:

— Ге, лёха, лёха!

Она хотела встать, а не могла. Потому что она очень толстая. Она только на передние ножки встала. А потом опять упала. Матвей Иванович сказал, что этой свинье еду приносят и ставят под самый рот.

ПОРОСЯТА

Потом я увидал — за одним заборчиком были поросятки.

Их там очень много было. Они были с маленькую собачку ростом. И они все побежали к нам. Они думали, что мы им будем есть давать.

Они друг на друга вскакивали, чтоб скорей к нам прибежать. И очень визжали. Так громко визжали, что я не слыхал, что́ мне Матвей Иванович говорил.

А Матвей Иванович говорил, что мы им сейчас арбузных корок дадим. И мы пошли за арбузными корками. И Матвей Иванович кричал:

— Одарко!

А это тетя такая. Ее зовут Одарка. Она сказала, что поросятам сейчас есть не надо давать. А что немножко — ничего. И дала нам корок. И тоже с нами пошла.

Мне дали, чтоб я бросал. Я стал бросать корки, а поросята начали хватать и стали драться. И стали убегать с коркой, чтоб другие не отняли. А другие все равно отнимали.

Я потом стал очень скоро кидать. Они так забегали, что всё перепуталось. И мы все смеялись. А потом поросята прибежали опять к нам, хотели ко мне на заборчик лезть. Только не могли. И я их не боялся, потому что они маленькие. И очень веселые.

Одарка сказала, что она их моет и водой поливает, и тогда еще смешнее.

КАК Я НА КОЗЛЕ КАТАЛСЯ

Я сказал, что хочу скорей большого козла посмотреть. Одарка сказала:

— Ось вин.

Это значит: «Вот он». И рукой назад показала. Я оглянулся и испугался, потому что этот козел очень большой и очень лохматый. И у него большущие рога. И он прямо здесь стоял, около нас. Он был выше меня. А если голову поднимет, так он рогами может Матвею Ивановичу прямо до лица достать.

Я ухватился за Матвея Ивановича, потому что не знал, чего этот козел хочет. А вдруг он меня забодать хочет. Потому что я пришел, а он меня не знает. А у тети Одарки осталась еще одна корочка арбузная. Она ему протянула, и он стал есть. У него зубы очень острые. И он как будто стрижет. Потому

что ровненько обкусывает. Я от этого еще больше бояться стал, что у него такие зубы острые.

А Матвей Иванович увидал, что я боюсь, и сказал:

— Ты что боишься? А давай я тебя на него посажу.

Я хотел сказать, что не надо. А он уже взял меня подмышки и посадил меня на козла, прямо на спину.

Козел сразу пошел и даже немножко побежал. А Матвей Иванович рядом тоже бежал. И меня держал. Мне очень страшно было ехать на козле, а все-таки я ездил.

А потом козел еще скорей побежал, и Матвей Иванович меня поднял и снял.

И сказал:

— Что, хорошо?

Я немножко засмеялся и сказал, что хорошо.

КАК СЕРЫЙ КОЗЛА ПРОГНАЛ

Козел, если б захотел, так мог бы рогами назад боднуть и попасть в меня.

Матвей Иванович сказал, что этот козел такой сильный, что он даже большого человека может возить.

А потом Матвей Иванович позвал собаку, и прибежала очень большая собака. Я даже думал, что это волк. Только она очень веселая и стала на Матвея Ивановича скакать, чтоб его в лицо лизнуть.

И она очень хвостом виляла. И попадала по мне — очень больно. Это она не нарочно. Она от радости хвостом махала.

Матвей Иванович показал ей на козла и сказал:

— Серый, Серый, гони его!

Серый побежал к козлу, чтобы его гнать к нам.

А козел не захотел и пошел на Серого, рогами вперед, чтобы Серого боднуть.

А Серый отскочил вбок.

Козел тоже прыгнул вбок. А потом встал на задние ноги и хотел Серого сверху ударить. И не попал. И очень рассердился.

А Серый все бегал и лаял на козла. И так сделал, что козел к нам прискакал.

Козел очень смешно прыгал. А чтоб я не боялся, Матвей Иванович взял меня на руки. А потом сказал Серому, что больше не надо. И погладил Серого. А Серый его в руку лизнул.

ПРО КОЗОЧЕК

Мы пошли смотреть козочек. Там, за заборчиком, было много козочек. Таких, как мне одну приносила Маруся. И мы с Матвеем Ивановичем прямо к ним вошли.

Они все закричали: «Э-э-э!» И побежали к нам.

Они все Матвея Ивановича знали и не боялись. Они думали, что мы им чего-нибудь есть принесли. А мы не принесли. Они на нас глядели и кричали: «Э-э-э!» А я им показывал руки, что у меня ничего нет. Я хотел одну погладить, а она убежала. И толкнула одного маленького козлика.

Маленький козлик крикнул, а другой козлик его боднул головкой. И они стали вскакивать на ножки и бодаться. Только у них рожки очень маленькие. И это они так играют.

Матвей Иванович нагнулся и одного козлика в лоб толкнул. Козлик отскочил и прыгнул на Матвея Ивановича, чтоб боднуть. А Матвей Иванович нагнулся и опять его рукой в лоб. А козлик стал разбегаться и бодать. А Матвей Иванович все руку подставлял. А я смеялся. А потом козлик разбежался и хотел со всей силы боднуть Матвея Ивановича. А Матвей Иванович как шагнул вбок! Козлик с разбегу прямо рожками в забор. Только он не очень ударился, потому что забор плетеный. И он очень белый, этот забор. Потому что его козочки обгрызли.

Матвей Иванович сказал, что большие козы сейчас в поле. Они там едят траву. А вечером они придут сюда, и их будут доить. Потому что у них много молока. У них молоко очень вкусное и густое-густое. Прямо как сливки.

Я просил, чтоб попробовать. А Матвей Иванович сказал:

— А что бабушка говорила? Я бабушке сказал, что хоть просить будешь, все равно ничего не дам.

ГРЕБЕНКИ

Потом к нам пришла тетя Одарка. Она стала Матвею Ивановичу говорить, что надо новые гребенки покупать. И показывала две гребенки, очень большие, и там много зубов поломано.

Я не знал, зачем такие большие гребенки, и сказал:

— Почему гребенки?

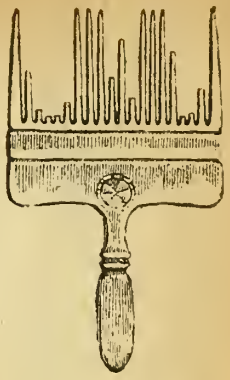
А Матвей Иванович сказал:

— Как это «почему»? Гребни, вот и все.

А тетя Одарка взяла этот гребень и говорит:

— Давай я тебя причешу.

И прямо на меня гребнем.



Я засмеялся, а все-таки шапку покрепче натянул двумя руками.

Тетя Одарка тоже засмеялась и сказала:

— Что, злякался?

А я сказал, что нет, не боюсь, только не надо.

Тетя Одарка мне показала, что там, на гребне, немножко волосиков есть. Они белые. И сказала, что это, значит, седого старичка чесали.

А потом сказала, что вовсе не старичка, а это они коз чешут. Чтоб из них мягкую шерсть вычесывать.

А потом из этой шерсти что угодно делают: шляпы делают, и нитки делают, и платки делают из этих ниток — крючком вяжут. Самые теплые платки, какие есть на свете.

А козы любят, когда их чешут, не убегают. Только надо, чтоб гребенки были.

Матвей Иванович сказал, что он гребенки купит, и даже не он купит, а бабушка купит. А он потом поедет и привезет.

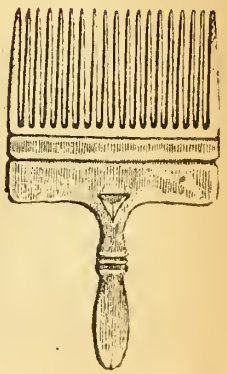
Они говорили, а я смотрел, что козочки делают.

А козочки встали на задние ноги, а передними лезли на забор, и там они маленькие прутики грызли. И всякие маленькие листики объедали.

Одарка сказала, что они любят прутики грызть. И что им даже нарочно дают прутики. Нарежут, нарежут и дают.

МАРУСЯ МЕНЯ УВЕЛА

Мы смотрели на козочек, и вдруг прибежала Маруся. И сказала, что бабушка велела, чтоб я шел обедать. Потому что она мне обед приготовила.



Я сказал:

— А индюков?

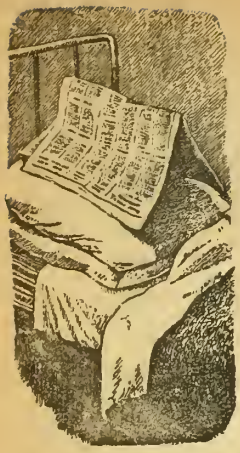
Матвей Иванович сказал:

— Каких тебе индюков? Наверное, рисовый суп будешь есть.

А я сказал, что посмотреть индюков хочу. И курочек маленьких.

А Матвей Иванович сказал:

— Потом придешь.



Маруська схватила меня за руку и побежала. И говорила:

— А ну, швыдче, швыдче!

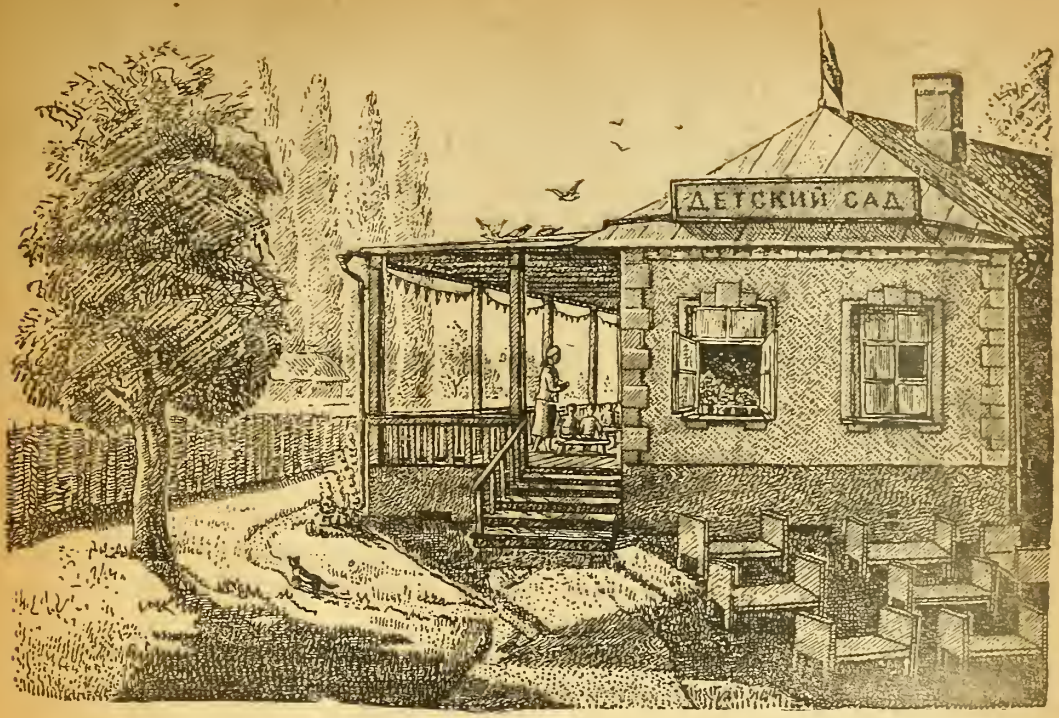
Это чтоб я скорей бежал.

И мы прибежали к бабушке. А там, правда, рисовый суп. А потом бабушка дала мне кисель. И сказала, чтоб я узнал, из чего кисель. А я не узнал. Он был из черники. Я чернику в лесу ел, а какой кисель, не узнал.

А потом бабушка мне сказала, чтоб я спал. Я залез на кровать, а бабушка сделала из газеты шалаш, так что у меня голова в шалаше была.

Это она для того сделала, чтоб мухи на меня не летели. Они очень кусаются. Бабушка сказала, что осенью такие мухи выводятся — кусачие. Летом бывают некусачие, а осенью с жалом, и они хуже чем булавкой колют.

Бабушка тоже спать легла. И я заснул, потому что было очень тихо. И мухи ко мне не залетали.



ДЕТСКИЙ САД

КАК МЕНЯ В ДЕТСКИЙ САД ОТВЕЛИ

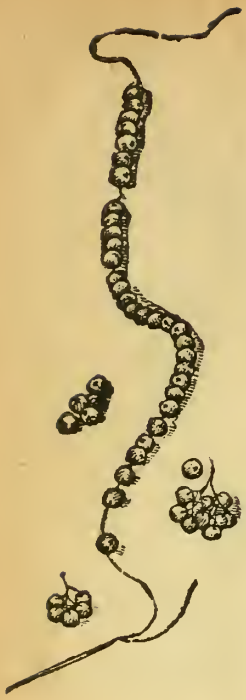
Я проснулся, потому что к нам пришел один человек и он громко говорил с бабушкой по-украински. Бабушка с ним тоже по-украински говорила. И этот человек все говорил: «Ходимте швыдче!» Это значит, чтоб скорей итти.

Я видел, что бабушка собирается итти.

Бабушка подошла ко мне и сказала:

— Тут надо к больной женщине пойти и ей помочь. А к тебе придет Маруся и тебя отведет в детский сад, только ты там не капризничай.

Больше бабушка ничего не сказала и ушла с этим человеком. А я хотел с Марусей итти в сад. Маруся пришла, и мы



пошли. А куда мы пришли, так это вовсе не сад, а дом. И около дома веранда. А на веранде дети. Есть даже больше меня.

Маруся позвала:

— Ненько! Ненько!

Пришла тетя и потом еще другая — девочка, как Маруся. Только она — Катя. И очень сердитая. Потому что она на всех детей кричит, чтоб не шалили.

Маруся сказала, что бабушка велела, пускай я здесь побуду до вечера. И чтоб мне слив не давали.

Я С ДЕВОЧКОЙ ЧУТЬ НЕ ПОДРАЛСЯ

Маруся меня оставила и ушла.

Нянька мне сказала:

— Гуляйся с хлопчиками.

Это значит, чтоб я с мальчиками играл.

А мне что с ними играть, когда они рисовали?

А еще мальчик был, он побольше был. Он веревку делал. Как мне с ним играть?

А потом девочки были. Они делали бусы из каких-то ягодок. Они их иголками насквозь прошивали. И нанизывали на нитку. И потом надевали себе на шею.

Только одна девочка, она меньше меня была, бегала с прутиком. И хотела осу убить.

Я взял у ней прутик и сказал:

— Дай я! Я попаду.

А девочка стала плакать и кричать, зачем я у ней прутик отнял.

Я скорей побежал от нее. Я сам хотел осу бить.

А Катя поймала меня и стала говорить, зачем я у девочки отнял прутик, и сказала, чтоб я сорвал себе сам в саду. Взяла от меня прутик и отдала назад девочке.

А девочка взяла прут и хотела меня бить за то, что я отнимал.

А там кустики росли, около веранды. И я там хотел себе вырвать прут, больше, чем у той девочки. Чтоб был прямо как сабля. Я никак не мог отломать.

А тут вдруг эта тетя нянька сказала:

— Куда тебе такая гиляка? Ты кустов не ломай. Я тебе скажу, где вырвать. А сейчас идем руки мыть.

Потому что все пошли руки мыть.

КАК МЫ ВСЕ ЕЛИ

Потом мы все носили маленькие столики и ставили их в ряд. И я тоже носил с тем мальчиком, который веревку делал. Потом мы поставили скамеечки, тоже маленькие. Это мы всё на веранде устраивали. И все сели на скамеечки. И мне показали, где сесть. Я тоже там хотел сесть, потому что хотел сидеть с большим мальчиком. Его звали Гриц.

Потом Катя и тетя нянька принесли хлеб кусочками, потом принесли чашки, очень большие и без ручек. А в чашках была каша. И потом принесли молоко в кружках, тоже в очень больших. И каждому поставили чашку и кружку. И дали ложки. Чтоб каждый ел ложкой кашу, запивал молоком и заедал хлебом. Я стал запивать.

ПРО ДЗЫГУ

Гриц уже съел все и стал мне показывать из кармана, какую он веревку сделал.

Он сказал, что он из нее сделает кнут и этим кнутом будет гонять дзыгу.

Я сказал:

— Ну да, бзыгу.

А Гриц говорит:

— Не бзыгу, а дзыгу.

Я сказал:

— Ну да, дзыгу. Она будет бояться и убегать.

Это я так сказал, потому что я не знал, какая это дзыга.

Гриц стал смеяться и сказал, что я «дурный».

Это значит, что я глупый.

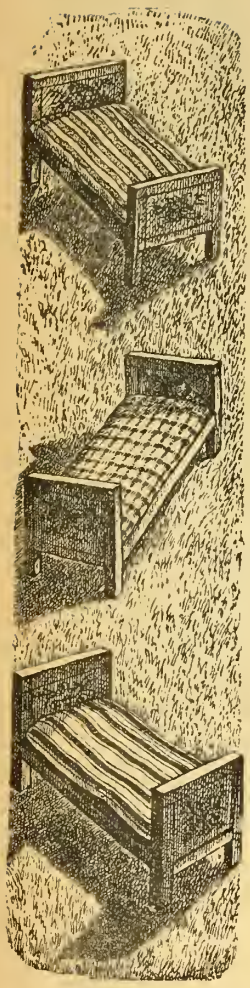
А Гриц стал себя по карману бить и сказал, что дзыга у него здесь, в кармане. И что он потом мне ее покажет. Мне очень хотелось увидать, какая это дзыга. А тетя нянька сказала, чтоб я скорей доедал. Потому что все уже кончили и убирали чашки. А потом мы все столы унесли в комнату, и тетя няня сказала, чтоб принесли сенники. А это такие тюфячки. И чтоб мы с ними шли в сад, где «холодок», а «холодок» — это значит, где солнца нет. И Гриц всех повел.

А там под деревьями стояли скамеечки. Только это не скамеечки, а это кроватки, только низенькие. И Катя тоже с нами пошла.

Мы положили тюфячки на кроватки, и Катя сказала, чтоб мы ложились и не смели говорить. А что оса не укусит, потому что Катя всех их прогонит.

Мы все легли, и я тоже лег около Грица.

Я стал тихонько говорить Грицу, чтоб он скорей показал дзыгу. Потому что я не знал, она живая или она деревянная.



Катя услыхала, что я говорю, и сказала:

— Лешка, лежи мовчки.

Я хотел сказать, чтоб она сама «мовчки», только не сказал, потому что Гриц мне пальцем погрозил.

Я нарочно закрыл глаза — пусть Катя думает, что я сплю, а я не сплю. Я все не спал и слышал, как она веткой махала на осу, а потом вдруг заснул.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА ПРИШЛА

Когда я проснулся, все уже взяли тюфячки на плечи и понесли.

А Гриц сказал про меня:

— Вин ще не прокинувся.

Я думал, что это «опрокинулся», а это он говорит, что я еще не проснулся. Мы потом тюфячки сложили в комнате, и пришла тетя учительница, Надежда Ивановна. И сказала, что мы сейчас будем петь. Я сказал, что я не умею петь.

А она сказала:

— Пой, как умеешь.

Я сказал, что никак не умею.

А она сказала:

— Ну, тогда никак не пой.

И не стала больше на меня смотреть.

Она поставила мальчиков и девочек, чтобы около нее стояли, и запела по-украински. И все тоже запели. И Катя тоже запела. А потом тетя няня пришла и тоже стала петь. А я хотел уйти в сад.

Тетя няня сказала, чтоб я не ходил, а сидел тут. И села со мной на скамейку. И стала прямо в меня со всей силы петь. Я сначала головой мотал, а потом тоже начал петь.

Мы пели очень веселое. И потом стали очень скоро петь. И учительница сказала, чтоб кто-нибудь танцовал. И все стали кричать, чтоб Гриц танцовал.

Все опять запели веселое, а Гриц начал танцовать. Я потом так хотел тоже, только не мог. Гриц очень прыгал и потом очень быстро ногами делал. И садился совсем на пол, а потом вскакивал. И одна девочка потом тоже танцовала. Она тоже очень хорошо вертелась.

А потом все сели отдыхать. А учительница Надежда Ивановна сказала, что она сейчас будет читать книжку. Она стала читать по-украински книжку. И я немножко понимал.

ПРО КУЗЬКУ

Потом Надежда Ивановна рассказывала про жучка, который хлеб ест. Он хлеб ест, когда хлеб растет, и его зовут, этого жучка, «кузька». Он очень маленький, а их может так много развестись, что они прямо весь хлеб поедят.

Надежда Ивановна достала коробочку, и все пошли смотреть, что у нее в коробочке. А Надежда Ивановна сказала, чтоб все на место садились. И достала из коробочки булавочку, тоненькую-тоненькую. А на булавочке был наколот жучок, только неживой. Надежда Ивановна сказала, что это и есть кузька. Что это он хлеб ест. И всем давала смотреть, какой он.

Она сказала, что он яички кладет маленькие-маленькие, и показала на бумажке эти яички. Они — совсем как песочек. А из яичек выходят червячки. И показала бумажку, где эти червячки приклеены, тоже неживые.

Надежда Ивановна сказала, что потом червячки эти делаются как шарики. И там, в этих шариках, из червячков делаются жучки. И выползают оттуда. И что это самые вредные жуки. Она говорила: «поганые». А я сказал, что никогда не видал, как из червячка делается жук.

А Надежда Ивановна сказала, что есть червячки, из которых бабочки делаются. А есть червячки, из которых большие жуки потом выходят.

КАК ЧЕРВЯЧКИ ШЕЛК ВЫПУСКАЮТ

Надежда Ивановна спросила меня, видал ли я дерево шелкóвицу. Я сказал, что видел и даже знаю, какие ягоды.

А все дети закричали:

— А ты ел? А ты ел?

А я сказал, что я их не хотел есть. Все стали кричать, что я глупый, потому что ягоды сладкие.

А я кричал, что я малину ел.

Надежда Ивановна сказала, чтоб мы больше не кричали, потому что она про червяка сказать хочет.

Надежда Ивановна сказала, что на шелковице живет червяк. Он ест листья на шелковице. А потом он выпускает тоненькую паутинку и весь в паутинку заворачивается. И делается клубочек. Поменьше, чем слива.

Если этот клубочек не трогать, а дать ему, чтоб он так лежал, так в этом клубочке из червячка сделается бабочка.

Эта бабочка полетает, полетает, а потом снесет яички, маленькие-премаленькие, и очень много. Из этих яичек выйдут опять червячки. А если не ждать, чтоб из этого клубочка бабочка вышла, а прямо взять и размотать, так выйдет тоненькая нитка. А это шелковая нитка.

Надежда Ивановна сказала, что вон у Кати в косе лента. Она из этих ниточек и сделана. Надежда Ивановна сказала, чтоб Катя показала, и Катя достала из ленты ниточки, тоненькие-тоненькие. И мы все смотрели.

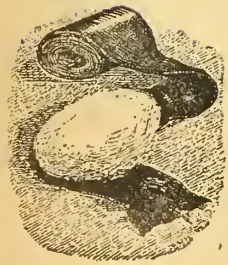
И Надежда Ивановна говорила, что это черви такие ниточки выпускают. И что этого червяка называют шелковичным червяком, и потому это дерево шелковица, что на нем шелковичный червяк живет.

Надежда Ивановна сказала, что она завтра покажет такой клубочек, который червяк делает. У ней есть такие клубочки. Их коконами называют. Она принесет нам коконов.

КАК Я ЛУЧШЕ ВСЕХ СПРЯТАЛСЯ

Потом Надежда Ивановна вдруг встала и говорит:

— А теперь давайте в прятки играть.



И сказала, что она пойдет в дом и там будет сидеть, а чтоб мы побежали в сад прятаться. И чтоб закричали, когда «уже». А я побежал вместе с Грицем. А он скорей меня побежал и сразу запрятался.

И все дети запрятались. Никого не стало. Я один остался и побежал, где большая трава. Она была высокая. Я хотел в нее залезть и руками стал ее отгребать. А она мне страшно больно сделала, потому что она жжется. А я ее ногой. Я немножко да-

же заплакал. А все равно полез. Она мне ногу тоже обожгла. А потом я ее потоптал.

Я ее со всей силы топтал. И совсем затоптал. Так что вышло, где сесть. И я сел. А она все равно через штанишки немножко кусала. Зато меня совсем не видно было. Потому что кругом все эта трава была.

И потом Гриц крикнул:

— Вже уси поховалыся!

Это он кричал, что все попрятались. Чтоб Надежда Ивановна шла искать.

А я сидел и не шевелился.

Потом я слышал, как девочки кричали. Это они потому кричали, что их Надежда Ивановна находила.

А Грица не могла найти. А потом нашла. И все кричали, что он на дереве сидит. А потом все стали искать меня.

И все кричали:

— Лешки нема! Лешки нема!

Одна девочка хотела пойти, где я в этой траве сидел, и не пошла и закричала:

— Ой, там крапива!

И убежала. Это, значит, я в крапиве сидел.

А потом Надежда Ивановна закричала громко-громко:

— Лешка, вылазь!

И закричала, что они не могут меня найти никак. Я скорей из травы выскочил. И побежал на веранду. Меня увидали, и все стали кричать:

— Он в крапиве был! Он в крапиве был!

Это потому, что у меня и руки, и ноги, и щеки тоже, и лоб тоже совсем стали красные. Эта крапива кусает, как комары. Я тоже смеялся.

А Надежда Ивановна сказала:

— Ну, молодец, что терпел. Ничего, это к вечеру пройдет.

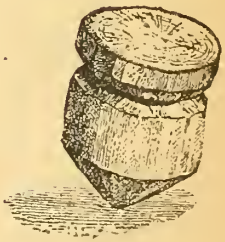
А я сказал:

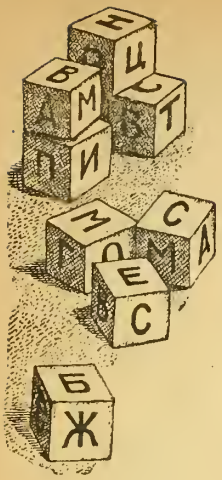
— А зато не нашли!

Крапива

КАКАЯ ЭТО ДЗЫГА

Я раньше не знал, какая крапива. А теперь я ее не боюсь. Потому что все равно Катя мне приносила зеркало и показывала, какой я смешной стал.





А я не смешной, а только очень красный.

Надежда Ивановна все равно говорила, что я молодец, потому что я крапивы не испугался.

А потом принесли кубики, и мы находили буквы. И я нашел букву «П», потом букву «О», потому что она просто кружочком. А потом букву «С», она тоже кружочком, только не совсем.

А Гриц все буквы знал. И одна девочка тоже все буквы знала. Ее Параской зовут. Я узнал, какая буква «Ф». Она стоит, будто руки в боки держит. И мы все делали руки в боки и показывали «Ф». А потом я стал просить, чтобы Гриц показал дзыгу.

И все стали кричать:

— Дзыгу! Дзыгу!

И Надежда Ивановна сказала, чтоб Гриц показал дзыгу. А Гриц сказал, что он сначала кнут сделает.

Он побежал, принес палочку. А потом к палочке привязал веревку, и вышел кнут. А потом полез в карман, и я боялся, что дзыга живая и выскочит.

А она не живая, а это из дерева. Это толстенький столбик, а внизу остренький. Гриц на него кнут намотал, потом как дернет! — дзыга упала на пол и стала крутиться и стояла, не падала. Гриц стал ее кнутом погонять, а она еще больше крутилась. И стала по полу ходить и жужжать. А он еще сильней кнутом. Мы все смотрели, как дзыга бегает и крутится. Надежда Ивановна мне сказала, что по-русски это кубарь, а по-украински это дзыга.

А я сказал, что никогда не видел.

А потом Гриц всем давал кнутик, чтоб дзыгу гонять, только никто не умел. Надежда Ивановна тоже не умела. Только Гриц умел дзыгу показывать.

Потом Надежда Ивановна сказала, что довольно дзыгу пускать, а что мы сейчас будем есть и молоко пить. И потом все пойдем смотреть овец.

Я очень хотел посмотреть овец и еще сказал, что хочу посмотреть индюков и очень маленьких курочек.

Надежда Ивановна спросила:

— Кто хочет курочек смотреть?

И все стали кричать, что хотят, что все хотят.

И мы все очень скоро руки мыли, и очень скоро ели, и скоро молоко пили, потому что все хотели итти.

ПРО КУЗНЕЧИКА

Мы все стали по два, и Надежда Ивановна сказала, чтоб пели песню. И мы все стали петь. И руками махать, как военные. А потом не стали махать, потому что очень жарко. И мы пришли, где одна трава только растет. И Гриц сказал, что это степь. Там трава сама растет, ее не сажают. А деревьев там никаких нет, и кустов тоже нет. И Надежда Ивановна сказала, что мы можем итти, как хотим. Мы немножко побежали, а потом устали. А я не устал. Потому что я очень хотел поймать тех, которые прыгали из-под ног. Они прыгнут, а потом немного полетят и опять сядут. И у них крылышки голубенькие.

Я стал за ними бегать. А Гриц мне сказал:

— Хочешь коника словить?

Гриц снял шапку и потом тихонько пошел — и вдруг как упал и шапкой по траве хлопнул! А потом говорит, чтоб я рукой доставал. Что у него там, под шапкой, коник сидит. А я сказал:

— Он не кусает?

Гриц сказал, что не кусает. Я полез рукой, а там он остренькими лапками ходит. Я руку назад выдернул. А Гриц смеется:

— Коника злякался!

А я сказал:

— И вовсе не злякался!

Я полез и ухватил коника. Он ножками шевелил. Я посмотрел, какой он. Он очень красивый. Он зеленый и с пятнышками. Гриц шапку подставил и сказал, чтоб я коника на шапку посадил. Он сказал:

— Нехай стрибнé.

Это значит, чтобы пускай он прыгнул.

Я посадил на шапку коника. Коник чуть-чуть посидел и как прыгнет! А потом голубенькие крылышки распустил и пролетел немножко.

А Надежда Ивановна подошла и сказала:

— А, это вы кузнечика ловили?

А я сказал:

— Не кузнечика, а коника.

Надежда Ивановна сказала, что, значит, я его раньше не знал, потому что по-русски он кузнечик, а это по-украински он коник.

ОВЦЫ

А потом Надежда Ивановна сказала, чтоб мы дальше не шли, потому что там собаки очень злые, овчарки называются. Они волка заесть могут. Они для того, чтобы волка не пускать, чтоб он овец не утаскивал.

Мы все сели на траву, а Надежда Ивановна пошла одна. И чего-то кричала.

И к ней пошел дяденька. Он около овец стоял. И побежали две собаки.

А эти собаки — как Серый, который козла гнал. Потому что Серый тоже овчарка. А этот дяденька стережет овец, и он называется чабан. Он собакам закричал, чтоб шли на место. И они убежали. А мы все встали и пошли с дядей чабаном.

Овцы все стояли кучками, головами вместе.

Чабан сказал, что это оттого, что сейчас жарко.

Я хотел посмотреть, какие у них мордочки. Я стал ходить кругом, а они все хвостами стояли ко мне.

А потом я увидел, что овца одна стоит. Я пошел к ней. И стал ее смотреть. А она с рогами. Только у ней рога не как у козла. Они у нее сбоку завитушкой.

И все девочки и мальчики ко мне прибежали и стали говорить:

— О це баран.

Это с рогами не овца, а баран. Он бодается прямо лбом. И рогами тоже задевает. Только он никого не бодал. А мы даже его гладили, и он ничего.

У овец очень много шерсти. Мы их все пробовали гладить по спине. И на хвосте у них тоже много шерсти.

КАК Я ПРО МОСКВУ ГОВОРИЛ

Надежда Ивановна сказала, что есть такие ножницы большие и этими ножницами овец стригут. А потом шерсть берут и скручивают из нее нитки. И из этих ниток делают материю. А иногда прямо без всяких ниток из этой шерсти скатывают валенки.

Овец для того столько и развели, чтоб с них шерсть состригать и потом делать материю и валенки.

А потом у них тоже молоко. Их тоже можно доить. Из овечьего молока очень хороший сыр выходит.

А дядя чабан сказал, что у него ни одна овца не может убежать. Это потому не может убежать, что у него собаки такие. Они очень умные. Если овца начнет убегать, собаки ее догонят и назад пригонят, где все. Если волк захочет прибежать, так собаки все соберутся и прогонят волка. А то прямо заедят.

А когда овцы домой идут, тогда впереди всех идет баран, он у них самый главный. А собаки идут с боков и смотрят, чтоб никто не убегал.

Это вечером дядя чабан их домой загоняет. Там они во дворе спят. А собаки стерегут, чтоб волк не пришел.

Надежда Ивановна сказала дяде чабану, что есть мальчик, который был в Москве. И что это я.

А дядя чабан сказал:

— А ты Сталина видел?

И все стали смеяться, что он так спросил, потому что думали, что я не мог Сталина видеть.

А дядя чабан сказал:

— Чего вы, дурные, смеетесь? К Сталину вон какие маленькие ходили. Такие маленькие, что он их на руки брал.

Я сказал, что это не меня.

А дядя чабан сказал:

— Ну, а что ты в Москве видел?

Я сказал, что Кремль видел, и мавзолей видел, и еще метро видел.

А метро никто не видел, даже Надежда Ивановна. И все стали просить, чтоб я рассказал, какое метро. Я рассказывал и руками показывал. И как на лестнице ездить, тоже рассказывал. И как двери сами закрываются. Я им всё рассказывал. А они все говорили:

— О! О! Дывысь!

Это значит: «Смотри!» Это так все удивлялись. А одна девочка большая сказала, что я неправду говорю. Что такое не может быть.

Я хотел в эту девочку землей кинуть. А Надежда Ивановна сказала, что все правда, что она книжку читала и что в книжке тоже так написано.

Я этой девочке сказал:

— Ага! Что?!

И нарочно еще про пожар рассказал. А потом я не стал рассказывать больше, потому что мне стало очень жарко.

КАК ДЯДЯ ЧАБАН ВОЛКА УБИЛ

Дядя чабан сказал, что вот в Москве зато таких овец нет, как у него здесь. А я сказал, что в Москве собаки есть. Тоже очень лохматые и черные. И они совсем как овца. А дядя чабан засмеялся и сказал, что, может, это не собака, а просто овца. А я сказал, что это собака пудель. И Надежда Ивановна сказала, что у пуделя шерсть такая, совсем как у овцы, только это собака.

А потом я сказал, что в Москве даже слон есть. Даже два, только один поменьше. И что всякие звери в клетках. И что это зоосад.

И все закричали, что знают. И видели на картинках. А дядя чабан сказал, что он не в клетке и не на картинке, а прямо живого волка видал. И сам этого волка убил.

А этот волк овцу хотел унести. Волк схватил овцу за шею и закинул себе на спину. И побежал. А собаки увидали и стали его догонять.

Волк сначала не хотел овцу бросить, он думал, что собаки не догонят. А потом он бросил овцу. А собаки были совсем близко и его догнали. И стали кусать. А дядя чабан бежал к ним с палкой, очень толстой. И стал помогать собакам. И он с собаками победил волка. Дядя чабан сказал, что он не боялся, потому что было четыре собаки. И еще потому, что он очень рассердился на волка.

Надежда Ивановна вдруг встала и сказала, что надо сейчас итти домой, а то солнце очень низко, и это значит уже вечер. И все говорили дяде чабану:

— Прощевайте!

А он говорил:

— Ну, бувайте здоровéньки!

И мы пошли домой. В наш детский сад. И самых маленьких девочек Надежда Ивановна за руки вела, потому что они устали. А одного маленького мальчика вел Гриц.

КАКОЙ ГРИЦ ДОБРЫЙ

Я Грица спрашивал, кто ему дзыгу сделал. Он сказал, что сам сделал: он взял толстую палку, а потом ножиком застрогал на конце, чтоб было остро, а потом он пилкой отрезал от палки этот кусочек. Вот и дзыга.

Я стал просить Грица, чтоб он мне тоже дзыгу сделал. А Гриц взял полез в карман, достал дзыгу и отдал мне. И сказал, что насовсем отдал. Это моя будет дзыга, а он себе другую сделает.

Я ему сказал, что я его очень люблю, что он такой хороший. А он мне сказал, что я буду дзыгу в Киеве показывать.

А когда мы в детский сад вернулись, там уже тарелки стояли. И это был молочный суп. Это потому, что нянька увидела, что мы идем, и все поставила. Чтоб скорей, потому что поздно. Мы очень скоро руки помыли и стали есть. А комары прилетали и нас кусали.

Я еще не кончил есть, вдруг пришла Маруся. Она на меня посмотрела и стала смеяться.

Это она думала — меня так комары покусали. А это я от крапивы такой красный. Не сам я, а руки.

Маруся сказала, чтоб я прощался и что надо итти к бабушке. И все дети тоже пойдут домой, потому что сегодня уже детский сад кончился, а завтра утром начнется. Маруся так скоро меня вела, прямо бежала.

А когда мы пришли в нашу комнату, она сказала, что будет ночевать со мной вместо бабушки. Потому что бабушка не придет: она всю ночь будет сидеть у этой больной тети.

Полынь

ПРО ИНДЮКОВ

Мы ночевали, а утром меня Маруся опять в детский сад увела.

И мы ходили смотреть курочек и индюков. Мы с Катей ходили. И тоже песню пели.

Я уже немного пел по-украински.

Индюки очень злые. Они кричат: «Бала-бала-бала!» Они ростом такие, как я. Они черные, а под клювом у них висят красные мешочки.

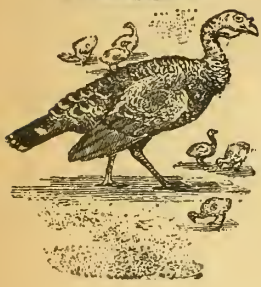
Один индюк стал сердиться. Он хвост растопырил кружком. И все перья растопырил. И стал совсем круглый.

Он весь надулся и со злости фыкал.

Он ходил и делал: «Фы, фы!» А мы его не боялись, потому что нас много. А индюшки очень тоненько кричали: «Плю-плю!» Они совсем не злые.

Катя дала одной индюшке кусочек хлеба.

Чертополох



Индюшка тихонько подошла, голову вперед очень вытянула, посмотрела, что Катя держит, и клюнула хлеб. Она в самый хлеб клюнула. А руку нисколько не клюнула.

А мы все кричали:

— Молодцы, индюки!

А индюки все отвечали:

— Бала-бала-бала!

Только тот, который фыкал, не кричал.

Он только напыжившись ходил.

А потом там были индюшата. Они — как маленькие индюшки и совсем тоненько пищат. Я хотел одного погладить. А они сразу убежали. Катя сказала:

— Не надо гонять. Зачем гоняешь?

А я не гонял, а только чтоб погладить.

САМЫЕ МАЛЕНЬКИЕ КУРОЧКИ

Потом мы пошли к маленьким курочкам и петушкам. Они совсем маленькие.

Я не узнал, что это курочки, и закричал:

— Голуби какие смешные!

И все стали смеяться, что я глупый.

А эти курочки все равно смешные. У них на ногах перья, как штанишки, и совсем коротенькие ножки. И петушок тоже маленький и тоже со штанишками. Они совсем беленькие. И Катя сказала, что это китайские. А потом другие курицы были. Так они большие, как индюки. Они коричневые. И петухи тоже коричневые. И я видел, как два петуха стали драться. Я сначала засмеялся, а потом испугался. Потому что они так подскакивали, что я боялся — вдруг петух на меня прыгнет. Только петухи на нас не прыгали, а сами дрались. И даже перья вырывали. И потом ногами били. А у них на ногах колючки. Это нарочно, чтобы бить. Эта колючка называется шпора. Это мне потом бабушка сказала. Эти шпоры у петухов для драки — они, если рассердятся, так дерутся досмерти.

Только эти досмерти не дрались, потому что один убежал, а другой петух кричал: «Ку-ка-ре-ку!»

Этих больших петухов, Катя сказала, что она сама боится. Потому что они могут налететь на голову. И могут голову в кровь расклевать.

Они очень сильно клюются. Прямо как гвоздем.

Только они сами людей боятся. Это когда их очень рассердят, так они могут на человека налететь.

А Гриц пошел к одному такому петуху, так он убежал.

КАК ВСЕХ КОРМИЛИ

Потом мы видали, как их всех кормили. И кур и петухов. Тетя принесла клетку. Она из деревянных палочек и как будто крыша от домика. И она очень длинная. И там зерно внизу насыпано.

Курицы, как увидали, что тетя эту клетку несет, все к ней побежали. Ей прямо итти нельзя было.

А потом тетя поставила эту клетку на землю. И еще одну такую принесла.

И все курицы и все петухи прибежали к этим клеткам и просовывали головки между палочек и клевали зерно. И мы все смеялись, потому что вышло, что все стоят в ряд и едят, как будто они за столом. И нам сказали, что это так для того, чтоб никто никого не обижал и мог клевать, сколько хочет.

КУКУРУЗА

Когда курицы клевали, я тихонько подошел и одну курочку погладил. А она все равно не убежала, потому что очень клевала. А там, в кормушке, я видел, была кукуруза. Я тогда не знал, что это кукуруза. Мне Гриц сказал. Она желтая и как горошек. Я попросил, чтоб мне дали кукурузу. Потому что, я сказал, я ее никогда не видал. И все стали смеяться, что я кукурузу не видал. А эта тетя, что кормила кур, принесла мне кукурузу. Она мне принесла круглый столбик, он с бутылку ростом, и он весь облеплен желтыми зернышками, густо-густо — зернышко к зернышку.

Я сказал:

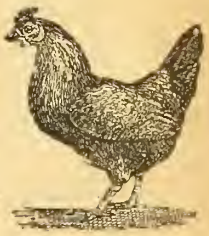
— Спасибо.

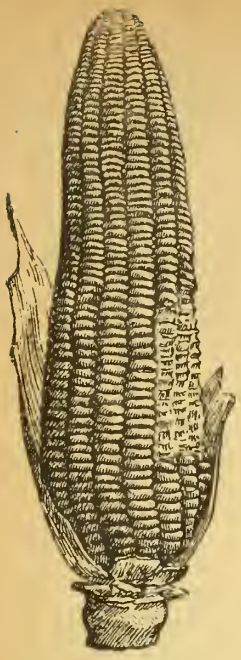
А не знал, что с ним делать.

А Гриц взял у меня и сказал:

— Пойдем.

И мы ее об забор били. И отскакивали эти самые зернышки. А куры увидали, что падают зернышки, и стали их хватать,





Початок кукурузы

потому что они в кормушках всё склевали. А мы не стали больше зерна сбивать. Потому что можно было рукой отламывать. А в середине там белый столбик. Это на нем и растут эти зернышки.

Я попробовал одно зернышко съесть. Оно очень крепкое, а я все равно разжевал. Мне Гриц сказал, что когда кукуруза молодая, она не желтая, а белая и очень мягкая. Ее варят и прямо зубами эти зерна сгрызают. И это очень вкусно. Этот столбик с зернышками называется початок.

Я держал початок и глядел на него и все говорил:

— Початок, початок.

Вдруг подошел большой петух и клюнул мой початок. Склевал зерно и опять клюнул. И сказал: «Ко-ко-ко!»

Я не знал, что делать, и держал початок. А когда петух сказал «ко-ко», то прибежали курицы, тоже большие, и тоже стали клевать.

Я поднял початок повыше, а петух подпрыгнул и клюнул зерно. Гриц прибежал и прогнал петуха. Замахал на него руками и закричал:

— Киш!

КАК НА НАС ГУСАК НАПАЛ

Катя сказала, что уже довольно и надо итти. Мы пошли по полю и хотели петь песню.

И вдруг к нам побежала белая птица. Она сбоку на нас бежала. Очень большая, на коротких ножках. У ней очень длинная шея. Она шею вытянула вперед и на нас шипела. И все закричали:

— Гусак, гусак!

А это гусь. А там, дальше, сидели гусыни. Они были тоже белые и большие. Только они на нас не бежали. А Катя сняла платок и стала на гусака махать и кричать:

— Геть! Геть!

А он все равно ее за ногу ущипнул клювом.

Тогда мы все закричали и побежали на гусака. Он испугался и побежал назад. Бежал и немножко подлетал на крыльях.

А гусыни встали на ноги и закричали: «Го-го-го!» И стали убегать.

Они скоро не могут бегать, потому что у них очень короткие лапки. Этих гусей вдруг не стало видно.

Катя нам кричала, чтоб назад, а мы все равно бежали. И еще мальчик один кричал, чтоб мы не бежали. Этот мальчик гусей стерег и кричал, чтоб мы гусей не угоняли.

И вдруг я увидел воду. Потому что тут была речка. И все гуси поплыли по воде. Они очень красиво плыли, как будто они пароходы.

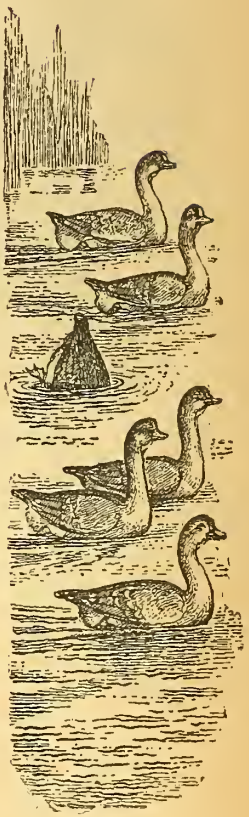
А мальчик, который их стерег, стал плакать, потому что он не знал, куда они теперь уплывут.

Катя на нас тоже очень сердилась: зачем мы гусей погнали. А Гриц сказал, что он их сейчас назад пригонит. И он с этим мальчиком побежал. И они забежали на ту сторону воды и стали кидать в гусей камни.

Гуси испугались и вылезли к нам на берег. А Катя подняла палочку и стала их гнать от воды.

А потом прибежал мальчик, который гусей стерег, и сказал, что теперь хорошо. И пускай гуси щиплют траву. Они траву едят.

А Гриц мне сказал, что он в гусака попал маленьким камешком. И поэтому гусак очень испугался и стал выходить из воды.



КАКИЕ Я ЕЩЕ БУКВЫ УЗНАЛ

Катя нам сказала, чтоб мы становились по два и чтоб мы скоро шли, потому что надо уже обедать. И мы все хотели обедать. И очень скоро пришли, где наш детский сад. А около детского сада стояла бабушка.

Я закричал:

— Бабушка!

И побежал к ней.

А бабушка меня поцеловала и сказала, что она на минутку, потому что ей опять надо итти к той больной тете. Она меня спросила, шалил я или нет. Я сказал, что не шалил и что мне дали кукурузу. И показал какую. И сказал, что это мы с Грицем ее обколотили. И потом петух тоже объел и курицы: мы ходили их смотреть.

Я хотел рассказать про индюка, а бабушка сказала, что потом, а сейчас ей надо итти. И опять меня поцеловала и ушла. А Кате сказала «спасибо».

И мы с Катей пошли руки мыть. А на обед ели борщ. А потом было мясо вареное и огурцы.

А про огурцы Гриц сказал, что «это наши»

А я сказал:

— Почему?

Гриц сказал, что потому наши, что здесь есть грядки. Эти грядки дети накопали и потом посадили огурцы. И посадили бураки. И еще помидоры. А потом посадили подсолнух. И что это огород.

И мы сегодня вечером его поливать будем.

Я сказал, что тоже хочу поливать. Гриц сказал, что все будут поливать и я тоже.

Потом нам дали киселя с молоком.

И мы взяли тюфячки и пошли спать под деревом. И чтоб не разговаривать.

И мне было очень жалко, что я бабушке дзыгу не показал. Она у меня в кармане лежала.

Потом пришла Надежда Ивановна. И мы все стали кричать:

— Надежда Ивановна! Надежда Ивановна!

И мы опять находили буквы. И я узнал, какая буква «Х». Она косым крестиком. И еще букву «Н». Она — две палочки с пояском.

Надежда Ивановна сказала, что я молодец. И показала мне букву «Ж». И сказала, что это похоже, как жук ползет. Я так руками сделал, как «Ж», и зажужжал.

И все стали тоже так руками делать и жужжать.

КАК МЫ ИГРАЛИ В «ЧЕЛЮСКИНА»

Потом Надежда Ивановна полезла в карман и вынула мячик. Маленький и черненький. И сказала, что мы сейчас пойдем играть в мячик.

Мы стали в кружок и бросали мячик и ловили.

Только не все ловили, потому что не могли схватить и потому, что мячик очень мимо летел.

Я никак не мог поймать и хотел плакать. А Надежда Ивановна поймала мячик и крикнула мне:

— Ну, лови!

И кинула мне прямо в руки. Я его не мог схватить, я его руками к себе прижал. А все-таки не уронил. А потом взял и кинул. А потом мы ходили все вокруг и пели. И так пели, что устали.

Надежда Ивановна сказала, чтоб мы шли на веранду. И что она нам будет рассказывать про пароход. Как он шел, а кругом лед. И как потом пароход потонул, а люди стали жить на льду, и никуда нельзя было уйти. Это она нам так рассказывала. И что потом прилетели самолеты и всех людей перевезли на землю. И что пароход этот назывался «Челюскин» и что там была совсем маленькая девочка, и ее тоже перевезли на самолете.

А потом мы в это играли. Гриц из скамеек сделал пароход. И мы там жили, и мы ехали все на этом пароходе. А Гриц был Шмидт, который был самый главный. А я был Воронин, который был капитан. И у девочек были куклы. Они тоже ехали с нами.

А потом Гриц сказал, что наш пароход сейчас потонет, потому что его лед поломает. И чтоб все выходили, а то все утонут. Все вышли, и кукол тоже вынесли.

Гриц взял и все скамейки повалил и сказал, что это пароход потонул. Пароход «Челюскин» потонул. Гриц сказал, чтоб все говорили, что очень холодно.

И потом мы из скамеек делали палатки. Мы их заборчиками ставили, чтоб у всех были домики.

А потом мы были летчики, и мы руки ставили, как самолет, и делали: «Р-р-р!..» И мы летали и всех перевозили.

Мы сказали Надежде Ивановне, что уже всех перевезли. Мы потом были собаками. И я тоже, потому что я маленький. И мы все лаяли очень громко.

А Гриц нас всех перевез, потому что он потом был летчиком, а не Шмидтом. Когда он нас вез, мы бежали и тоже лаяли. А одна девочка визжала.

Это она сказала, что она так боится лететь.

КАК Я ОГОРОД ПОЛИВАЛ

А совсем вечером мы пошли поливать огород. Няня и Катя доставали воду из колодца. Они за ручку крутили большую катушку, и на катушку накручивалась веревка, и от этого поднималось ведро из колодца. И они наливали нам в наши ведра маленькие. И мы выливали прямо на грядки. И я увидал, что там есть листья и растут по самой земле.

И я закричал:

— А я знаю! Это дыня растет!

И все закричали:

— И не дыня! И не дыня!

И сказали, что это огурцы. И я увидал, что там огурцы. И там были всякие: еще очень маленькие, с волосиками, и совсем большие, какие мы сегодня ели.

А потом я видал, как растет морковка. Она вся в земле сидит. А наверху только листики. Они пучком торчат. Катя мне потом одну нарочно вытянула. Она схватила за листики и потянула, и из земли вытянулась красная морковка. Катя ее в воде вымыла и подарила мне, чтоб я ел. Она очень вкусная. Я Грицу тоже оставил, чтоб он ел.

А потом мы очень-очень много воды носили, где капуста. Она круглая, как шар. И не очень зеленая. И няня сказала, чтоб на капусту побольше воды лить, потому что она очень воду любит.

И свеклу мы тоже поливали. Только немножко.

КАКОЙ ПОМИДОР

Потом там росла очень высокая трава. И я думал, что кусты. А это не кусты, а помидоры.

На них были очень маленькие желтенькие цветочки, а потом еще зеленые шарики, как яблоки, а потом шары совсем красные. Это и есть помидоры.

Мне тоже один помидор дали, чтоб я съел. Я думал, что помидор крепкий, как яблоко, и куснул со всей силы.

А он так и брызнул, потому что он очень мягкий. Он кисленький немножко и очень вкусный. И в нем очень маленькие зернышки. Они желтенькие.

Я еще хотел помидора, только я не попросил. А мне сказали, что завтра все будут есть помидоры.

А потом я видел подсолнух. Он растет вверх, как палка. А на самом верху — кружок. В этом кружке всё семечки. А кругом желтенькие листочки, как у цветка. Один подсолнух был совсем готовый, и няня срезала у него этот круг. И мы все смотрели, как там семечки сидят. Они очень крепко сидят. Они так густо сидят, что нельзя выковырять ни одного семечка моим пальцем.

А няня выковыряла. И всем дала по семечку, чтобы попробовать. А они очень мягкие. И няня сказала, что их еще сушить надо.

КАК Я БАБУШКЕ РАССКАЗЫВАЛ ПРО ДЕТСКИЙ САД

Мы пошли «вечéрять», а это значит ужин есть. Только я не ел, потому что прибежала Маруся и сказала, чтоб я шел к бабушке. Я всем сказал «прощевайте» и всем сказал «спасибо». Это мне Маруся сказала, чтоб я благодарил. А Маруся мне сказала потому, что ей бабушка велела сказать.

И мы с Марусей побежали. И прибежали к бабушке в ту комнату, где мы жили. Бабушка очень обрадовалась. Она пила чай и сказала, чтоб я тоже пил чай и Маруся тоже. И потом у бабушки были помидоры. И еще был сыр, очень белый и мягкий. Бабушка сказала, что это овец доят и из этого молока делают сыр. И что это — брынза.

А я полез в карман и сказал бабушке:

— А это — дзыга.

Бабушка засмеялась и спросила, кто мне дал. И я ей рассказал, какой Гриц хороший. А потом стал показывать, как индюк ходит.

Вдруг пришел Матвей Иванович и сказал, что приехал доктор и сказал про эту больную тетю, что она уже не больная. Бабушка сказала, что тогда мы завтра поедем в Киев.

А когда Матвей Иванович стал уходить, я ему сказал, что я видел маленьких курочек и они очень хорошенькие. Матвей Иванович меня немножко по спине хлопнул и сказал, что не забыл и что курочек мне даст: одну курочку и одного петушка.

Помидоры

Подсолнух

СТАДО

КАК Я ИСПУГАЛСЯ СТАДА

Бабушка встала и пошла Матвея Ивановича провожать. И я пошел тоже. И мы дошли до самых ворот.

Я немножко вышел из ворот на улицу. И вдруг я увидал, что по дороге идут коровы. Очень много, прямо на всю улицу. И очень большая пыль от них.

Я скорей побежал в ворота и схватился за бабушку.

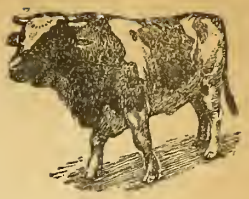
Матвей Иванович сказал:

— Что там?

И посмотрел на улицу. И сказал:

— Это наше стадо.

А это стадо все шло к нам ближе.



И я боялся, чтоб это стадо не пришло к нам в ворота. И стал просить бабушку, чтоб итти.

А Матвей Иванович сказал, что не надо бояться: коровы сюда не придут. А я все равно боялся, потому что их очень много и они идут прямо сюда.

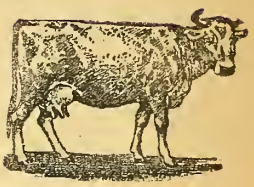
А когда они пришли, я увидел быка. Он больше всех, и у него рога идут прямо вбок. И он очень страшный. А потом пошли коровы.

Они не страшные. И Матвей Иванович хлопал их ладошкой и гладил по шее.

А бабушка мне сказала, чтоб я скорей принес хлеба из комнаты и насыпал на хлеб соли.

Я скорей побежал и насыпал на хлеб очень много соли. И бегом принес бабушке. Бабушка взяла хлеб и сунула одной корове. Корова стала и носом потянулась к бабушке. И совсем вошла в ворота. И стала есть у бабушки из руки хлеб.

Я думал, что она не станет есть, потому что много соли. А она все съела и даже бабушку по ладошке лизнула.



А потом Матвей Иванович ее стал по шее хлопать, чтоб она уходила.

Бабушка сказала, что коровы соль очень любят. И что коровы добрые и не надо их бояться. Только они собак не любят.

Потом стадо кончилось, и в конце шел дядя пастух. И с ним еще мальчик шел.

А у дяди пастуха очень длинный кнут. Это чтоб коров подгонять.

И еще шли три собаки.

Мне бабушка сказала, что коровы целый день были в поле. Их с утра туда угоняют, чтобы они траву ели. А дядя пастух их стережет, и собаки тоже.

А теперь этих коров будут доить и из этого молока будут делать масло, и сыр, и творог, и сметану. И прямо так будут пить.

Матвей Иванович сказал:

— И в детский сад принесут.

Я сказал, что в детском саду много молока пил. Прямо вот такую кружку.

Бабушка сказала Матвею Ивановичу, чтоб нам лошадей завтра пораньше.

И мы пошли с бабушкой спать.

КАК МЫ УЕХАЛИ ИЗ КОЛХОЗА

Утром бабушка меня разбудила, а это было совсем темно. У нас лампа горела.

Бабушка сказала, чтоб я скорей пил молоко и ел сыр брынзу, потому что мы сейчас поедем.

Мне очень хотелось спать. А бабушка говорила, чтоб я ел скорей.

А потом я услыхал, что лошади приехали и что кто-то к нам идет. А это Матвей Иванович. Он пришел и сказал:

— Доброе утро!

И потом сказал:

— Ну, готовы?

А я сказал:

— Бабушка, а початок взяла?

Бабушка сказала, что початок она завязала к себе в вещи и что он с нами поедет.

Матвей Иванович взял наши вещи, и мы пошли, а там внизу был дядя Опанас и Маруся.

Я Марусе и Матвею Ивановичу говорил «до свиданья». А они бабушке говорили «спасибо». Я Марусю и Матвея Ивановича немножко видел, потому что было немножко светло. Мы сели, и бабушка меня в платок закутала, потому что было холодно. Дядя Опанас взял вожжи, и мы поехали. Бабушка меня рукой держала, и я заснул.

ОТ ПАПЫ ПРИШЛА ТЕЛЕГРАММА

Мы так ехали и приехали в Киев. А когда приехали в Киев, там было очень жарко, потому что было солнышко.

Мы приехали, где бабушка живет. Клава прибежала и стала бабушку целовать. И стала говорить, что она окунька в банке взяла к себе. А я сказал:

— Почему?

Клава сказала, что его кошка хотела из воды лапкой поймать и съесть.

Потом сказала, что кошку она очень кормила, и еще сказала, что бабушке принесли телеграмму.

Мы опять на лифте ехали с бабушкой. А Клава пошла наши вещи брать. И вдруг она принесла деревянную клетку. А в клет-

ке сидели маленький беленький петушок и беленькая курочка. А я не знал, что они с нами приехали!

Это Матвей Иванович их на тележку поставил. Потому что он их мне подарил.

Бабушка их отнесла, где ванна, и дала мне зерен, чтоб я им посыпал, чтоб они клевали. А потом сказала Клаве, чтоб она поставила курочкам в чашке воды, чтоб им пить. Они пили и головки вверх поднимали.

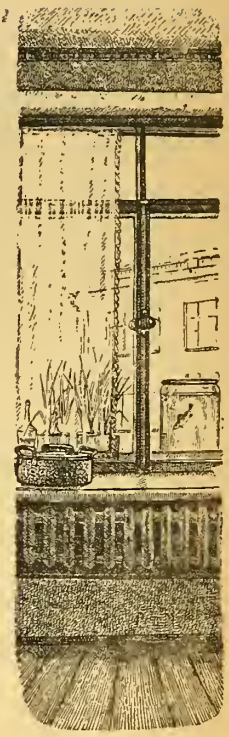
А потом бабушка стала читать телеграмму.

Мы с Клавой курочек кормили в ванной, а бабушка к нам пришла и сказала:

— Завтра утром приедет папа. Он за тобой, Алеша, приедет и возьмет тебя в Харьков. Ты будешь в Харькове жить.

Бабушка взяла меня на ручки и поцеловала. Она меня очень целовала и говорила:

— Ну, вот я и останусь... Одна останусь.



КАК МЫ С КЛАВОЙ ДЗЫГУ ПУСКАЛИ

Потом мы стали пить чай. Я Клаве показывал початок и дзыгу. Я просил бабушку, чтоб она мне кнут сделала — дзыгу гонять.

Бабушка выстругала палочку и привязала веревочку. И вышел кнутик. Мы стали с Клавой пускать дзыгу и не могли. Бабушка запустила и погоняла дзыгу. А дзыга все под стулья убегала.

А потом мы с Клавой тоже немножко могли запускать дзыгу. Мы ее на дворе пускали.

А потом я ходил моего окунька смотреть. Он у Клавы на окне за стеклом стоял.

Бабушка все не хотела, чтоб я уходил, и все говорила:

— Побудь со мной, Алешенька. Играй здесь.

АЭРОПОРТ

ПАПА

Утром я еще спал, вдруг папа пришел.

Он очень был веселый, бабушка тоже смеялась и немножечко плакала.

А папа все говорил, что я загорел, и еще говорил, что я теперь украинец.

А я папе сказал, что у меня початок есть и что мне курочек подарили. И что я в колхозе был.

А бабушка мне сказала, чтоб я скорей одевался.

Папа пошел в ванную мыться. И там смотрел моих курочек.

А потом бабушка сварила кофе, и мы пили.

А папа говорил, какая у нас в Харькове квартира. И что он уже все устроил. И чтоб бабушка к нам зимой приезжала.

И потом папа говорил, что он не приехал, а прилетел. Он на самолете прилетел. И сказал, что мы на самолете полетим с ним в Харьков. И что мы сейчас полетим. Потому что у папы уже билеты есть.

Папа все боялся, чтоб не опоздать. Бабушка сказала, что еще можно посидеть. Мы на диване сидели, и папа меня рукой держал. И с бабушкой говорил.

Бабушка говорила, что я не шалил. А что я только немножко слив объелся. И что пусть я у ней живу. А потом она меня привезет в Харьков. Я тоже сказал, что хочу, чтоб у бабушки жить.

А папа сказал, что нельзя. Потому что мама меня очень хочет.

КАК БАБУШКА ЗАПЛАКАЛА

Потом папа встал и сказал, что надо итти. Потому что надо сначала ехать в автобусе. Бабушка сказала, что пойдет нас провожать. Она все мои вещи сложила: и мячик, и мишку, и початок, и дзыгу, и кнутик. Только папа сказал, что окунька не надо и курочек тоже. Они пусть у бабушки будут. Они пусть будут мои, только у бабушки живут.

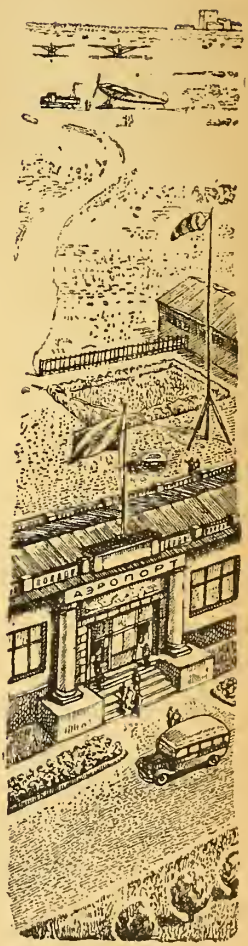
Бабушка мне сказала, что она их будет беречь.

Потом папа взял мои вещи, и мы пошли.

Мы ехали на трамвае и приехали, где стоит этот автобус. Он к самолету везет. Он на улице стоял и ждал. Это он всех ждал, кто на самолете будет лететь.

Бабушка немножко заплакала и стала целовать папу, а потом меня на руки взяла и тоже очень целовала и говорила:

— Не забывай, Алешенька, бабушку.



САМОЛЕТНЫЙ ВОКЗАЛ

Кондуктор сказал, что сейчас ехать. Папа кондуктору билеты показал, и мы сели в автобус.

Бабушка мне рукой махала. А потом я бабушки не видал, потому что там много автомобилей и людей. И мы поехали по улицам.

Папа меня спросил:

— Тебе хорошо у бабушки было?

Я сказал, что очень. А больше я не говорил, потому что автобус очень шумел.

А потом мы поехали по дороге, где уже не город. И приехали, где стоит дом. Это вокзал, только самолетный. Он совсем не вокзал, а просто дом. И там всякие комнаты. И мы с папой пошли в столовую.

Папа сказал, чтоб мне дали ветчины и молока. А папа пил чай и ел сосиски.

Папа сказал, что в аэроплане мы будем сидеть в кресле и что будем лететь высоко и очень скоро. Прямо скорей, чем птицы.

А я сказал:

— Скорей, чем орел?

Папа сказал, что скорей, чем орел, и скорей, чем ласточка.

КАК МЫ ЛЕТЕЛИ НА САМОЛЕТЕ В ХАРЬКОВ

Потом папа сказал, что надо итти садиться в самолет. И мы вышли с папой и вещи тоже взяли с собой.

А там поле. И на нем трава.

А потом стоял самолет. Он впереди на колесиках. И с боков у него идут крыши.

А папа сказал, что это не крыши, а крылья. Только самолет ими не машет, а они стоят крепко.

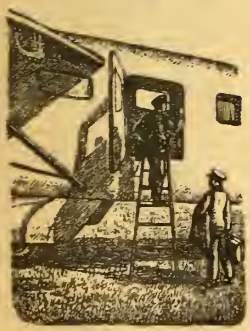
А потом идет длинный домик с окошечками. И туда — лесенка и дверь. Он — как вагон.

Папа меня на руки взял и туда втащил. А там стояли кресла. Папа сел и взял меня на колени. И я стал смотреть в окошко. Наши вещи тоже принесли. И поставили в самолет.

И еще пришли два дяди и одна тетя. И тоже вещи принесли.

А впереди, в будочку, сел дядя. Я сказал, что это шофер. А папа сказал, что это пилот.

Я еще хотел сказать, только ничего не мог сказать, потому что машина очень загудела, и мы поехали по этому полю. Прямо по траве.



Папа взял кусочек ваты и заткнул мне уши. Я не давал, а папа все равно заткнул.

Самолет очень стало трясти, потому что он шибко бежал.

Папа меня крепко держал, и мне было ничего.

А потом не стало трясти. Папа стал мне в окно показывать, чтоб я посмотрел.

А там внизу были домики. И маленькие трамвайчики. И река внизу была. И маленькие пароходики. И еще мост. Я очень обрадовался, что они такие маленькие и хорошенькие. Они — как на картинке.

И я стал хлопать в ладоши и кричать. А папа совсем ухо ко мне приставил и слушал, что я кричу.

А я кричал, что какие маленькие и какие хорошенькие. А папа мне в ухо закричал, что это потому, что мы высоко. А потом я видел, как поезд идет и паровозик и как у него из трубы дым идет.

Потом самолет стало немножко качать, и я кричал папе:

— Почему? Почему?

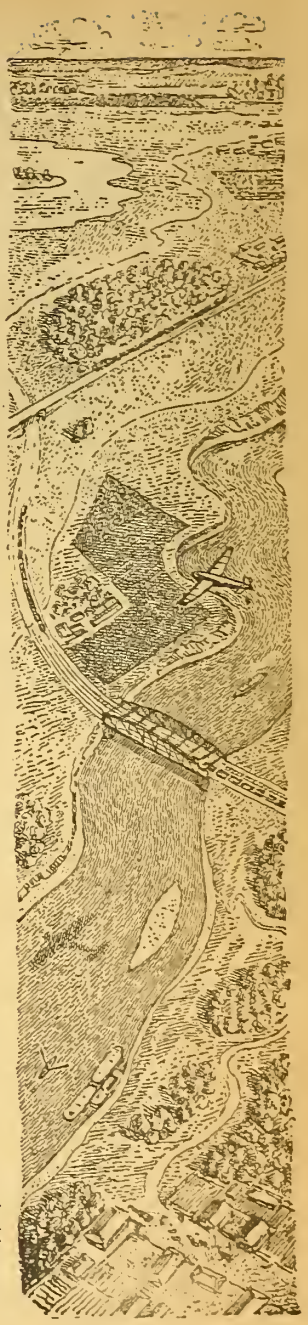
А папа положил меня у себя на руках и мне в ухо сказал, чтоб я спал. И я стал спать.

А потом я проснулся, и папа мне закричал:

— Вон Харьков!

И стал мне в окно показывать. А там как будто канавки. А это не канавки, а улицы, и по ним трамвайчики бегают.

И это город Харьков.



КАК МЫ ПРИЛЕТЕЛИ В ХАРЬКОВ

А потом мы прилетели, где поле и тоже трава. И наш самолетик побежал прямо по полю. И нас опять стало трясти, как в Киеве. А потом самолет стал. И к нам побежали люди.

А это не поле, а это чтоб самолетам прилетать и называется аэродром. Потому что папа мне из ушей вату вынул и сказал, что это аэродром. И еще сказал, что потому вату положил, что машина очень шумит и потом будут уши болеть. И все тоже стали из ушей вату вынимать, потому что тоже себе вату запихали.

И все стали выходить, потому что нам открыли дверь и поставили лесенку. И люди стояли и глядели, как мы выходим.

Мы с папой стали выходить, и папа меня за ручку по лесенке сводил.

Я смотрел на лесенку, чтоб не упасть, а потом смотрю — мама. Она прямо ко мне побежала и закричала:

— Алешка! Алешка!

Мама очень радовалась и говорила, что боялась, что мы с папой летим.

А я сказал, что я не боюсь летать и что летать очень хорошо.

Там тоже стоял вокзал. А только мы в вокзал не пошли. Мы пошли, где стоял автомобиль.

И папа сказал маме, что меня укачало. И что я спал.

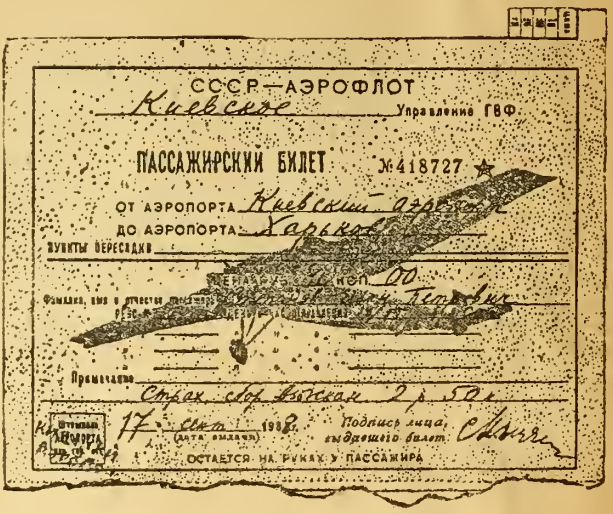
ТЕПЕРЬ В ХАРЬКОВЕ НАШ ДОМ

Мама мне сказала, что я теперь в Харькове и мы сейчас поедем домой и будем обедать. И что у нас новая квартира и мы сейчас туда поедем.

Я очень хотел видеть, какая новая квартира. И я маме сказал, что я очень люблю бабушку. И что Гриц очень добрый и мне дзыгу подарил.

А потом все сели в автомобиль, и положили наши вещи, и поехали на новую квартиру.

И мы стали жить в Харькове.


СССР—АЭРОФЛОТ
Киевское Управление ГВФ
ПАССАЖИРСКИЙ БИЛЕТ № 418727
ОТ АЭРОПОРТА Киевский аэропорт
ДО АЭРОПОРТА Харьков
ПУНКТЫ ПЕРЕСАДКИ
Примечание
Страх. сбор Киевск 2 р. 50 к.
17 Сент 1932
(дата выдачи)
Подпись лица, выдавшего билет
ОСТАЕТСЯ НА РУКАХ У ПАССАЖИРА

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Как меня называли 3
Про что мама с папой говорили . . . 4
Как мама на меня рассердилась . . . —
Билет 5
Как собирались в дорогу 6
Вокзал 7
Какая платформа 8
Как я потерялся 9
Как я нашелся 10
Вагон 11
Собачка Инзол . . . . . —
Как мы поехали 12
Какая железная дорога . . . . . —
Как мы спать легли 13
Как ночью приехали на станцию . . . 14
Как мы в вагоне умывались . . . . . —
Как нам кофе принесли 15
Как автомобиль хотел обогнать наш поезд 16
Что значит желтый флаг 17
Как переехали через реку . . . . . —
Наш паровоз 18
Как нас семафор не пустил . . . . . —
Как один дяденька остался 19
Как в тендер воду наливали . . . . —
Какие вагоны всякие бывают 20
Мы приехали . . . . . —
Как я видел машиниста 21

МОСКВА

Какое такси 22
Как в Москве на улицах 23
Светофор 24
Мы приехали в гостиницу «Москва» . 25
Как в гостинице 26
Башни . . . . . —
Какой номер 28
Как я купался и что потом сделал . . —
Как мы чай пили и про звонок . . . 29
Красная площадь 30
Как тушили пожар 32
Как пожар кончился 33

МЕТРО

Как под землей ездят 35
Как я ездил в метро 36

ЗООСАД

Как мы ездили в зоологический сад . . 38
Как мы в зоосад приехали . . . . . —
Пеликан 39
Орел . . . . . —
Дикобраз 40
Как я катался на маленькой лошадке . 41
Мишки 44
Зебра 45
Как мы завтракали . . . . . —
Я видел пионеров 46
Как мы опять в зоосад пошли 47
Слоны 48
Как слон купался 49
Как слон пьет . . . . . —
Какой мальчик Петя 50
Какие слоны умные . . . . . —
Про хищников 51
Про тигра и про льва 52
Медведь 54
А мишка вовсе не косолапый 55
Большая обезьяна орангутанг . . . . —
Макаки 56
Павлин — самый красивый 57
Папа телеграмму прислал . . . . . —
Девочка Люба 58
Как я Любе зверей показывал . . . 59
А мы опять в зоосад поехали . . . . —
Кенгуру 60
Самая большая птица 61
Как Люба крокодила боялась 63
Про белых мишек 64
Как мы мишек кормили 65
А мы опять Петю видели . . . . . —
Как Петя мне перо подарил 66
Как у меня перо отняли 67
Про утконоса 68
Какие у Любиного папы жуки и бабочки 69

КРАСНАЯ АРМИЯ

Как мы уехали из Москвы 71
Дядя военный 72
Маневры 73
Вот что мимо ехало 74
Как сверху воюют 75
Собаки тоже на войну идут . . . . . —

ЛЕС

Как дядя военный повел меня в лес . 77
Что значит «ау!» 78
Какие мы ягоды нашли 79
Как мама испугалась 80
Как я грибы искал 81
Какое болото 82
Как мы с дядей спали 83
Как мы проснулись и как страшно было 84
Кто малину ел 85
Я бруснику нашел 86
Дядя не сказал, что мы гадюку видели 87

НА ДАЧЕ У БАБУШКИ

Какая бабушка 88
Про кошек и как я бабушке грибы показывал 89
Какой подарок 90
Пристань 91
Как пароход пришел 92
Как я испугался гудка 93

ПАРОХОД

Как мы на пароход пошли, чтоб ехать . 95
Мы поехали 96
На пароходе есть столовая 97
Как было в нашей каюте . . . . . —
Какой смешной шкапчик 98
Как меня тетя хотела забрать 99
Какой плот 100
Как мы пошли на самый верх 101
Как пароходом правят 102
Как я познакомился с матросом Гришей 103
Гриша мне лодку показал 104
Как я с Витей дрался . . . . . —
Как Витя мячик выбросил 106
Капитан ко мне пришел 107
Якорь 108
Какая кухня на пароходе 109
Пристань 110
Как мишку купали 111
Как мы к капитану ходили . . . . . —
Днепр 113

ДОМА У БАБУШКИ

В бабушкиной квартире 117
Как я плитки боялся 119
Газ 120
Как мы руки мыли 123
Какая кукла с носовым платочком . . 124
Как я Клавдю дразнил . . . . . —
Как электричество кусает 125

ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ

Мы пошли к пионерам 127
Дворец пионеров 129
Тоня 130
Как мы птичек делали 131
Как мы коврики делали 132
Как мы запускали автомобильчики . . 133
Как я катался на лошади 134
Как представляли зайчиков 135
Я на велосипеде катался и стрелял из ружья 136

НЕВОД

Как мы поехали на невод 138
Как я рассердился на девочку 139
На меня волна набросилась 140
Бабушка мне кораблик сделала . . . 141
Мы пришли, где невод . . . . . —
Невод 142
Как невод вытаскивали 143
Какие в невод рыбы попались 144
Мы пошли ночевать 146
Как мы домой приехали 147

КОЛХОЗ

Матвей Иванович приехал к нам . . . 148
Очень большое яблоко 149
Про самое маленькое на свете яблочко —
Какой сад есть в колхозе 150
Мы поедем в колхоз 151
Груша дюшес . . . . . —
Матвей Иванович уехал 152
Матвей Иванович за нами прислал лошадей . . . . . —
Как мы лошадей поили 153
Шелковица 154
Как из земли хлеб растет 155
Как я зерна ел 157
Я думал, что поезд, а это не поезд . . —
Как мальчик на лошади скакал . . . 159
Как мальчик утонул . . . . . —
Мальчик опять стал живой 160

Как мы в колхоз приехали 160
Как мы в колхозе обедали 161
Кавун 162

БАШТАН

Как я пошел на баштан 164
Дедушка 165
Какой самый большой кабак 166
Бутылочки . . . . . —
Дыня 167
Арбузы 168
Как я в шалаше спал 169
Как я собак прогнал от бабушки . . . —
Что дедушка рассказывал 170
Мы с бабушкой ушли к себе 172

САД

Мы с Марусей пошли в сад 173
Про абрикосы и про яблоки 174
Зачем палки 175
Как яблоки собирают . . . . . —
Кто браковщик 176
Сливы . . . . . —
Как Маруся на меня рассердилась . . 177
Кукольные яблочки 178
Как я слив объелся . . . . . —
Я заболел от слив 179
Что Маруся принесла 180
Как я испугался 181
Как я набежал на козочку . . . . . —
Матвей Иванович пришел к нам . . . 183

СКОТНЫЙ ДВОР

Свиньи 184
Поросята 186
Как я на козле катался . . . . . —
Как Серый козла прогнал 187
Про козочек 188
Гребенки . . . . . —
Маруся меня увела 189

ДЕТСКИЙ САД

Как меня в детский сад отвели . . . 191
Я с девочкой чуть не подрался . . . 192
Как мы все ели 193
Про дзыгу . . . . . —
Надежда Ивановна пришла 194
Про кузьку 195
Как червячки шелк выпускают . . . . —
Как я лучше всех спрятался 196
Какая это дзыга 197
Про кузнечика 199
Овцы 200
Как я про Москву говорил . . . . . —
Как дядя чабан волка убил 202
Какой Гриц добрый . . . . . —
Про индюков 203
Самые маленькие курочки 204
Как всех кормили 205
Кукуруза . . . . . —
Как на нас гусак напал 206
Какие я еще буквы узнал 207
Как мы играли в «Челюскина» . . . 208
Как я огород поливал 209
Какой помидор 210
Как я бабушке рассказывал про детский сад 211

СТАДО

Как я испугался стада 212
Как мы уехали из колхоза 214
От папы пришла телеграмма . . . . . —
Как мы с Клавой дзыгу пускали . . . 215

АЭРОПОРТ

Папа 216
Как бабушка заплакала 217
Самолетный вокзал . . . . . —
Как мы летели на самолете в Харьков . 218
Как мы прилетели в Харьков 219
Теперь в Харькове наш дом 220

Для дошкольного возраста

*

Ответственный редактор *Л. Кон.*
Художественный редактор *П. Суворов.*
Технический редактор *В. Артамонов.*

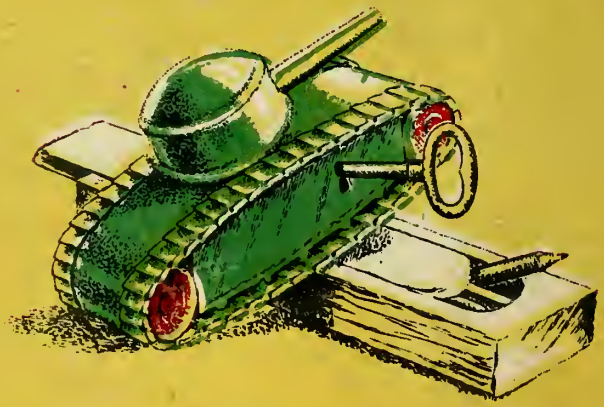
*

Подписано к печати 7/V 1946 г.
28¼ п. л. (15 уч.-изд. л.). 20 500 зн. в п. л.
Тираж 60 000 экз. А00362. Заказ № 1216.
Цена 16 руб.

*

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сущевский вал, 49.

THE LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

Цена 16руб.

БИБЛИОТЕЧКА ДЕТСКОГО САДА